

ВРЕМЯ СКАЗОК

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наибольшая мера всего прекрасного, что суждено передать зиме людям, это – быть собой, тем, что она в себе несёт, конечно, облагораживая нашу жизнь. Зима – божественна, если воспринимать её такой, какая она есть, имея, хоть какое-то, воображение, и как подумаешь, сколько зима приносит радости, никогда не представишь себе весну или лето. Зима – особенное время года, и именно поэтому она отдаёт всю себя без остатка.

Вы спросите: кому, и отчего?! В первую очередь, зима радуется самой себя, так ей суждено Господом чтить свою удалую снежную душу. Ну и, конечно, зима строго соблюдает внутренний распорядок своего замечательного истечения жизни, когда она – хозяйка всего сущего! И разве не может она, с присущей ей сердобольной сердечностью, так же восхитительно радовать и всю землю, в том числе – и человека?!

Зима, весь её образ, это – корзина волшебных подарков: со смолистым еловым духом, морозными ясными утрами, подпоясанными алыми зорями, сиреневыми загадочными вечерами и ослепительно белыми холстами раскинувшихся повсюду сугробов. Зима – краса, и она никогда не оставит человека без внимания, если тот не позабудет про свою душу, тоже полную самых чудесных надежд и мечтаний, готовую воплотить их в реальность именно зимой. Сказана русскому человеку зима!

За последнее время я почти привык к мыслям о зиме... Они, не переставая, охватывали меня с всё более тревожащей силой. Без надоедливости, но настойчиво не покидало убеждение, что рано или поздно надо додумать их до конца, и делать это сладкое дело следует не откладывая, может быть, даже заболеть им.

Ведь такие понятия, как зима, снег и звери, встречающие в лесу человека, не являются для него проклятием, и, благодаря этому, он черпает о мире многие чудесные знания. Во всём снежном, успокоенном, но непреклонном, лишь улавливаемом отчасти людьми, виделся глубоко скрытый смысл всего живого, что отображала в себе зима.

Я попытался написать эту книгу так, чтобы русская зима в ней была правдивой и непритязательной во имя её самой, у которой человеку всегда надлежит чему-то учиться. И ещё восхищаться и любить, даже когда она замечает в его душе любые следы. Кажется, вот-вот заберёт с собой и не возвратит в тебе самом чего-то очень важного, а только обескуражит. По-настоящему же в ней всегда хотелось бороться, радоваться и жить, не уставая.

НАША ЗИМА

Кажется, из каких-то далёких веков приходит однажды наша зима, и вокруг становится уютнее, чище. В деревнях топят печи, и густые дымки

белёсыми столбами поднимаются из труб к морозному небу. Словно растопившись от солнца, они вскоре растекаются синеватым облачком над умиротворёнными домами. Их берестяной запах приятно щекочет ноздри, и сразу хочется попасть в натопленную избу, смотреть на выстуженные узором окна, и слушать жаркое потрескивание дров.

Затёртые до блеска полозьями саней дороги весело бегут между домами. Воображаешь, как взвизгивает под ними усыпанный клочками сена снег, переливаясь по обочинам голубоватыми прозрачными тенями. Лошадка всхрапывает невпопад, шерсть на её крупе сияет от солнца, и колкие ледышки брызжут из-под подков в разные стороны. Долго ещё смотришь ей вслед, пока не замечаешь, как снег кисейной пеленой повисает между стволами берёз, с увала на увал с криком скатываются на санях ребятишки, а на горизонте розовеет пронизанный косыми лучами солнца еловый лес, в который непременно хочется войти.

Снег чудно поблескивает на солнце, и воздух будто околдован этим радостным зимним светом. Восторженные сороки не устают перелетать с крыши на забор, ныряют в морозной синеве, озабоченно стрекочут. Необыкновенные среди этой яркой белизны алые снегири деловито сыплют с рябины под окном мёрзлую ягоду, а поля за околицей кажутся безграничными.

В самые первые дни зимы, кажется, что она приходит как бы для забавы. Так в ней много обаяния и веселья, какой-то милой несерьёзности происходящего. Не будучи ещё захваченным ею, наслаждаешься окружившим тебя волшебством, и восторженно про себя недоумеваешь: неужели всё это торжество никогда не кончится, а душа не устанет восхищаться? В самом своём начале зима полнит сердце радостным и безоглядным упоением.

«Зюзя» - так зовут на деревне белого по цвету волос и кожи человека. Так же шутливо величают и зиму: она на Руси никогда не заставляет себя долго ждать. Чуть Покров на двор, а зима уже вместе с ним на пороге стоит, белые пряди свои охорашивает. Вроде бы, ещё и босая, а уже крепкой рукой по окнам стучит, про скорую стужу весть деревенскому люду подаёт.

Трём временам года приходится, не покладая рук, работать для того, чтобы зиме было и сытно, и тепло, и уютно. Зима потребляет и уничтожает то, что было именно для неё припасено и заготовлено, и дай Бог, чтобы еще хватило! Недаром говорят: «У зимы поповское брюхо». Но есть в том своя истинная зимняя правда.

Идёт зима, крепкими снеговыми сугробами сёла-деревни огораживает, буранами-метелями заносит дороги торёные. Как не внимать ей человеку и зверю, не замирать в покорном оцепенении птице! Ко всем, без исключения, сурова зима во имя их блага.

Ни одно время года не заявляет о себе с такой предрешённой неизбывностью, как зима. Она заранее у всех на устах, потому как несёт с собой долгожданное успокоение. Колченогая осень сиротливо плетётся где-

то неподалёку, по старой привычке не в силах скрывать свою незавидную судьбу: такой бы приговор, да на чужой двор!

Все таинства леса за весну, лето и осень, как будто иссякли, и не верится, что зима принесёт что-то новое. Жизнь застыла, как это бывает перед волной новых устремлений, а занесённые снегом черты бывшего уже не выступают так ясно. Глубоко скрытое, но непреклонное движение жизни совсем, кажется, не ощущается в начале зимы, потому как отмякшая от первого снега душа ещё не привыкла трудиться.

Стылая предзимняя немота охватывает всё вокруг, и сердце замирает от предощущения нескончаемости зимы. Что-то тоненькой стрункой тихонечко грустит в тебе, сонно проплывают неясные мысли, но никто их не слышит. И возникают тогда из полузабытого лета, кажущегося таким невероятно далёким, отрешённо-ласковые тёплые воспоминания...

Чудится тебе, словно опять ты идёшь сквозь августовский рассвет с перекосившейся корзиной в руках, и шаги утопают в его непроглядно затаенной тиши. Розовато-блёклый свет робко западает где-то за чёрным лесом, кругом не слышно ни звука, и воздух, в предвкушении рассвета, насторожен и глух. Лето незаметно уже перевалило за свою макушку, и кажется каким-то остановившимся, немножко заплутавшим, но ещё радостным.

Шаги мягко отдаются в замершей тишине, и ты со сладким томлением в сердце предвкушаешь этот погожий день с выцветшим от солнца небом, приятной усталостью и запашистыми тёмными ельниками, где из-под мха лезут сухими серовато-зелёными шляпками настёрные чёрные грузди. Хочется не спеша опускаться перед ними на колени, с удовольствием вдыхая их терпкую пряность.

Дорога по-летнему упруга и легка. Въётся невидимой лентой посреди леса, и кажется нескончаемой. Вот у самого её края испуганно вспорхнёт разбуженный тобой дрозд, пискнет что-то невнятно спросонья, и тотчас забудется в своих птичьих сновидениях, а ты несёшь в себе его неловкое пробуждение, и чему-то улыбаешься. Будто это был маленький ребёнок, что от твоей неосторожности вострепнулся ото сна, и тут же погрузился в него.

Свет быстро прибывает, и дорога уже не кажется такой таинственной. Белой лентой выплывает она посреди разросшейся за лето зелени, открывая любознательному человеку вполне обычные, но приятные неожиданности. Мне повезло со случайно обронённым глухаркой пером, как будто ожидающим кого-то на дороге.

Опрятное и тёплое, оно выглядело воздушно, так что невозможно было его не взять. Не осязаемое на руке, перо имело свой вес, и я немного рассмотрел кофейно-кремовые пятна на нём, и погладил. Не зная, что делать с ним дальше, долго нёс с собой, не решаясь отбросить, и всё время думал о том, какое оно живое. Когда же почувствовал, что перо стало совсем самостоятельным, осторожно положил его под придорожный лопух.

Таким августовским утром жизнь ощущается повсюду: в неуловимых следах, чьих-то травянистых поползновениях и шорохах. Под каждым листочком кроется мир самого ценного для тебя, и ты вслушиваешься с замиранием духа, всматриваешься в надежде увидеть что-нибудь необычное, и, конечно, не помышляешь о зиме. Только три криквы, с хрустом поднявшиеся в разросшихся камышах, выводят тебя из приятного оцепенения. Быстро удаляется их пронзающее слух беспокойное криканье, и на душу опять ложится лёгкое умиротворение.

Какое-то время ты бредёшь в неясных раздумьях, пока тропинка не выводит тебя к знакомой опушке. Где-то здесь, в укромной тени пахучего ельника и вольных берёз, тянут к свету свои запечённые на солнце головки крепкие боровики. И вновь отрешённая радость охватывает твоё сердце, и ты забываешь обо всём, и с онемелым восторгом наполнишь старенькую корзину. Благословенная августовская пора как будто замирает, чтобы человек не пропустил её, и прочувствовал до конца.

Вскоре грибная тяжесть становится ощутимой, и приятная усталость обволакивает твоё тело. Пряный жар струится над разомлевшей землёй, подпирает бледно-голубое небо, и ноги нетерпеливо несут тебя к роднику. Переступая выцветшее замшелое бревно, вдруг заметишь юркую ящерицу с изумрудно-коричневой спинкой, и сразу что-то встрепенётся в душе и по-особенному настроит её. После родника ты уже никуда не спешишь: вспоминаешь обо всём, что случилось за этот день, и что когда-нибудь всплывёт в воспоминаниях хмурой зимой, и, может быть, обогреет твоё сердце.

Вообще, всё остальное время, кроме зимы, кажется почему-то недолгим, быстротечным. В нём исподволь копится что-то огромное, всё то, что оседает потом на его дне, в надежде когда-нибудь проявить накопленное богатство. Так происходит до появления первого снега, когда время приобретает размеренную поступь, но истоки его умудрённого истечения непонятны, пока не наступает зима.

Беспрерывно налетая из-под низких серых облаков, и плавно кружа, снег поначалу украдкой присаживается на успокоенную землю, но уже не успевает растаять. Затем он идёт, не переставая, несколько дней, и его наваливает столько, что, кажется, хватило бы до самой весны. Прикрывая своей приятной, лёгкой тяжестью, словно мохнатой гигантской подушкой, окружающие деревья, дома и дороги, снег постепенно приглушает собой все звуки, целиком вбирая их своей невесомой белой плотью.

С приходом зимы белая укромная тишина заснеженного леса у самой деревни не нарушает затаенной естественности всего происходящего, а наоборот, вселяет в людей спокойную уверенность после бурного весеннего рождения, неутомного лета и осенних неурядиц. Полноправно вступая в свои владения, зима освобождает всех от ненужных тревог, мягко закружив в своем сонном танце, ласково утихомиривает и, не нарушая установившегося в природе покоя, ненавязчиво побуждает заняться неспешными делами.

Потихоньку вовлекая людей в свой мудрый круговорот жизни, зима помогает им понять истинную цену опустившегося на землю молчания, и люди целиком отдаются во власть её сменяющих друг друга заботливых переживаний.

Поначалу зима появляется как бы из небытия, и как-то незаметно проходит по земле. Немножко тревожно становится на душе у людей, что невольно забываются в своих обустроенных на зиму домах. В предвкушении ещё неведомой долгой жизни, что им предстоит одолеть до весны, они настороженно вглядываются в отражённую в небе застывшую белизну, не сразу примечая, как всё вокруг окутывает пленительный белый сон.

Зима приходит на землю, чтобы той не сгореть летом от его жарких поцелуев, и не пресытиться осенью от её нескончаемого дождливого неустройства, а сохранить свою красу, почивая под снеговым покровом. А ещё – чтобы не угасло вековечное торжество жизни, и не лишило человека тепла и света, но приняв этот природный дар, он должен дойти до всего остального сам.

Как нужна России зима! Когда она настаёт, всё как будто успокаивается и начинается новый круговорот жизни. Для всей русской земли наступает обновление.

Трескучие морозы расшевелили людей, вывели из осеннего оцепенения, заставили поёжиться. Какое-то другое солнце - не то, к которому уже давно привыкли и перестали замечать, а словно подменённое, радостно выкатилось над помолодевшим под его лучами лесом. От него, как в сказочном сне, торжественно растеклись повсюду искрящиеся солнечные брызги, что будто застывали в морозном воздухе, не успевая долететь до земли.

Пронзительный скрежет снега из-под валенок прохожих восторженно утверждал всеобщее пробуждение. Во всех направлениях побежали проторённые людьми тропы, готовя между ними новые встречи-разговоры. По головокружительному от синевы небосводу радостно поплыли взбудораженные всем происходящим вороны...

«Зима пришла, не зевай, братва!» - слышится в их отрывисто-звонком карканье, от чего по всему телу бодро пробегают мурашками, и уже совсем, кажется, не страшен мороз. Побагровевшие лица с заиндедевскими усами, бровями и ресницами излучают радостное возбуждение. Не успевшие замёрзнуть слова стремительно вырываются изо рта, и, вперемишку с вязкими облачками пара, вызывают только улыбку...

Как всё это близко и присуще русскому человеку!

Некогда ему было скучать круглый год, и самое бы время завалиться на печь, да душа не велит. Что русский Бог – авось, да небось, а русский час - невесть сколько, - это про плохого русского сказано. Досужему до всего человеку хочется, чтобы день не кончался как можно дольше, и он старается

наполнить его вдумчивой неторопливостью самых простых и замечательных дел.

Главная забота для него зимой - телом и душой отмякнуть, по родимой земле и её запахам без ума стосковаться. Чтобы приступить к ней по весне с не истраченным в зимних праздниках желанием и любовью трудиться. Праздники-то эти как не лучше, чем в самое тёмное время года устроить, когда можно жить - не тужить, да по чужим закромам не ходить - свои полны.

А и как взгрустнётся вдруг такому человеку в лихую непогоду, когда бережит душу тоска безотрадная, то понапрасну надрывать себя он не станет: погрустит-погрустит, да и утешится. У Бога день благой для себя лишний раз вымолит - не заплачет. Зима же ему, между тем, будни свои заснеженные примечать велит, чтобы ростки будущей жизни в труде кропотливом выпестовать.

В этом - вся цена русской зиме, её невидимый для человека подвиг!

Когда приходит зима, ты начинаешь про себя неторопливый разговор о том, что происходит с человеческой жизнью. Такое наслаждение слушать в снег длинные рассуждения сердца. Вполоборота сидя у окна, глядишь, не отрываясь, на двор, и кажется, будто из глубины мягкой снеговой завесы кто-то направляется к твоему дому. Всматриваясь напряжённо, никого не замечаешь, но ощущение легкого волнения уже не покидает, и на сердце ложатся приятные думы.

Веяние той беззаботной свободы, какое исходит от падающего снега, тотчас охватывает и тебя. Нечто не совсем понятное начинает твориться в твоей душе. Хочется хотя бы ненадолго вырваться с помощью снега на волю, на свежий морозный воздух из опутывающих душу сомнений, испытать, как в детстве, счастье постижения окружающей тебя сказочной жизни.

Приложившись лбом к холодному стеклу, воображаешь, будто что-то главное сжимается в тебе, подобно исчезающему на его поверхности влажному пятну. Несколько мгновений ничего не говоришь и не думаешь, а только ощущаешь, как оно постепенно замирает. И ещё знаешь почему-то, что ему никуда не деться, и что оно большое и надежное, как зима.

Мысли легкими облаками плывут в тебе, под стать этому зимнему разговору со снегом, что неслышно полнит мудрым знанием. Кажется, так хотят все кругом: и деревья, и земля, и небо. Их переживания беспамятны от счастья, как и твои, потому что охвачены общей принадлежностью к чудесному воскрешению благодаря ниспадающему с небес снегу.

Мысли о зиме, когда бы они ни родились, роятся в тебе как-то туманно, сонно, словно ты без страха блуждаешь в ночном лесу и ничего, кроме его тишины, не слышишь. Скорее даже - только чувствуешь что-то и не противишься ему. Но постепенно сердцу становится всё простым и понятным, и душу согревает неведомое зимнее тепло, и она будто освобождается от всего ненужного с приходом зимы. С воодушевлением взглядываешь в ясный морозный день на высокие облака и посверкивающие

на солнце сугробы, заснеженный лес возле деревни и укатанную санями дорогу, и в этой размеренной протяжённости зимы спокойно постигаешь, что уже не останешься прежним. Ты ещё долго будешь хранить в себе это выстуженное небо и солнце, а предстоящие испытания долгими морозами и метелями, знаешь, помогут тебе увидеть однажды желанные проблески долгожданного весеннего света.

Но когда застигает такой мороз, что птица мерзнёт на лету и падает на землю уже окоченевшей, взброшенная с ладони вверх вода возвращается оледенелыми брызгами, а еле прикрытая снегом земля может промёрзнуть чуть ли не на сажень, задумываешься ты о хрупкости жизни. С трудом в такую пору пробиваешь лёд на реке, постепенно угнетаясь душой, и в отчаянии не достигнуть воды, чувствуешь себя одеревенелым. Опустошённо глядишь потом, как тяжелыми сгустками бьёт она из-под ледяной коры, широко затопляя рваную прорубь.

Порой подступают такие дни, что кажется - не сможешь вдохнуть этот пронзительно жгучий воздух. Повальные недуги застигают всех людей без разбору, и не сомневаешься, что обезумевшая зима вот-вот иссушит и твою душу. Но всегда неожиданно наступает перелом в природе, что дарит отдохновение в давно ожидаемых новогодних праздниках.

Господь не зря устроил зиму так, чтобы вдумался человек в самого себя, нашёл для жизни необходимый свет и силы. И хотя блуждающая в небе луна кажется ему одинокой, мерцающие в бесконечной дали звезды остывшими, а ночной небосвод, склонившийся над притихшей землей, безучастно согбенным, именно зимой наше сердце не устаёт за кого-либо болеть. Не уснувшее до конца, оно всех готово обнять, окутывая своим неистребимым теплом, только потому, что вокруг утверждается зима.

Каждый год возвращаешься ты в зиму, как на ночлег, и её завораживающее одиночество охватывает тебя больше, чем восторженная память о весеннем чуде. Его надо непременно заслужить, чтобы с большей глубиной постигнуть радость человеческих встреч и поступков.

Зима только на первый взгляд замыкает собой жизнь. На самом деле она ширит кругозор, но и понуждает заглянуть вглубь себя. Декабрь, январь и февраль - это самая дальняя страна, куда человеку суждено отправляться каждый год, неизменно, и потому приход зимы для него есть не что иное, как новый стук судьбы в дверь.

Человек же не понимает тех ценностей, что несёт с собой зима. Он упорствует в том, что издавна всё ему известно, и, конечно, никогда не признает себя за невежду. Но зима неумолимо будет стучаться во все человеческие двери, пока сердце людское не откроется для радости познания её несокрушимо здорового смысла.

Не надо забывать, что когда глухой зимней порой мы думаем, что всё в природе угасло, мы всё-таки живы. Неиссякаемый источник сил ищет себе верную дорогу, и напоминает нам о себе чаще всего именно зимой. Зима для человека - это очень важное испытание на пути возвращения к самому себе.

Бывает, в предвкушении морозного зимнего утра всё дрожит и поёт ослепительной радостью внутри тебя. Большое красное солнце быстро взбирается над лесом, что-то вдруг обрывается в душе, придавая тебе дикую силу, и будто срывает с места. С каким-то душевным облегчением устремляешься ты вперёд, по ухоженной морозом белой дороге, кажется, готовый ко всему на свете, необыкновенно просветлённый. И чудом не сходишь с ума от kloкочущей в груди радости, всего тебя переполняющего восхищения.

А иной раз вдруг всё исчезает, и снежная пелена покрывает небо. И ты идёшь по нескончаемости этой тусклой белизны, ощущая в себе только неутомимую волю. Какая-то неведомая музыка безголосо звучит в тебе, но ничуть не мешает. Она сродни стелющейся впереди зимней дороге.

Снег налипает на одежду, леденит лоб и щёки, а ты движешься навстречу ветру, и видишь одну белую муть. Снег бьёт наотмашь по открытым глазам, из мутной пелены вырастают колючие вихри, и чем больше пуржит эта туманная метелица, тем темнее становится вокруг. Смежив глаза, протягиваешь вперёд руки, будто уже некуда идти, а лес, склонившись над тобой, зловеще замирает. И ты забываешься в этой волшебной отрешённости зимы...

Оказавшись дома, с удовольствием вспоминаешь про завывающую за окнами метель, и на душе опять становится зябко и хорошо. Будто охотничий рог призывает тебя к неотложному и радостному сбору. Трубный зов его мягко истаивает в верхушках деревьев, и кровь горячо ударяет в голову. В воздухе слышится сладкий гул, он полнит смутными видениями твоё растревоженное сердце, и не даёт успокоиться. Зимняя дорога постижения вновь влечёт тебя за собой: непредсказуемая в своей красе и силе, бесконечная и дорогая.

Туда, где по замёрзшим лесам молчаливо упорствует ветер, а среди заснеженных полей возникает печаль безотчётного отчуждения. Блёклым кажется сонное лесное царство, но оно не означает наступления бездушья. Это наша зима, которой мы никак не поймём, и которой безнадежно дичимся.

А между тем, каждый год неизменно живём мы под её холодным, блестящим вниманием, что объединяет всех нас неуловимым теплом своей сказочной тайны, залёгшей от рождения до смерти. Зима – в нас и вокруг, она одно из всех времён года, что открывает для человека истинный путь: без неё он самим собой не станет.

Как легко нам становится дышать морозными тихими днями! Словно мы оказываемся невольными свидетелями иной, более достойной жизни. Но вот студёный ветер заунывно завывает в замерзших лесах и день, и два, и неделю, необъяснимо терзая наши души, и начинает казаться, будто мы опять что-то теряем, не обретая долгожданного покоя. Мы чувствуем себя уже обездоленными, не замечая при этом, как стремительно протекает мимо удивительная жизнь, наша чудесная зима.

Настоящая воля человеку в зиму - это простор в мыслях и поступках, отсутствие какой-либо несвободы. И хоть всякому воля своя, русскому она - едина. Воля у него и до боли, и до безудержного веселья, так что умереть - не встать.

Независимость и отсутствие над ним какой-либо власти - рождены только его бескрайней волею. Но может волюшка обернуться и горькой долюшкой. Отпусти её тогда, да не кайся на судьбу: выйдет срок - будет воля и твой Бог. Но почему-то замирает он душою в зиму, что единолично вершит свой суд.

А воли зимы, как говорится, не переборешь: снежится ей по-своему, как ни у кого самобытно и раздольно. Но, не без Господа она в голове: есть у неё и свой бог.

Только порой грешит зима своим слишком вольным поведением. Вседозволенность, с какой она врывается в мир человека, бывает им непостижима. Даже иной раз задумаешься: имеет ли зима на то какое-то право, ибо если ей всю волю дать, добра тогда не видать. Но не спрашивает зима у человека совета, она сама его ему даёт.

Когда утонет его сердце в глубоких снегах, а душа забрезжит еле приметным огоньком в ранних потёмках, так и сподобится зима на свой подсказ. Припорошенный снежком да взнузданный крепким морозцем, подсказ этот мужика исподволь настоящей жизни учит, к вольному весеннему свету готовит. Русскому человеку честь, если такая воля в нём есть.

По воле зимы и Бога человек живёт и держит перед самим собой ответ: то ли ему его сердце велит, что он в своей судьбе находит? Ибо не зря говорят, что вольному - воля, спасённому - рай, но не всегда воля человеком владеет. Разум, бывает, скорее дорожку свою в душе прядёт, жалуя человека крестом и верным спутником, а ещё – вечной свободой, в ней всякий себе хозяин.

Помимо зимней воли, в человеке должна звучать и песня зимы. Те звуки, что рождают музыку неподражаемо волнительных видений и чудных снов, самых сокровенных сказок и предсказаний. Песня эта мягко длится в человеческой душе всю снежную пору, убаюкивает его и пеленает.

Музыкальна зима необыкновенно. Выводя морозами мелодию без слов, она обращается за помощью к ветру. С ним зима поёт давно им обоим известную песню. Про возвышенные порывы живой души и то время, когда она – в тягость, про желание познать лучшую жизнь, чтобы когда-нибудь её потерять. Обо всём может догадаться зимний ветер, потому как горазд до самых неожиданных перевоплощений.

Ветер слагает из зимнего воздуха такие песни, что по силе своей ни с чем несравнимы. Их называют русскими, дующими только с России, и они всегда приносят с собой душевное тепло. Хорошо внимать им где-нибудь

посреди зимы, когда ни о чём другом не хочется думать. Просто сидеть, прислонившись спиной к бревенчатой стене своего дома, и слушать, как не торопясь выводит ветер свои глубинные настроения.

В песнях этих никогда не услышишь какой-либо опрометчивости или непостоянства. Может быть, лишь поневоле затаившуюся непоседливость и усталость, или невыразимую грусть, что поселилась в ветре изначально. С самых далёких времен его прошлой жизни, когда он витал над пустынной землёй и чувствовал себя одиноким.

С тех пор мало что изменилось в его отношении к себе, но ветер стал петь, наверное, и для человека. Особенно зимой, когда белое безмолвие как будто сковывает его восприятие, и кажется, что оно умирает. Ещё ветер восполняет в зимнюю пору пение птиц, которые не прилетели, и иногда его дуновения становятся удивительно схожими с их нежными переливами. Он так же, как и птицы, трогателен и настойчив в достижении своих непрезыхдённых никем, жизнеутверждающих желаний.

Сладостны песни зимы, что рождаются, кажется, под сказку. И ветер поёт, и птица, и человек, но у зимы это получается особенно проникновенно. Уютно, по-доброму, слышится её грудной голос, похожий на голос бабушки. Глаза слипаются в благодном полусне, и мысли незаметно тоже превращаются в сказочные сновидения. Зима поёт в тебе.

Песню эту слышишь все зимние месяцы, и бережно несёшь в себе. Она уравнивает твои разбушевавшиеся за год настроения, и в тоже время окрыляет. Голоса вроде бы нет, но душа поёт. А поётся, как известно, там, где воля. Зимняя, бескрайняя, родная...

Но иногда зимой совсем не хочется петь. Не поётся на душе в заунывные январские метели, когда зима ещё глубока и строга. Не идёт тогда к сердцу разудалое веселье. Грусть робкого прозрения живёт в каждом окошке, или то бьётся в неустанной молитве чья-то судьба, что кажется неодолимой?

Зима же всё равно поёт свои песни: иногда хорошо и искусно, а порой даже не своим голосом. Ей, видать, от того легче становится, когда она себя во всеуслышание изливает. Про свои непроходимые снега и гибельные заносы, про невыразимую тоску непрекращающегося обретения ею вечной жизни.

Певуча на Руси и чистая правда, что обретает в зиму белоснежные крылья. Напевы её приятны русскому человеку. Не смущают его ни зыбкость, ни неуловимость, что часто оказываются присущими самой желанной и искомой на земле истине. Правда помогает застрявшему в снегах человеку, а их чистота утверждает в нём нестигаемость.

Голос у правды протяжный и мягкий, он как будто зачаровывает всех, кто её слышит. Нараспев она читает человеку свои божественные строки, никогда не сбивается. Если долго её искать - угадаешь и чудную песню, но не слышно при этом, как правда волком воет! Ведь сколько ни быть, а так и быть, ибо за такой заунывной мелодией наплачешься, пока богатым станешь.

Но уж верно говорят: либо ткать, либо песни слагать. А ещё лучше - их слушать, наслаждаясь музыкой Вселенной, ибо происходит правда людская оттуда. Ведь песню петь не тот мастер, у кого голос хорош, а кто душой красив. Зима её человеку потихоньку отбеливает, и тем самым чудную сказку свою вершит.

Не дожидаться её конца - сколько ни живи! Правда со сказкой всегда около да рядом колесит: вроде бы, и потрогать можно, а не возьмёшь! Остаётся человек один-одинёшенек, пока, наконец, не понимает, что всё это в нём живет. И что долгая песня у русской правды, и что не у всякого она допеваётся. Но именно в зиму следует искать её, и тогда она открывается в разломе девственных снегов, и окрыляет.

А если не можешь правду найти или, того хуже, потеряешь, зимние небеса преподносят её тебе в виде снега, - благоволение Господа. Истина, говорят, от земли возносится, а правда с неба слетает. Словно непорочной рукой лба касается, сердце твоё успокаивая. Охладит снежной дланью кровь, да на путь земной наставит: будто бы и жить без неё легче, но умирать тяжело.

Без правды даже настоящая сказка, что светлее снега и солнца, не сказывается. Не одна она у Бога праведного, что в себе силу небывалую содержит. Не скоро она и родится. Вместе с зимой они одно важное дело творят: душу человека блюдут, и от невзгод оберегают.

А разве сравнимо с чем-либо обаяние русских зимних слов?! Валенки, рукавицы, полати, русская печь, закуты... Печёные жаворонки, что хрустят на зубах, словно ледок под ногой, звёзды бархатные по ночам, народные праздники и лесная глушь. И, конечно, волчий вой, колокола, лисий мех и - до одури надоевшая за зиму стылая позёмка. Все они снежны и легки, мягко витают над головой русского человека, и не падают.

Как хорошо ему размышлять зимой о замершей вокруг него сказочной жизни! О том, как на славу постаралась зима, заботливо намела для человека великие сугробы, чтобы не застудил он свою душу и не разуверился в ней, если вознамерился вдруг переживать морозную пору вне дома, где-нибудь в глухом лесу, в зимовище, добывая пушного зверька или боровую птицу. И ещё намечать - как будет тропить свой первый зимник, пролагая его через снега к расставленным по путикам кулёмам, и как возвратится в родной дом, наслаждаясь после мороза его теплом и уютом. А потом, где-нибудь около Крещения, примется снимать с овец «зимнину» - шерсть, неспешно переделывая в течение долгой зимней стужи ещё много чудесной и нужной работы.

Обаяние замечательных зимних слов при этом никогда тебя не покидает, так же, как ни на миг не оставляет ненадоедливое ощущение всеобъемлющего снега. Он повсюду: им устланы дороги и поля, занесены леса и деревни, снег, кажется, улёгся и в твоей душе. Она думает его белой чистотой и дышит, постепенно постигая необъятные российские просторы.

Снег, по народным поверьям, зима из своего правого рукава сыплет, когда приезжает на своей пегой кобыле. Из левого же - иней. Там, где промчится она со своею упряжкой, следуют за ней метели да вьюги снежные, что всё заматают на своём пути. Милостивая и казнящая, добрая и бросающая в озноб, зима всех своим голодом морит, но и грехи людей исцеляет.

Летят её снежинки вещими птицами, свои заговорные приметы людям нащёптывают. Словно из Господних уст слова слёзные, с мольбою, доносятся: «Расступись, земля, на все четыре стороны, не дай, человек, замёрзнуть своей душе. Это совершается чудо зимы по её святому усмотрению, для очищения от грехов человеческих. Весь этот белый чистый снег - тебе на славу! Да будет твоя воля воистину крепка, и не возгордишься ты понапрасну!»

Так, незаметно, белое полымя зимы захватывает всех, кружит и несёт куда-то, а мы послушно отдаёмся ему и наслаждаемся его снежной тишиной. Впитывая лунный свет, мерцание звезд и солнечное сияние, снег отражает наши несбывшиеся желания и возносит их к недостижаемому небу. В падающем же снеге - мы сами поднимаемся вверх.

Когда выпадает первый снег, всё погружается в приятные думы. В этот день почему-то не светит солнце, и небо кажется таким бесконечно высоким. Скорее, оно хмуро, хотя и безоблачно, а лес вдаль стоит присмиривший. Как бы долго ты ни желал снега, он всегда приходит неожиданно.

Ты открываешь глаза поутру и сразу ощущаешь, что всё вокруг изменилось и стало новым. Вот чего так долго не хватало тебе - этого большого чистого света, с которым хорошо и спокойно становится жить. Можно отдыхать, молча, от всех ненужных слов, что сказал вчера, позавчера и ещё когда-то давно. И от тех дел, которые совершил. Их было так много, и все они почти ничего не выражали.

Только вот это ощущение чистоты, пришедшее с первым снегом, кажется, чего-то стоит. С ним незаметно наступает время осуществления желаний. Всё остальное оказывается ни к чему не пригодным.

Подойдя к окну, с замиранием духа убеждаешься: там все бело и красиво. Чистыми кажутся оконные стекла, воздух за ними, тишина. Радость и свет исходят от только что народившейся белизны, ещё никем не тронутой, чудесной.

Не одеваясь, стоишь и смотришь на это волшебство, и не можешь отвести взгляд. Сонная теплота комнаты уступает место приятному ознобу. Спрятав ладони под мышками, кому-нибудь из родственников восторженно и тихо бросаешь через плечо: «Снег... Сколько же его навали-ило-о!»

Лёгкая дрожь в теле скоро унимается, и снежная умиротворенность заполняет тебя до краёв. Тебе хочется жить с этого дня по-новому, и верится, что именно так всё и будет. Давно задуманное, но по разным причинам не осуществлённое, ты намереваешься воплотить в ближайшем будущем. И ещё помириться с родными, сделать для них что-нибудь запоминающееся и

доброе. Кажется, такое утро сотворено только затем, чтобы на него взглянули однажды в окно, и ощутили бесконечную простоту и ясность жизни, когда она оказывается не использованной так, как того заслуживает.

Бывает, случится тебе зимой попасть в самый снег, только не тот, что по земле метёт, а что сверху идёт. Когда он как будто растекается вокруг, ниспадая откуда-то лёгкими растворяющимися хлопьями, и ненавязчиво приносит с собой свет, что льётся вместе с ним отовсюду.

Что-то необъяснимое касается твоей души, так что даже не можешь какое-то время различить: хорошо ли это? Всё увиденное необыкновенно очаровывает тебя, и ты уносишься вместе со снегом и тишиной в поднебесную серую тьму, где теряется ощущение времени и пространства. Снег летит со всех сторон, и тебе не найти никак ответа: куда и зачем улетаешь и ты вместе с ним?

Порой ясное ощущение от присутствия снега воцаряется в душе с самого пробуждения. На дворе ещё темно, и снег в остановившемся воздухе валит пуще, чем накануне. Пушистые хлопья лениво кружатся в воздухе, как будто не желая ложиться на землю, и кажется, будто всё это тёмное зимнее пространство пронизано неопишуемой радостью. Ты чувствуешь её в редких пешеходах, поскрипывающих валенками, в замороженных вскрикиваниях воронья за окном, в собственной, только начинающейся простуде, представляющейся очередной зимней роскошью, когда можно болеть не в ущерб, а во благо.

Такое утро дразнит тебя просыпающимся любопытством: а ну как покажется солнце да зажжёт снежную гладь блеском, от которого можно ослепнуть! Линия сугробов тогда околдует своей вытянутой закругленностью, захватит морозно-искрящимся загляденьем на происходящее, и от всего этого захочется жить долго и радостно.

Иной же раз снег падает так, как будто две женские руки, полные и белые, видимые только тебе одному, протягиваются откуда-то сверху, обнимают, и от этого объятия никогда не бывает плохо. Просто так должно происходить, так тебе суждено жить и чувствовать.

Небо всей своей необъятностью, вместе со снегом, кажется, спускается на землю, проявляя ко всему только нежность и внимание. Как хорошо отдаться этой неведомой природе и неслучайной зависимости от неё, перестать всё время чего-то добиваться и бороться. Белые руки зимы расточают восхитительную милостыню и счастье.

Воздух от падающего снега кажется прелестным, и дышит вдумчивым шепотом. Он полон нерастраченного значения.

А то ещё снег закрутит, да ровно как разыграет, вмиг прекратившись: словно бы замер ты над пропастью, и одна нога уже в пустоте. Страшно тебе станет, и когда перед тобой такая нетронутая снежная поверхность откроется - даже удивишься. Предчувствие того, что всё в жизни поправимо дарил тебе первозданный снег, а тут вдруг всё это надвинувшееся, белое

вдруг остановилось и заставило сжаться сердце. Ошарашенный, застыл ты перед снежной равниной, боясь истоптать её чистоту.

И вспомнишь неожиданно детство, как любил бродить по глубокому снегу под старыми яблонями, оставляя за собой непрерывные следы. Белые груды его воздушно нарастали выше коленей, и это сопротивление снега было приятно. Когда же оно становилось непреодолимым, ты начинал из всех сил пробираться, орудуя ногами и руками, так что шапка сползала на самые глаза. Мокрыми варежками, то и дело, поправляя её, тебя не покидал сладковато-стылый запах снега и той новизны, которую ты будил с каждым шагом.

Снег лежал повсюду так ровно, что казался неосязаемым и каким-то живым. Как будто он появлялся только ради тебя, чтобы ты смог преодолевать его и радоваться тому, какой он доступный, лёгкий и нежный. Снег повторял все деревья, кусты и горки, но это было неинтересно: необыкновенным представлялось утопать в нём, в этом сладком зимнем сновидении.

Вот это отсутствие боязни снега с тех дальних времён куда-то ушло, но если ты надолго оказывался посреди белого пространства, когда перед тобой вдруг возникали заснеженные поля, деревья и стога сена, ощущение, переживаемое в детстве, возвращалось. Прямо на твоих глазах зима становилась тебе дорога не только своим настоящим, но и прошлым, и с тобой случалось что-то очень важное, чего не могли дать осень, весна или лето. Глубокое и тихое счастье от переживания зимнего пейзажа опять оказывалось неосязаемым: словно воспаряя куда-то вверх, ты становился одинаковым со снегом, испытывая к нему только нежность, и совсем не боялся оставаться с этой всеохватной белизной наедине.

К середине зимы жизнь повсюду будто бы замирает. Дома немотствуют, деревья стоят посеребрённые, и белая тишина располагается так тихо, что слышны лишь мягкие удары дятлов. Во мрак зимы ушли берега рек, овраги, ложбины, но не берedit душу белое безмолвие. И птица, и зверь, и человек проникаются им, и отдыхают.

Налёт чудесного отдохновения лежит на всём. Он передаётся сиреневым сумеркам, как бы нехотя прикасающимся к замершей земле. Сердобольным сорокам, то и дело отряхивающим с ветвей морозный иней. Всему оврагу на окраине деревни, превращённому в сплошную ледяную горку и сделавшемуся оттого таким открытым, доступным для ребятни. И ещё - заснеженным домам, замкнуто поглядывающим на это приглушённое зимней тишиной время-истечение.

Зимний лес не видит, говорят в народе, поле не слышит, вроде бы, ни за что не отгадаешь эту настороженную тишину. Но входит в неё человек, растворяется в обволакивающем белом помутнении зимы, и обретает в душе Бога. Настроившись на эту божественную тишину, душа уже не теряет себя никогда, может быть, только на время забываясь...

Нелегко бывает различить свой земной путь в занесенной снегами России, в самую глухую зимнюю пору. Лишь к её исходу ты жаждешь для себя и всего света перемен к лучшему, в нетерпении ожидая чего-то нового. И всё же, редкие вспышки чудесного озарения иногда посещают твоё замершее сердце, и ты радуешься, что посреди зимы оно живо.

Когда солнце поворачивает на лето, а зима - на мороз, и день незаметно отбирает у долгой ночи неуловимые мгновения, в лесу зарождается зимнее эхо. Ни один звук не пропадает в зимней тиши: он тает и - остаётся. Может быть, незаметно ускользает к небесам, но пребывание его обязательно насыщено чарующим смыслом.

Ночью и на рассвете трещат повсюду деревья: тоненькая осина щёлкнет невпопад, более солидное дерево ударит уже как следует, вроде бы по сухому бревну обухом стукнули, а старая липа так крякнет - за километр слышно. Из рек уходит понемногу вода, оседает под собственной тяжестью вытесняющая её смёрзшаяся толща, и от берега к берегу прокатываются гулкие раскаты: это трещит лёд. Лютая зима берется за дело серьезно и, наваливаясь на всё живое своими скрипучими морозами, кажется, останавливает время.

И только вороны черкают в замершем воздухе над узорчатыми сводами заснеженного лесного храма. Крун-дон... Крун-дон... Крун-дон-н...

Как хочется самому сказать что-то громогласное и величественное, так же громогласно и проникновенно отдающееся в зимнем воздухе. Но ничего не получается: ты - нем. Должно пройти какое-то время, чтобы в душе воскресло самое главное, а для этого следует обратиться лицом к жизни, которая затихла ли?

Нет, она жива. Ею проникнуто всё заснеженное пространство, о необъятности которого даже не хочется думать, но почему-то им хочется жить. Проникновенно и честно, словно ты переживал это в себе не однажды. И так оно и было.

Как хорошо это знание, дающее покой. Оно обязывает тебя быть более свободным и сильным, когда тоже хочется лететь и кричать: «Крун-дон, крун-дон, крун-дон...»

А то вдруг послышится в этом завораживающем крике воронов отдалённый звон колокола... И вот увидишь, как посреди глухого леса кроется неведомая церковь с луковками заснеженных куполов. Протяжный зов её колоколен проносится над землёю, вливается в душу, и тоже завораживает. Ничего более тревожащего и одновременно убаюкивающего ты в жизни не слышал.

Задираешь голову к небу и хочешь уловить этот неминуемо ускользающий звук, а он безнадежно истаивает где-то в недостижимых далих. Несмотря ни на что долго вслушиваешься в отдалённое эхо, и звон от воображаемой колоколенки, не смолкая, стоит в ушах. То он возносит тебя к небу, то ввергает в чёрную холодающую пропасть. А то может околдовать бесконечно белым кружением над замершей в снегах землёй. Нет ему

преград и мыслимого предела, как и в твоей душе, которая пьёт проистекающую повсюду тревожащую радость.

Ведь зима не может заглушить пламя сердца, а оно не в силах говорить о ней ледяными словами. И тогда приходит черёд сказке, что ведёт за собой человека через всю зиму, убаюкивает и воскрешает. Хорошо внимать её вкрадчивым речам, сладко...

Сладко и сонно становится жить под незапятнанным зимним небом, всегда с горячими воскресными пирогами и добрыми замыслами. Сама жизнь превращается в сказку, без конца и без края, и нет предела той затаенной радости, что может преодолеть любую, самую приевшуюся действительность.

В деревнях между домами тишина и холод, и только окна в скорых сиреневых сумерках горят живым оранжевым теплом. Там, за окнами, живёт вдумчивая людская озабоченность и нежность.

Кто-то маленький сидит на коленях у своей бабки и с замиранием сердца слушает, как давным-давно, в тридевятом царстве-государстве, жил-был... Голос у бабки тихий и печальный, но ты знаешь, что всё это - родное, своё, как старая сказка, которая льется зачарованно рядом, а её волшебные образы не перестают волновать твоё разыгравшееся воображение.

Великий покой окутывает всё на земле, и только волков голод бросает в нескончаемую дорожку среди сугробов и ущербных теней. И вой стоит над всей заснеженной Россией, вой неистовый, пугающий и манящий. Круто заварена снежная каша русской зимы.

Русская зима - это русская печаль без видимой причины, без конца и края снега. Неизбывная необходимость жить, когда всё умерло до весны, уснуло.

Но человеку не дано забыться. Надо блюсти свою душу, не умирать в безысходной тоске, с пользой проживая отпущенное природой время. Нужно заботиться о людях и собственной жизни. Чувствовать не отупело, а радостно. Обжигаться морозом, угорать от печного дыма, но прорываться в гибельную пургу навстречу розовеющему свежему утру.

А ветер сплетает косматые снежные пряди, бросает их оземь, стонет, гудит. Колючие снежинки шаркают о дверь дома. Под столом, в углу, попискивают в темноте мыши. Неуловимыми тенями они проскальзывают вдоль стены, играют с хлебными катышами, создают уют. Наверное, мыши радуются присутствию человека, и выюга за окном не кажется такой устрашающей. Пламя свечи изредка вздрагивает в мутноватом стекле, сладко потрескивают в печке дрова, и сердце ровно бьётся в груди для дальнейшей жизни.

И вот уже дивный сон наваливается на плечи, так что слипаются веки, и тогда всплывает посреди зимы её самая волшебная сказка – Рождество, вместе со всеми чудесами, что оно в себе несёт.

Выйдешь в рождественский вечер на крыльцо - дух в груди перехватит: такой весёлый озноб по телу пробежит, что и слова не вымолвить. Каково!

Звёзды в напружиненном небе, кажется, съёжились от мороза, а так и играют разноцветными камнями, задорно вспыхивая в торжественной вышине. Если голову не опускать, и всё вверх глядеть, то начнёт казаться, что они – живые.

Среди поблескивающих сугробов тени густые копошатся. От дома синенькой ниткой тропка тугая к колодцу тянется, взвизгивая, словно поросёнок. Деревья в снегу по пояс застыли, но тоже всему происходящему тихо радуются, сопереживают.

Морозный воздух от фонарей искрится, осыпая восторженным блеском шапки, валенки, шубы, и они мгновенно смерзаются, отчего во всём теле – удивительная приподнятость, бодрость. Так бы и полетел прямо сейчас, не откладывая, в морозно сверкающую вышину. И не боишься, что сердце превратится в ледышку, а на душе тепло от счастья, празднично.

Плывёт кругом рождественское сияние, не утихает! Мечта одна другую перегоняет, в звонкую тишину тянется: от предвкушения того, что всё задуманное сбудется, даже как-то неловко становится. А как если самое сокровенное загадать – будет ли тебе отрада?!

Святой вечер, и такое необыкновенное настроение, что не передать словами. Окна в домах совсем замёрзли, тихо поблескивают оранжевым теплом и уютом. Где-то там, в уголке, замерла отогретая с мороза ёлка: распушив густые лапы, сладко дышит хвойным жаром. Золотые и серебряные шары слабо прокручиваются в ней на нитках, отсвечивая замысловатыми узорами, притягивают к себе нескончаемой сказкой...

В такой вечер всех тянет из дома на мороз, под мерцающие звёзды, а с мороза – к ёлке, где яблоки всегда пахнут снегом. Мороз за окнами крепчает, небо в выстуженном ином, и под ногами прохожих хрустят ломкие ледышки. А дома тепло: стреляет изредка печка, скачут по ней загадочные тени. Как тут не простишь зиме её метели, глухоту и мрак?!

Неторопливо длится рождественский вечер, и, кажется, ему не будет конца. В такую сказочную пору всё представляется нерассказанным, и его хочется передать: спокойно, мудро, никуда не торопясь. Все сказки, должно быть, родились в эту волшебную пору.

Сказки, словно таинственные сны, украшают жизнь, воплощая в ней наши несбывшиеся мечты и надежды. Они – сама многообразная и красочная жизнь, в которой человека не покидает стремление доискаться, наконец, желанной правды. Сказки не оставляют нас в течение всей жизни, будто манящая своими чудесами загадочная лесная тропка, и мы верим в то, что всё хорошее в ней не только когда-то было, но и есть, и ещё обязательно будет. Сказано – сделано, и значит придёт пора, что сказка сбудется.

А что творится в эту пору в лесу, знают лишь тёмная ночь да яркие звёзды. Под их таинственным свечением бесследно исчезают в нём и человеческая радость, и слёзы, и сердечная боль.

Но молчит над головой загадочное небо, безмолвно сияет месяц, и только необъятный простор зимы звенит в ушах. Ночной воздух то ли околдовывает этой замершей пустотой, то ли просто обескураживает: нет предела его сковывающему могуществу. Темна вкрадчивая ночь в лесу – татю родная мать, да черны и людские дела.

С затаенной набожностью взирает человек в эту нескончаемую морозную черноту в надежде на избавление от всего, что полнит душу страданиями. Славит звёздное знамение, воскрешая исстрадавшуюся душу, ему одному вверяя самое сокровенное.

Оттого, наверное, и звёзды в сочельник Божьим повелением к ягодам горят, которых вдоволь должно уродиться. То-то загуляет в лесах народ да возрадуется! А пока тихо в лесу, степенно: всякий зверь знает в нём своё место и время, на себя одного надеется. Кажется, так далеко до Божьей милости - через долгую зиму счастья своего вовек не достать.

Хорошо поутру просыпаться в какой-нибудь лесной избушке задолго до восхода, встречая зимний рассвет лишь при слабом отсвете разгорающейся печки. За окном в такие часы стоит совершенная тишина. Воздух мягок, душист, и зазевавшиеся снежинки изредка вспархивают в нём ослепительными блесками.

Выйдя ненадолго на крыльцо, чтобы умыться снегом, весь находишься в предощущении того, когда звёзды начнут постепенно гаснуть, а возвращаясь в избу - чувствуешь, что переполнен их чарующим светом. Но долго ещё нельзя заметить какой-либо перемены. Лишь печь, украдкой, потрескивает в тишине, и, кажется, больше звуков нет на целом свете.

Но вот воздух словно сдвинулся, и слабо заалело окно с востока. Затем неожиданно обозначились рукомойник, полотенце на нём, а вскоре и печка, чью белизну ещё недавно нельзя было различить. Всё как будто ожило, стало неторопливо занимать свои места, и тотчас улетучилась тайна, ради которой с замиранием духа сидел ты в одиночестве, посреди этих забытых снегов и неменяемого леса.

В зимнем лесу ты непроизвольно ищешь тайну, и она всегда застигает тебя врасплох, сколько бы ты за ней ни гонялся.

Когда холодный месяц сияет над крышей твоей избушки, на душе становится как-то отрешённо, даже - грустно. Простодушная жизнь в зимнем лесу начинает казаться тебе печальной и, может быть, никому ненужной.

В каком отдалённом краю живёт сердце зимы, думаешь ты, и если место ему не здесь, то где тогда его настоящая обитель? Таится оно сокровенно в дремучем лесу, или своевластно витает над своими неведомыми заснеженными просторами? Существует ли, вообще, где бы то ни было?!

А что поделать тебе со своим сердцем, часто западающим в морозном крошечке зимы? Вот как сейчас, когда ты хочешь постигнуть её сердце, вроде

бы - чужое, но без которого твоё существование оказывается просто невозможным.

Святость таких лесных откровений, тем более – зимой, всегда волшебна. Сказочным представляется то, что зимнее сердце бьётся и в твоей груди.

В заснеженных лесах нет разбора нескончаемым дням. Стелются они суховатою позёмкой, заматают и околдовывают память. Кажется, никому из них во всю зиму хода никуда нет: забыты они всеми, на самих себя обречённые.

Но неравнодушному человеку в зимнем лесу нечего бояться. Чисто и как будто даже свято становится там. До самой весны эта белоснежная чистота пронизывает лесное пространство, и никуда не уходит.

Ещё с детства полюбил ты пронизанный сусальным огнём зимы лес. В такие минуты точно что-то живое входило в тебя, незаметно заливая душу радостной снежной глазурью. Это не было светом, а скорее скрытым ароматом жизни, неуловимо проистекающей в природе, тем, что вынуждало зимний лес, всё существующее в нём, чудесно преображаться.

Ощущение от этого впечатления ненавязчиво напоминало всеохватывающее чувство переживания первозданности мира и его нетронутой чистоты. Но страшно бывает в суровую зиму войти в дремучий заснеженный лес. Таким одиноким и беспомощным чувствуешь ты себя в нём.

Холодный, северный ветер носится где-то в верхушках деревьев, и нет желания внимать ему. Об этом даже не помышляешь, так же, как не замечаешь и тяжёлого, низкого неба, растворённого в непогоде. Весь ты обращён к лесу, его неприступности и силе.

Не сразу разберёшь, что именно пугает в нём. Словно что-то чужеродное и необъяснимое касается тебя своим невидимым крылом. Оно как будто ничего не имеет против твоего присутствия здесь, и только исподволь наблюдает: что ты предпримешь?

Ты ощущаешь это для себя достаточно ясно, поскольку давно усмирил разыгравшееся воображение, но, то неведомое, что скрывается в заснеженном лесу, не перестаёт тревожить. Чем дальше удаляешься ты вглубь леса, тем сильнее воздействует оно на тебя. Если вовремя не взять себя в руки, дикое беспмятство может овладеть тобой.

Чего уж говорить о проведённой в таком лесу ночи, может быть даже - не одной, когда ты будто попадаешь в другую, неизведанную жизнь, в которой живёт какой-то давно забытый всеми, страшный смысл. Сквозь её мутное, тяжёлое существование не пропадает ощущение чьего-то дурного глаза, что пристально наблюдает за тобой и наслаждается твоей растерянностью. Ты словно пробуждаешься от неприкаянного северного ветра в своей душе, и мучаешься от этого.

Ветер этот, кажется, начисто готов выстудить твоё сердце. Мощно и глубинно гудит он где-то во тьме лесов, не забирает тебя с собой, но и не ослабевает, разрастается, так что тело будто становится ничейным и

ненужным. Его уносит вместе со всей заснеженной землёй какая-то чужая, неведомая непогода, грозная, как Страшный суд.

А потом опять всё исчезает, кроме этого жуткого ветра, и ты не можешь пошевелить даже пальцем, скованный распространившимся повсюду холодом и страхом. Как будто кто-то неживой возвращается из прошедшей ночи, и безобразно заглядывает тебе в душу. Ты лежишь, затаившись на нарах лесной избушки, и ждёшь чего-то важного, что вот-вот должно произойти, но не происходит, и ты не можешь избавиться от охватившего тебя забвения посреди сурового января, на дне этого застылого зимнего безумия. Лежишь и ждёшь раскрытия сокрушающей твоё сердце тайны зимы, которую всегда почему-то боишься вспугнуть.

И всё же, что-то в душе всегда противилось этому лесному забвению и страху. Безоглядная одичалость твоего лесного существования вдруг приятно засвербит где-нибудь под лопаткой, отпустит, и ты опять остаёшься наедине со своим одиночеством, но только уже неустрашимым, подобно дикому зверю, неуловимым и свободным от всех губительных наваждений, как безудержный ветер.

Ты – покоен, твёрдо зная: путь твой лежит во мраке лесов, среди бесконечно простирающегося волшебного снега... Это - твоя неразделимая с русской зимой судьба.

Когда кончается зима, ты словно становишься богом. Не сразу: должен ещё стаять снег, солнце разгорится ярче, пойдут первые дожди и от земли запахнет стылой сыростью. Тогда почувствуешь ты себя каким-то особенным и восторженным, так что захочется лететь безоглядно ввысь, дотрагиваясь взглядом каждой травинки или ручейка.

Наступает благословенная пора, и ты забываешь обо всём на свете, и только живёшь. И не вспоминаешь больше зиму, её морозы с метелями и нескончаемую ночь. Хочется тебе веселого пения птиц, свежести и солнца.

Утопающие в весеннем мареве дороги влекут тебя вдаль, и вот уже, кажется, совсем не осталось в твоей душе зимы. Неведомо где потерялся её завьюженный след - не отыскать теперь ни за что, как бы ни старался. Да и нет про то печали: сердце охвачено другим восторгом.

Но зима всё-таки жива, и не покинула тебя. Она живёт в тёмном уголке души невидимым и важным присутствием, напоминая в самую незабываемую весеннюю пору о том, что начало радости рождено ещё в декабре, когда задувают несмолкаемые ветры, землю укутывают непролазные сугробы, и пока только во снах тебе видится будущий весенний полёт.

И тогда отчего-то взгрустнётся на сердце, и опять захочется ощутить нежную снеговую мягкость. Выбираешь самую живую её часть, что ещё дышит зимой, где-нибудь в затенённой части огорода, за дровяником, и осторожно

дотрагиваешься: ощущение поразительное, но уже не такое глубинное, как в начале зимы!

И всё же снег снова, так что на миг замирает сердце, обжигает твоё восприятие уже полузабытым о нём воспоминанием. Руки приятно сведёт от резкого холода, когда ты, зачерпнув горсть слежавшегося снежного крошева, протрёшь им лицо, и улыбнёшься. Какой же снег невероятно терпеливый, даже – настойчивый, что не сдаётся, продолжая удивлять!

Да сколько снегу ни лежать - к весне его солнце всё равно растопит. Помогают ему в этом ветры с дождями. А снег растает - и ничего, кроме воды, не останется. Необычайно живительна эта влага, потому как в ней вся сила и удаль зимы заключена.

Правда, преждевременное таяние снега не обещает ещё скорого окончания зимы. В народе говорят: рано затает - долго не растает. Закрутит ещё мартушка свою вертушку, заметёт всё пушистым снегом, ровно не видать никогда весны!

Но не радуется уже человека такой снег, а больше печалит. Хочется ему поскорей от наскучившей зимы избавиться, вдохнуть весеннего воздуха и света.

Но пока снег не весь растаял, всегда весной можно ожидать его вновь. Оттого меж людей сказывали, что раньше времени успехом хвалиться ни к чему. Известная поговорка - под снегом не жни, как раз напоминает об этом.

И всё-таки, суждено зиме уступить. Тихо рассказывая волшебные сказки, убаюкивая лютыми метелями и незаметно поддерживая в человеке здоровье, она уходит, оставляя после себя свет и надежду. Мудрая зима терпеливо копит силы для будущей непрекращающейся жизни, и наставляет до капли выпить буйную весну, раздольное лето и умудрённую жизненным опытом осень. Наша зима дарована нам небом в благое наследство: таков её обычай.

ОБИТЕЛЬ СНЕГОВ

Появление снега в России всегда ожидалось с нетерпением, так как с ним устанавливался зимний путь. Это было лучшее и наиболее дешёвое средство сообщения там, где нет ни железных дорог, ни судоходных рек. Но первая порошка - ещё не санная дорожка, до неё от первого снега, по народным приметам, шесть недель.

Считали, что только тот снег и прочен, который сверху падает, а не тот, который ветром наносит. Чтобы зимний путь установился, нужен был наст - когда бы снег достаточно уплотнился под собственной тяжестью и от мороза. На Руси издавна велась пословица: если на дворе мороз - смело клади сорок пудов на воз.

Но нелегко через зиму до настоящего наста добираться, не сразу он складывается. Рыхлые и глубокие сугробы мешают, в них не только лошади, а и человек проваливается: гибельная та дорога и изматывающая. Да и не уровнять её во всю зиму - снежная метель рано или поздно своё возьмёт.

Под снегом зимою всё укроется: снег старые следы заметёт, а новые по нему пролягут, да тоже уцелеют только до первой метели. Снег - что молоко земное: изливая неустанно свою сказочную густоту и благодать, оно питает ею людские души. Пошёл снег, говорят, зная, будет русское дело, что сплеталось из неиссякаемой смекалки человека и его удали. Всё оно было отображено в неувядающих зимних поговорках.

Про то, как скатерть бела весь свет одела и никого не забыла, а белый цвет на чёрную землю всегда к лицу. Про материнский гнев, что вешний снег: и много его нападает, да скоро истает. Если же снегу и в самом деле порядком надуёт, то хлеба прибудет, а вода разольётся - сена наберётся. Много снегу - много хлеба, много воды - много травы. И ещё бывало спокойное верование: как ни мойся, белей снега не будешь.

Из загадок, вырастающих из снега, можно слепить целую бабу. Снег в них приходил тихо, а ложился мягко. Летал без крыльев и рос без корней. Взлетая или оставаясь неподвижным, он молчал, когда же умирал - заливался слезами.

Снег мог возникнуть на дворе пухлою горою, а в хате вдруг обратиться водою. Был он белее ваты и зайца, мягок, как шерсть, лёгок, как перо. Матушка из него муку молола, и весь свет им в белое одевала.

Зима - время снежное и любимое для всей русской земли. Снег на всё пригоден человеку, и любовь к нему - чувство для русских общее, исконное. Снег - первая примета зимы, и ему приписывали множество чудодейственных свойств.

Верили, что снег земле - всё равно как шуба или одеяло: он защищает её от сильных морозов. Снег благотворно влияет на почву, привнося в неё будущее течение соков. Снег на землю, говорят в народе, тот же наём, он полезен для неё, как дождь.

Времени и условиям выпадения снега придавалось также немалое значение. Коли в свой час снег у нас - так и урожай Бог спас. Как снег пойдёт да как ляжет, так на лето мужику про жнитво скажет. И ещё примечали, что если зимою снегу намедает близ изгороди - к урожаю, коли далеко - во всём ожидай недостатка.

Особо обращали внимание на первый снег, что за сорок дней до зимы выпадает, а самый прочный - только ночью. Дневной снег не больно долго лежит. Скоро тает и тот, который появляется осенью, когда ещё деревья не сбросили листьев.

Замечали также: сколько дней пролежит первый выпавший осенью снег, столько раз зимою он сойдёт и снова нападает. Если уляжется на мокрую землю, то останется, и ожидай тёплой зимы, а опустится на сухую - скоро опять сойдёт. Когда же снегу наносило рано осенью, то весна предполагалась ранняя, позднее же его выпадение внушало крестьянам опасения.

Необыкновенное отношение в народе к первому снегу возникло и благодаря его целительному действию. Утверждали, что если первым выпавшим снегом вытереть глаза, они никогда не будут болеть. Кто же умает

им лицо - будет белым и пригожим, как снег. Последнее более подходило молодым девушкам, приваживающим женихов.

Часто по снегу предрекали предстоящую погоду. Если снег ослепительно блестел на солнце, можно было ожидать его скорого появления. Новый снег и новые холода приносит: на него лучше смотреть, стоя у хорошо натопленной печки.

Снежный буран днём мог ещё предвещать мороз ночью. Продолжительных и сильных холодов следовало ожидать в особенности тогда, когда снег идёт мелкий и лёгкий. Тот, что падает пушистыми хлопьями - обещал оттепель.

Когда деревья покрывали обильные снежные хлопья - означало скорое тепло. Снег плотно улёгся - быть мокрому лету, легко - к сухому. Обильная на снег зима приносила дождливое лето, а образовавшийся на снегу наст - хороший год. Если же наста не было, год вообще устанавливался тяжёлый.

Выпадая в разное время, снег также часто менял и свое лицо. Первый по осени снег, не дающий ещё зимнего пути, назывался «мелкоснежник». Пушистый снег, выпадающий крупными хлопьями - «видь» или «падь». Метель без падающего сверху снега и развеивающая уже лежащий на земле сильным ветром - «подносуха» или «кура». Снежная заметь, срываема ветром с вершушек сугробов и расстилающаяся больше понизу, именовалась «позёмка». А первые по зиме снежные метели называли «заверухами».

Нечто среднее между снегом и градом называлось «крупа» или «голуха». Густой мокрый снег носил название «липуха», снег же с дождём - «рянда» или «лепень». С туманом и моросью - «чидега». А тот, что вновь нападал весною, после схода зимнего снега, звали иногда «отзимок».

Снег, падающий густой массой в незамёрзшую воду, прозвали «сало» - предвестник ледостава. Он был мягок и рыхл, сочный от вобранной в себя влаги. Но никогда не тонул, лениво переворачиваясь в воде с боку на бок.

Когда снег идёт и крутит сверху - «буран», если метёт только низом - «волокуша» или «сипуха». Снег пылью, как облетевший иней, - «искра», «блётка». Снег на талую землю, который не лежит, - «снежура».

Одинаково падая на всех, снег как будто объединяет людей - им всем приходится его сметать. Причём, каждый делает эту работу для себя, и всем от того хорошо. Знай, обметай снег у своих дверей, а сосед в это время будет скалывать лед на своей крыше!

Господь Бог снег по нужде всего живого посылает: не только людям, но и домам, животным, деревьям. Для каждого столько, сколько ему надобно. Большому дереву - целую гору, маленькому - с ермолку. С выпадением снега заметно меняется их образ жизни. Форма и размер деревьев могут зависеть от снеговых нагрузок. Возможно, наша новогодняя ель - результат её приспособления к снегу.

Некоторые деревья способны захватить обильные охапки снега. Кажется, они привыкают к нему, и так живут всю зиму. Даже с наступлением тепла - им, вроде бы, недостаёт чего-то, и деревья тоскуют. Они очень

сблизились со снегом и полюбили его за то, что он укрывал их долгую зиму от морозов.

Обыкновенные мёрзлые пары, ниспадающие в виде воздушных хлопьев с облаков, уже сами по себе необыкновенны. Они сыплются, падают, придавая при этом разные оттенки настроению и, соответственно, чудесным образом влияют при этом на людей.

Так, пушные хлопья очаровывают и усыпляют.

Снег крупной, пополам с мелкими градинками - наотмашь сечёт лицо, и ты вскоре начинаешь казаться себе совершенно пустым и бездушным.

Снег мокрый, с дождём лепит глаза и лоб стылой безысходностью; с туманом и моросью - пробуждает в душе слабую надежду; с сильным ветром - как будто заносит её.

Снег с вихрем, охлаждая горячую голову, неожиданно выдувает в ней единственно верное решение.

Снег, что заметает низом, вызывает необъяснимую досаду, зато снег пылью, как облетевший иней, словно услаждает успокоенное сердце колкими и радостными блёстками.

Ослепительная пороша очищает душу, весело и ненавязчиво подсказывая вероятность долгой будущей жизни.

Рыхлые и глубокие сугробы бессовестно отнимают ещё не укрепившиеся в сердце желания.

Обледеневший сверху тонкою корочкой снег, чуть надломившись, обещает нечто чудесное и несбыточное.

Плотно слежавшийся и надёжный наст укрепляет веру в бесконечность лесной дороги, осенённой чьей-то непрекращающейся благосклонностью...

Такой бодрящей благодарностью, оказывается, пронизано всё существо нарождающегося однажды снега, каким бы он ни приходил на обременённую заботами землю. Уставшая за осень, земля всегда терпеливо ждёт его, а укрытая им - умиротворённо засыпает. И тогда начинается удивительное царство белого цвета, предназначенного утихомирить никогда до конца не затихающую жизнь, давая ей возможность сладостной передышки.

Распахивает зимой Русь свою белую душу, будто высказывает что-то важное, без чего не прожить человеку на земле. Охватив всех, выносит к открытому небу, чтобы возжелало сердце в глуби зимы радостного полёта. Каждому это становится понятным и близким: хоть сейчас лети навстречу Господу, и предавайся восторженной песне...

Песне без слов, по имени Россия... Лети и постигай свою необъятную родину с её заснеженными таинственными просторами, волей и убаюкивающими метелями под уютный свет душистой берестяной лампадки у пречистого образа Богородицы, что ведёт тебя к истокам настоящей жизни, и ты готов испытать до дна весь аромат своей загадочной и дорогой страны.

Великая песня снегов плывёт над огромной Россией, зовёт за собой вдаль и печалит, воет злым зверьём и за что-то корит. Единым жребием ты связан со своею белой родиной, словно отчего-то овдовевшей зимою. Такою чудится она, придавленная снегом, под бременем мятежных дум обуреваемого свободой народа... Нет прекраснее его, в глубокой синеве глаз которого отражены белоснежные вольные птицы, готовые всегда взлететь и не упасть, свободно наслаждаясь премудростью жизненного полёта.

Белизна, рождённая снегом, опьяняет, от неё идёт кругом голова. Созданная Божьей волей, зима на нём только стоит, им исповедуется и освящает.

Снег мягко изливает из себя свет - он яркий, с играющим ласковым блеском. А ещё он зеркальный и прозрачный, радостный, торжественный и веселый. И, конечно, праздничный... Иногда, кажется, что снег смотрит ясно, всё видит и объемлет, чем-то глубинным завораживает.

Зимнее чудо - снега белого глубь и простор, теряющийся в нескончаемой России, его чистое и святое лицо, будто молча обращённое к иконы. В душу каждого русского западает оно потаённой струйкой, никогда не истрачивается. Великодушно являет снег человеку свой непорочный белый лик, изысканной чистотой умывает его, и так они белы живут. Недаром на Руси всегда говорились: хорош - значит бел. Доброта между людьми была даже белее снега...

Что и говорить, белый цвет Россию не погубит. Он её целит и красит, и земля, и место святое, и страна им именуется. Белая земля, белая церковь, белая Россия... Даже народ за истинную веру в себя и в своё отечество называли этим чудодейственным цветом. И свет на Руси тоже белый, по которому можно ходить-бродить в поисках правды.

«Одёжка черна, да совесть бела», - сказывали о самом главном для человека и, наверное, вспоминали при этом о снеге. А из чёрного белое ни за что не сотворить. Каким бы добрым ты ни хотел стать, далеко тебе до снежной чистоты.

Бел душой - значит, волен, с открытым миру взором. Всё, что есть в целом свете святого, вбираешь ты в неё сполна вместе с волшебной снежной белизной.

Белый зимний день - это Божий день, приветливое любому русскому человеку слово. Дан он ему Богом на вольную волю. Но так этот белый цвет необъятно велик, что правда людская по нему бесконечно ходит.

Будит в людях премудрые струны души и белые крылья, слагает безумные и лёгкие пророчества. Белизна снега слепит только неискушенного истинной жизнью человека, для которого Россия молчаливо белеет непроходимыми сугробами. Глубока белая российская душа!

Полнеба страны глядится в одно её окно, сам же белый терем России сочетает в себе бесчисленное множество перепутий. Вещие мысли не прекращают своего полета над ними, никакой вороньей стае ими не обедать. Лики святых на иконах вопрошают лазурными глазами, не угасают.

Не далеко и не близко лежат к этому терему белые дороги... Отстоящие друг от друга во времени и пространстве, они удачно сочетаются у его порога. Там, на самом подступе к заветному чуду, происходит встреча скоромных дней и постных, блаженной мужественной рати и милого девичьего лика. Всякому русскому в его родном доме - белом духовном тереме, неминуемая услада, что сравнима лишь с морошковой свежестью или сотовым медом.

Говорят, что бел снег невкусен... Но незнакома эта песня русскому, хоть однажды застрявшему в глубоких снегах. Не скоро ему представится судьбой выбраться, и жадными глотками выпивает он окружившую его белизну, мягко прикусывает губами выхваченный клочок снежной душистой ваты...

Тотчас в виски ударяют хрустальные молоточки, а во рту вспыхивает морозный жар. Сочная снеговая мякоть схватывает всё в груди - и что ни дальше, то лучше. Натопив на костре котелок этой снежной свежести, опростаешь его до дна единым махом и не ощутишь ничего, кроме преданности необъятной белой зиме.

Но не пугает дальностью снегов Россия... Наезженная на всём своём протяжении, она - средство постижения русским человеком дорогого его сердцу смысла жизни, без которого ему никак не быть.

Запала эта зимняя дорога в душу человеку так, что хоть, не переставая, молись Богу! Не запрет ходить по ней всякому, кто на это сподобится. Каждому по-своему дорога она, на ней всегда приветствуют встречного.

Ведёт человека по жизни зимний путь, ровно добрая кобыла, которая дорожку эту давно знает. Кто только по нему не хаживал, да кого он только за собой не важивал! Оттого и убелён русский человек изрядно, в переживаниях людских не раз осиротевший.

А зима эту дорогу серебром устилает, чтобы пуще она пела. Весело по ней проехать и привольно, потому как дорога зимой - что скатерть: садись да катись! Легким ветерком ласково нашёптывает она на ухо: «Краше меня на всём белом свете никого не отыщешь!» Не зря в народе говорят, что русский человек перед смертью бредит зимой и дорогой.

Снега, что в его душе каждый год выпадают, обильны. Как бескрайний простор России, её свобода и раздолье. Простор духовный, которому в неправедных людях – теснота!

Оттого настоящая обитель снегов - слияние воедино человеческого духа и его родины. В ней простору на все четыре стороны хватает, где люди не волка гоняют, а живут. Русский ум этот необычайный простор любит и благословляет. Гадает про себя: как бы ему ещё так вольно развернуться, чтобы, наконец, одолеть небывалое?!

Осуществить это можно только с чистого снежного поля, широкого раздолья, где отражены чистые небеса и молочные облака, где живёт мудрый покой и седина. Священна родная российская сторона, что полнит душу неоглядным простором, а сердце - необъяснимой грустью о былом. Именно

ей отдаёт русский человек предпочтение, когда ему приходится выбирать в своей жизни самое главное.

А зима каждый год наносит в эту жизнь пушистые снега, убаюкивает ими душу и лелеет. Волшебна её чистота и милость, несказанно богатство. Русская зима человеку - то самое поприще, без которого бы он постепенно истаял, обернувшись сиротой птицею, что навсегда замерла в полёте.

Иной раз зима словно грозит человеку белым крестом, завывая снежной пургой. Гудит в жилах, будто лесная пчела, навеяв сон густой, непробудный. Дух тогда замирает от этой лютой метели, что стелет в сердце человека пока неведомую для него самого дорогу.

Дорога эта идёт через глубокие снега, едва позвякивая колокольчиком, поёт свою дремотную мелодию и убаюкивает. Ни звезд, ни месяца на небе, ни согревающего душу каждого путника огонька. Лишь белые зрачки зимы вглядываются в тебя непрестанно и пугают.

Ты продираешься сквозь снежный ветер, зная: за этой нескончаемой стылой стеной - свобода и священный труд, что умножит твоё знание, даст силу, уберёжет от сглаза и печали. Ещё почувствуешь в этом противоборстве соединение со стихией, счастье, которое не променять ни на какие ценности.

Потом откроется тебе твоё предназначение, великий смысл всего живого. Тогда только изменишься лицом и взглядом, помолодеешь телом, вспыхнешь духом. Запавшие от усталости глаза приободряются ясным блеском, снежной чистотой, и ты сподобишься, наконец, на подвиг, к которому идти - такая тягостная сладость!

Великие снега России преодолеваешь ты с котомкой своих неистраченных чувств и дум. Их белым вином пьян, снежный же ангел неотступно витает за твоей спиной.

Без конца и без края длится сказка этой снежной жизни, через долгую зиму ноет родимая вьюга. Словно к сосцам материнским припадет к ней человек. А и было бы куда бежать от этой самоедской стужи - не побежал бы!

Всю белую песню снегов, каплю за каплей, с лихвою бы выпил, не застудившись и не расплескав ни капли, свою нагаданную дорогу осилил бы и с зимой не смирился. И ещё бы посулил кому-либо зимы не бояться, к снегам душой обратившись. Чтоб стало человеку в жизни не угарно, а уютно и свободно.

Русский снег - что сад непроходимый, но сладостны в нём еле ощутимые, тихие песнопения. Всё русское здесь, как и падающий без конца снег, незамысловато напевает свои нескончаемые сказки. Тянутся они сквозь далёкие синие вечера, рассыпая в душах людей неизгладимый животворный бисер. Не жить русскому человеку без снега, стылой поступью прокрадывающегося в душу.

Нерукотворен снег России, любовно овевающий её столетиями. Идёт неспешно по горам и долам, одушевляет жизнь. И вдруг как прыснет оледенелыми губами: «Святая Русь, я за тебя в твоих грехах молюсь и каюсь!»

Порой снег бормочет про себя то, что ему на ум придёт, но отчего-то всегда уютное, родное. Оно, наверное, дано от Бога, и потому - святое, которым снег готов поделиться с каждым. Слова его полны мудрого знания, присущего самой зиме.

Но почти мёртвенным бывает снег в самую глухую её пору, гулко окликая человека матушкой-совой. Грызть начинает сердце с конца января, а завершает только в марте. Поджарым волком рыщет всё голодное зазимье и, не насытившись, съедает свою горькую тоской.

Вой метели тогда изливается печально, порой страшно, подобно скованному временем шамканью старухи. Или - как безродный лай, лишь отдалённо напоминающий сорочье стрекотанье. Страданием обдаёт от него, что душу человеку неимоверно берedit, но и такое гибельное время зимы человеку не во вред, если он и снегу, и России верен.

Неспроста русская душа постоянно находится в снежном ознобе: для помощи себе и оставшимся в неведении людским братьям, не ведающим Бога. Сколько их в России не понимают зиму! Снегов её необъятных, манящей хвойной чащи и беспредельного простора. Не понимают саму страну, что существует для того, чтобы возродить в душах правду.

Нет им счёта, ладившим не храм, а богадельню. Чадающим, не живущим, что свои душевные заботы спихивают ближним. Слышатся среди них лишь всхлипы, дрожь да ругань. Белизна сугробов залита кровью, над такими снегами носятся разбойные ветры.

Но сильна Россия на снега спасающие, ничто в них, кажется, не потревожено. Скоро припорошит зима таким снегом все напасти с горестями, и вновь засияет её белое неистраченное пространство, которое отзовётся в сердце досужего человека доброй заботой. А тот опять примется прикидывать эту белую возможность, предоставленную ему снегом, для того, чтобы зажить как исконно русский человек, праведно, чтобы духом сказочным запахло...

Снегу дивному все чудеса доступны... Словно исподволь осеняет он своим беленьким молочком, да таким живительным, сладким. Живёшь на снежном свете зимы и не нарадуешься ему: он – необычайный мир в своей чудесной белизне. Перед ним только преклонить колена и крепко молиться, выпрашивая у зимы благословенья.

Видно, снег на свет волшебством дорогим уродился. Чистая у него порода, без примеси. Весь во плоти белый, цельный, он ровно Христос снизошедший: чиста его душа, дружелюбны помыслы.

От чистоты снега и на душе опрятность, когда с радостью готов служить и людям, и зиме, и Богу. На что только не надоумит единение с снежной белизной, охватившей всю Россию!

По-настоящему благодатная весть этот снег: утеша - взрослым, а малышам - наслаждение. Нет лучше веселья, чем кататься по нему, кувыраться и, обессилив, позабыться потом дома в сладком сне. Старикам же приятно любоваться в нём самими собой, своей ладно прожитой жизнью в каком-то необыкновенном русском времени. Что за чудо этот снег, за которым все горести забывались, и жизнь текла в честь да радость! Именно снежная радость слагала мудрый зимний век.

Ради снега, ради русской зимы хотелось вечно жить. Не просить Христа ради, а ради Христа умолять жить и других. И подавать, чтобы не оскудела рука никогда, не пропадало радушие к окружающему тебя миру.

Божий храм зимы собирал в себе людские радения и щедро раздавал их всем нуждающимся. Была присуща ему святость, истинность русской веры. Предметом высокого почитания и поклонения служил он людям. Священные снега словно освящали их лица, обожествляли души. В самой зиме просыпалось что-то возвышенное и умиротворённое.

Понимающие зиму люди всегда исповедовали в народе добрую волю, её крепость и глубину, схожие с подвижничеством. Может быть, им было присуще и блаженное скитальчество, свободное от юродства. Содеянное зимой благо оказывалось невероятно близким любому русскому человеку, и милостиво им принималось.

Каждый русский носил в своем сердце Бога, и всякий не мог обойтись без зимнего света. Не всегда являясь праведником, он чувствовал его в себе, как только мог. Завет зимы гласил держаться крепче этой святости, и он не упускал её из виду. Даже, когда не знал, какому святому молиться.

Но не всякому, говорят, со святыми сидеть, лишь бы жизнь под образом не прекращалась. Самое дорогое, связанное с истиною и благом, таилось где-то в глубине зимних месяцев, под снегом. Человек порой и не знал, как его взять, зато свято верил, что оно нерушимо.

Свет и боль давала зима, необъятный воздух и великую тишину, что слагали российское белое пространство. Святить его требовалось всем воедино, во имя всеобщей совести и благодати. Служба зиме отпевалась долго, во всю её широту и бескрайность, как будто не было у человека более важной заботы.

Свет зимы, изливаемый повсюду снегом, открывал людям способ по-новому видеть. Иные принимали его за пустое излучение природы. Для тех же, кто впитывал свечение снегов сердцем, значило заново родиться.

Когда же человек был склонен смотреть с завистью на то, что не принадлежало ему, свет зимы в очах его надолго потухал, уступая место томительной боли. А белизна снегов только усиливала её. Словно бы человеку предстояло поплатиться за свою ограниченность, переболев тем, чего он ни в какую не желал замечать. Белый свет зимы обнимал сердце такого человека морозным крошевом до весны.

Подумаешь тут, как чудно создан Богом белый свет! Зима и провидение идут в нём бок о бок. Священна его тишина, блажен воздух. Сколько ты его ни пей - всё будет мало.

Но не нами чудный свет зимы начался, не нами и кончится. Да и не захватить его всего человеку. Ему бы только жить в нём время от времени, и уповать на добрую судьбу. Ведь зима никогда не встанет перед Богом на колени, а встанет человеческая душа, осознающая себя в этом прекрасном божественном мире.

Душевная боль, испытываемая при этом, не недуг. Она человека как раз и поддерживает в жизни, к чему-то важному в ней приучает. Боль эта очень привязчива, она в человеке его досадливую тревогу ищет и страдание облагораживает. Боль может стоять в глазах белой тоской целый год, а скажется только в зиму, зима же её и излечит.

По чувству своему душевная боль бывает и острой, и гнетущей, и тупой. Может быть ещё палящей и ноющей - в зависимости от чистоты переживаемого горя. Не тот, говорят, болен, кто лежит, а тот, кто у изголовья боли сидит и, значит, в жизнь, несмотря ни на что, вмешивается... Такому и до Руси, и до её снегов бескрайних есть дело.

Чувство постоянно испытываемого переживания за дело, наверное, присуще большинству русских. Наиболее ощутимо оно в глухое первозимье, когда в природе, так же, как и в человеческой душе, наступает временное наваждение. Душа уже пережила самые невероятные потрясения, и теперь желает тишины и покоя: их ей может принести только зима.

Зима утихомирит одержимого скорбью человека, ласково укачает его тоску. Рад тогда любой больной её приходу, зима ему мила. Не вспоминает он с её приходом, как больно было падать, потому, что встал здоровым. Снега, морозы и ветра помогли ему в этом, и с благодарностью к ним он забылся в сладком зимнем сне, чтобы через какое-то время опять загореться и болеть из-за несправедливости странных русских дел. Нерадивому же человеку - и в зиму не живётся в ладу с собою.

Жалкому да несчастному милости никогда не сотворить, и с Господом Богом не говорить, зима ему только помеха. Свою болячку он чужим здоровьем лечит - нет, чтобы снега к вискам приложить. Не ведает он, что мудрая тишина зимы любого привлекает, лишь молчаливо откройся ей.

Тогда зима непременно прокрадётся в твой дом, ответит на душевные страдания смиренным вздохом: добро её не лихо, среди людей ему бродить пристало тихо, незаметно. Укромней только тени сумеречных елей, или - как поступь волчьей стаи в глухой ночи. Потихе - к истине поближе, вот правда русской зимы.

А воздух снежный? До дурноты томительно его безбрежное пространство, неприметно западающее в душу. В нём хочется парить, мечтать и впитывать его неустанно, чтобы раствориться и вновь воскреснуть. Хочется жить этим воздухом долго, не пренебрегая дорогими сердцу снегами.

Они – как море, что вздымаются и тают в поднебесной морозной дымке. Дышать велят свободно и спокойно, привнося в окружающее пространство радостную жизнь. Хвалить их надлежит, не уставая, платя всему миру добром. Не перевестись ему тогда в России, где столько снега, его белой спасительной воли.

Добро, рождённое в душе снегами, величаво. С ним так уютно жить, что хочется поклоны бить зиме и так же величать её добрым словом. Всякое добро бы лилось, как снежный свет, век горя человеку не видеть!

Крылья человеческой души тоже посреди снегов российских возникают, и пропасть выпавшего снега кажется непостижимой. Это – неисчерпаемая бездна, глубже которой только человеческое сердце. В нём хранятся исконные мечты и желания человека, что образуют недостающее ему глубокомыслие.

Окрыляя людей, зима на Руси так их особую породу порождает – небывалого достоинства и веры. Богу это ведомо, и Он людей непрестанно проверяет: то ли они о жизни своей знают, видят ли далее собственного носа? Живи по-людски, говорят на Руси, значит, живи возвышенно.

Только такой народ может жить на земле, которая ему – Мать Божья. И рай для него здесь, и родной край, и открытые небеса, и общее для всех сердце. Вместе с зимой, снегами и неизбывной печалью русский человек незаметно созидает свою судьбу, и ни о чём другом не помышляет.

Радостно ему каждый день земные создания наблюдать, ощущать свою свободную волю и одаривать других людей весельем и добрым нравом. Нравится человеку язык, на котором он со всеми разговаривает, и речь, присущая только исконному россиянину. Ещё он – плотский и живой, и любит холод так же, как жару. Дух его бодр, с зимою лютою в ладу!

По вере своей русский человек живёт в добре и истине, цель его – не пугающая и радостная вечность, закон – совесть. В искушении побеждает он себя, и родная заснеженная земля одаривает его благодатью. Через неё постигает он свою любовь, духовным чутьем угадывая тонкие перемены в природе: и весеннее откровение, и радость летних побед, и озарения осени.

Только зимой, освящённой божественными снегами, человек достигает праведной жизни. Блажен он в эту пору, что уготавливает его душе необходимое отдохновение. Но даже не каждый русский распознает помощь зимы, потому как сокровенная тайна в ней не от человека, а от Бога.

Поклоняясь Богу, народ и зиме своё признание выказывает, сохраняя милосердие в самые жестокие снежные бури. Всё равно, как любовь к ближнему человеку, сочувствие к незнакомым тебе людям. Заметёт зима всё кругом так, что ни пройти, ни проехать, замутит свет белый, а человек прикидывает: никак не обойтись белому свету без этого снежного богатства, за которое земля потом только спасибо скажет.

Земле на себе целый год жизнь держать придётся, и снега, всё заметающие, ей только в помощь: с ними она успокаивается. Чувствует человек, как земля под белым покрывалом зимы отдыхает, соку

живительного в себе набирается: молчит и впитывает мудрость зимы, которую та ей великодушно дарит.

Кто из них мать - сразу не разберёшь. Одна во всю силушку верховодит, другая замерла, но обе оказывают влияние на человека. Земля, говорят, мать, подарит клад, а зима от семи бед спасает. Да что про то переживать русскому человеку, которого они всё равно не обманут.

Сулят человеку снега земные рай небесный, если, конечно, он эти снега почитает да живёт по сердцу. Вся Россия тогда для него - великий дар, Господнее приношение, и нелёгкими бывают ей поклоны по пояс в снегу.

Да только кому-то в этот рай белоснежный и с большой милостыней не войти. Потолок зимы, ледяным сводом в небеса упёршийся, не пускает. Не всякому, видно, в высоких палатах бывать суждено, прежде надо с земным теплом разобраться. А оно, как известно, из сердца зимы истекает.

Небеса в середине зимы, как и снега, глубоки и неохватны. Они несут в себе какую-то неслышную музыку - по-зимнему особенную, умиротворяющую. Торжественно её звучание и в вышине, и на земле, мерно окутывает она душу человека. Одновременно и успокаивает, и возносит, переселяя своей белой тишиной в блаженную вечность.

Зимнее небо, как ни в какое другое время года, открыто, и ему удобно молиться. Именно зимою почему-то с ним хочется поделиться сокровенным и попросить для себя и родных того, что никак не сбывалось. Кажется, что зимним небом любое горе будет покрыто, а счастье - огорожено.

Заблудшему же в себе человеку небо зимою - как в тумане, а земля - в обмане. Пусто и безрадостно такому человеку живётся, а зима ему на голову сваливается. Не ведает он в ней истинной жизни, где сверху - безмолвное небо, снизу - замершая земля, с боков ничего нет: вот, оно и продувает!

Без вольного чистого снега сердце человека скудеет, воля иссыхает, да и судьба не выносит. Не сулит тогда зима царства небесного и истинной обители красоты. А ведь русский человек, говорят, небесный по своему роду, снежный же - по сути.

Его родной край - это больше снега, нежели цветочное раздолье. Обилие и неудержимость сочных трав, буйство красок осени и лета не так подходят русскому для жизни, как студёная зима. Больше он подгадывает для себя снежный рай, который для него света белого край. Дар чистой божественной новизны, обретаемой человеком во имя знания и веры.

К концу зимы снежный воздух размечен уже свершившимися в ней событиями. Везде присутствуют голоса и радостные звуки, как бы подтверждающие, что огромное белое пространство живо. Всё это - несравненная и величественная Россия.

Ничего подобного не чувствовалось в глубине зимы, может быть, только в самом конце января, когда в природе почему-то происходит первый, еле

уловимый перелом к весне. Как незаметно преодолевает зима свои мятежные долгие сны!

В сумасбродных метелях и упрямых морозах, мученически утопая в гибельных снегах, ей, на самом деле, хорошо и сладко быть в самой себе. Обладая неповторимым даром внушения, довольная ненавязчивым смыслом своего мудрого существования, зима незаметно устанавливает в душах людей непреклонную веру в божественность жизни.

С зимой нельзя никак разговаривать, тем более, её невозможно постигнуть, но можно быть околдованным непревзойденной зимней тайной, преодолевая в ней бесконечные вечера сомнений, раскаяния и восхищения. Отблеск горящих в печке поленьев всегда отрезвляет, успокаивает, но жар на лице и руках, каким бы это ни казалось странным, возвращает в мыслях к оставленным на ночь бескрайним снегам, простирающимся за тёмными окнами. И тогда, неведомо почему, тебе начинает не доставать этого белого царства, и ты понимаешь, как нуждаешься в чём-то очень важном, исходящем, несомненно, только от снега и родимой матушки- зимы.

А не хватает твоей душе множества замечательных зимних подробностей: воя волков по ночам, безудержного завывания метели, сладко растекающегося по всему телу жара от натопленной русской печи. И ещё - зимнего мрака, порой с отчаянием преодолеваемого в душе, холодного свечения звёзд и неземной тишины, когда лишь снег один шуршит по всей необъятной России, что залегла в сугробах до весны.

Там, за окном твоего деревенского дома, без громких слов живёт заснеженная страна, почти всегда невидимая, но сильно ощущаемая тобой. Она, кажется, проста и доступна, и оттого серьёзно о ней никогда не думается, а лишь временами представляется что-то дремучее, недостижимое и великое, раскинувшееся в необозримых далях, и оно несёт тебя под белыми облаками за нескончаемый горизонт.

Ни зверский мороз, ни лютые метели тому не помеха. Всё это существующее, неведомо где, заснеженное пространство выглядит временами совершенно диким, замкнувшимся в себе, и его, кажется, невозможно постичь, но оно не разобщено. Оно необыкновенно цельно: кажется, так много лежит под его снеговой толщей, под этим вкрадчивым молчанием.

Глубокую тайну несут в себе снега, сознание всецело преображается от одного прикосновения к ним, и не покидает впечатление, будто Бог знал, в какую ужасающую и сладкую даль может завести следование этой непроторённой дорогой, и не зря проложил её для русского человека.

Бесконечны снега России в своём всеохватывающем белом пространстве. Снега собою всё объемлют и охраняют, подобно Богу! Россия - их неусыпная обитель.

Денно и ночью, словно в монастыре с непрерывною службой и молитвами, проповедует обитель снегов людям свою правду. Не

ослушаешься её, не оставишь без внимания. Это - твоё жилище и кров, надежда на грядущее спасение.

Россия с зимой бредут по земле рука об руку: две сестры и подруги, рвущиеся, каждая по-своему, в небо. Но не могут они всё-таки друг без друга, и потому больше ладят. Судьбой им суждено лететь вместе.

Щедра Россия на снега для человека, необузданно сыплет ими всю зиму. Метель порой так звенит заслонкою, мучается, окаянная, бессонницей, что не видать в ней, кажется, никакого милосердия. Силится она, наверное, злость людскую вывести и назначить человеку покаяние, которое бы он заслужил в этих отчаянных зимних бдениях. Нет для него лучшего исцеления, чем с верою отдаться чистым снегам, но при этом не затеряться в них и не погаснуть душой.

Века укутывает человека своей пушистой белой шалью Россия, приобщая его к Богу. И потому снег русскому человеку - это его судьба, безвозмездный подарок Всевышнего за терпеливое радение. Нескончаемо может тянуться оно без зимы, неисповедимы тогда пути Господнего радушия. Только зима человека бережёт и душу спасает: как она снег на сердце положит, так и будет.

НАРОДНАЯ ЛЕТОПИСЬ ЗИМЫ

Русская зима обычно подходит издалека и незаметно. Сначала на Покров утлые снежинки белыми мухами в воздухе закружат и тотчас растают. Зима от их нежного прикосновения встрепенётся и, ахнув, удобнее переворачивается на другой бок. Она ещё до конца не проснулась.

Разбудить её суждено Сергию, который инеем траву бьёт, зиму долгожданную начинает. Затем Яков Студёный белую крупицу на землю посылает, дороги с тропами остужает, светлый день укорачивает. Холод в эту пору в себе почувствуешь – гляди в оба: не застудить бы ненароком сердце да звезде своей не дать угаснуть.

А зима уже на пороге: с белого гнезда снялась, вот-вот в гостях появится. Дай-ка, думает, я России необъятные просторы навещу, душистых пирогов её отведаю. Всю метелями укутаю-замету, звонким инеем дыхание заморожу, чтобы не было ей со мной сладу!

За этими долгими приготовлениями многим зима ленивой начинает казаться. Вот и первый снег припорошит землю, что душа незнакомого: сплошные потёмки. Верить ему никак нельзя, потому как пропадёт: только его и видели.

Человек к прихотям зимы привыкать уже станет, а она опять застит свет своими обещаниями. Замутит, завьюжит, неведомо куда унесёт и ... бросит. Не один раз снег на землю падёт, прежде чем санный путь установится.

Не хватило октябрю времени зиму сотворить, принялся ему ноябрь помогать. Всех наших северных кочевников – снегирей, поползней и свиристелей приветил, а они своими нежными глоссами человека от

наступившей предзимней одури взбодрили, чтобы он перед большими снегами землю покормил, и тем её успокоил.

Рассвет уж сумеркам под стать: плачет тёмными слезами, зазывает поскорее белый день в гости. Зима на распустьях-перекрёстках, открытых всем четырём сторонам света, своими белыми руками надоевшую осеннюю хмарь потихоньку разводит, жизнь угасающую наполняет. Снег, бывает, в несколько дней всё завалит: вокруг белым-бело...

Тихо и глухо становится в лесу. Но и это ещё не зима: рыхлый снег неуклюжими шапками с деревьев свисает и тотчас срывается: увязнуть в нём почти невозможно. Он и холодит как-то не по-зимнему, будто только балуется.

По-настоящему зима встаёт на ноги только с Матрёны. И вот уж тогда вся лень с неё долой слетает. Пробудив всю свою силушку, гонит она на русские поля седые метели, небеса с землёй равняет, белым саваном деревни и леса укрывает. Велико её царство, никому в нём не укрыться!

По народному поверью, зима первым делом пегую кобылу запрягает, чтобы вьюгам своим дороженьку указать через осеннюю непогодицу, и себя в лучшем свете представить. Да только велика матушка Русь, не одолеть её с наскоку. Велит тогда зима запрячь кобылку белую, более выносливую и скорую. А сама не ждёт, целыми верстами свою поступь меряет.

Приходит зима, и, кажется, навсегда прощается мир с теплом. И хоть всё злей завывают метели и за сердце хватает мороз, у зимы есть своя сила, и она непорочна. Зима как будто сама вдыхает в человека нужные слова, мысли и знания для будущих ясных дней и новых счастливых откровений: душа его должна переболеть всем тем, что зима с собой приносит.

Ведь не счесть радостных забот зимы, пока она, их переделывая, человеку надоест: кружева белые навесит, непогодицу осеннюю уберёт, ветра между собою помирят и чистоту долгожданную везде наведёт. Нет, сурова русская зима, да на сказку похожа, а русский человек без сказки никак не может.

В самом своём начале зима на всё искусна: и на холод, и на ростепель, и на безудержную метелицу. Надо в такую пору у русской печи дольше бывать, её задушевные разговоры слушать и на пасмурное небо внимания не обращать. Безмолвно взглядывая при этом на грустную картину зимы в окне, так же безмолвно вспоминать свою добрую жизнь и думать, думать, думать...

В какое бы время и с какой бы силой ни застигла тебя зима, никогда не поздно ей поклонное слово сказать. О том, на что досадуешь в душе, или - что чашу твоей жизни радостью полнит. Матушка-зима всегда тебя выслушает, и, если приблизит, взойти к ней на порог не гнушайся, и хлеба-соли откушай: она – хранительница жизни, даже в самую студёную свою пору.

Белыми снегами зима поля, леса и реки прибирает, от мороза лютого избавляет, исстрадавшейся в праведных трудах земле отдых даёт. Зверей и птиц мягкими сугробами укроет, муравьиные кучи защитит и долгого

терпения всем пожелает. Никого без внимания не оставит, отнесётся по-матерински сердечно и ласково. Не зря в народе о её добрых и чистых замыслах издавна рассказывают, и в народном календаре уделяют внимания больше, чем какому-либо другому времени года.

Но уж если вовремя не побереётся, душу ей не открыл, то после Фёдора Студёного зима сильно может осердиться. И тогда ветры её голодными волками в рваном беге на всё живое накинутся, а робкие оттепели уступят место отчаянным холодам.

Посреди огромной белой ночи с неба, с оледенелой улыбкой, будет теперь взирать на землю одинокая луна, а зима пойдёт на новую, более сильную и необыкновенную жизнь. Всю свою неудержимую свиту выпустит она на волю из далёкой ледяной страны, и в голове - гнедая, самая отчаянная и сильная кобыла!

Ворота в зиму открывает несговорчивый декабрь, что тешит себя и людей снежными сугробами, наваленными ворохами заячьих шкур, да удалыми морозами, пробивающими до слёз. Морозы удерживают первые завоевания зимы, и помогают не спеша разобраться в своей жизни. Декабрь начинает Введение.

Введение пришло, говорили на Руси, зиму привело, и хотя этот народный праздник служил лишь предисловием к долгой и суровой поре, охватывающей собою всё живое, по нему уже примечали, что если до Введения снег выпадет, то обязательно растает, а если после Введения пойдёт, то ляжет зима. На Введение, которое приходилось на четвёртое декабря, раньше делались пробные выезды на санях и открывались Введенские ярмарки, где продавались всевозможные сани. Но морозы на Введение зимы не ставят.

Каждое время года обладает своей мерой силы, и зима с декабрём в этом отношении - начало начал. Именно зимой человек способен обрести власть над собственными способностями, а декабрь как будто выносит тебя за границы себя самого, чтобы даровать свободу. Так хорошо укрепиться в его начале сердцем в ожидании той замечательной непредсказуемости, которую он несёт.

Закутавшись в медвежью шубу, декабрь наделяет неотъемлемой властью вьюги и метели, что просят у него забавы. Грозно стучат они по крышам и окнам, будят по ночам людей, заставляя подтапливать печи. И люди, с настороженной озабоченностью предваря отчаянные утехы декабря, просят от зимы у Бога чести да радости, чтобы всё шло в лад да сладость.

Не зря после Введения подступал Прокоп. Пришёл, замечали, Прокоп, разрыл сугроб, по снегу ступает, дорогу копает. В этот день всем миром выходили расставлять вешки вдоль дорог от деревни до деревни, чтоб путники не сбились с пути. Считалось, что с Прокопа устанавливается хороший санный путь.

Но неразумно ждать от зимы в декабре проку, потому как ничто ещё наперед неизвестно, а на разъяснения она не больно охотлива. Быть ли

вскоре ростепелям или лютым холодам, и принесёт ли лихо зимы мор и неизлечимые болезни, никому неведомо. Сурово бросает зима вызов деревьям, животным и птицам, околдовывая душу у всего живого.

А что значит зима для человека, что успел собрать осенью урожай своей жизни? Какая пустота охватит его сердце, и возможно ли такое после заслуженного плодородия? Может быть, во имя чего-то большего готовит его матушка-зима, научает и закаляет, тихо благовествует... И ещё пророчит соблюдать бережливость в достигнутом добре, догляд во всём и скромность.

Проведя всех через себя в зиму, декабрь редко закуёт землю морозами, а больше оглушит снегами. И тогда ублажит уставшие за год глаза его нетронутая белизна, растечётся по телу животворящим ознобом. Белый цвет народится в душе грядущим праздником чистоты и света, ожидая который, человек уже успел отчаяться и позабыться.

Спокойно и просторно становится от присутствия снежной белизны. Некоторая невнятность, размытость всего окружающего сужает видение находящегося рядом, заостряет на нём внимание и выявляет самое родное. Оттого - и уют зимний, когда весь мир оказывается перед твоим домом, и нет в тебе ни смятений, ни тоски. Только к весне сердце загорюет в накопившейся безвестности происходящего повсюду царства белого цвета, и захочется ему нескончаемых далей, простора и света. Пока же снег убаюкивает человеческие думы, предвосхищая в них будущие решительные поступки.

Белый цвет - это успокоение и зарождение в глуби зимы новой жизни, поначалу лишь зыбких и неуловимых её оттенков. Но к лету они образуются в цвета, и заиграют всеми красками радуги. Игру же цвета зимой поймать трудно, почти невозможно, ибо она - переменчивое мгновение. Слово оказывается бессильно в выражении его, а картина, хотя и немного отдаленная от подлинника, не так радует. Лучше самому утопать в этой белизне, и тогда её невидимые лучи, прошедшие через твоё сердце, приобретут все оттенки света, разливаемого солнцем зимой, что помогает видеть, чувствовать и не уставать душой.

А тут уж на двор и Екатерина-сенница поспевала, что празднуется в народе седьмого декабря, самое время для зимнего пути на санях, которые готовили ещё с лета. Каковы, говорили, сами, таковы и сани. Обычно в этот день собирались в отъезд от хозяев вольные слуги и устраивались повсюду Екатерининские гуляния, первые катания на санях. Ещё вечер на Екатерину славился гаданиями, когда девушки обращались за помощью к деревенской ворожее, а перед сном клали под подушку кусок хлеба и загадывали: какой будет суженый?

Новый снег на Екатерину всегда приносит с собой живое тепло зимы, и это сразу ухватывают ребятишки. Они оживляются, радостно утопая в

навалившихся детских заботах. Словно маленькими солнышками становятся под вечер их разгорячённые лица, излучающие восторг и свежесть.

Одна за другой вырастают по дворам ледяные горки, весело голубеют закованные в панцирь склоны холмов. Весь день слышится там залиvistый смех, то и дело вспугивающий любознательных сорок, и, кажется, что ни в ком не осталось безделья и скуки. Даже старики в эту пору оттаивают душой и, оставляя полаты и печи, подсаживаются поближе к светлеющим окошкам. Хорошо и покойно становится у них на душе.

Детвора резвится, наслаждаясь снегом и радостным привольем, которое он принёс. Юркие снегурки разрисовали замороженные речки и пруды, повсюду незаметно поднялись неловко улыбающиеся снежные бабы. А как зазывно повизгивают старенькие салазки, целый год без внимания к себе провисевшие в каком-нибудь тёмном чулане! В их голосе слышатся давно скрываема я зависть и необузданное восхищение.

По всей земле русской идёт долгожданная потеха, между тем, заповедующая к ней любовь и святость. Возможность хранить и любить отчую землю даёт зима с малых лет каждому, и всякий несёт её в себе по-своему. Только, может быть, не сразу уразумеет, но чувствует сердцем обязательно.

Вот уже появились первые снежные завалы, и потянулись сквозь них заботливо расчищенные дорожки. Неугомонная ребятня, утexas свои не прекращая, целый день в сугробах проваливается, снег повсюду раскидает, а под утро дорожки опять ухоженные. А то завидишь, бывало, на улице дровни, неизвестно чему возрадуешься и долго потом глядишь им вслед. Сани катят не медленно и не быстро, и ты вдруг ощутишь, как слетела с души какая-то тягость, долгое время не позволяющая вдохнуть полной грудью.

Снежная пороша замечает след от берёзовых полозьев, зазывно хрустят под ними отливающие серебром ледяные сколки... Глядя на неторопливый, но верный бег лошадки, почему-то тоже пожелаешь себе с пути зимой не сбиваться. Утвердившись в этой вере, будто начнёшь погонять несуществующих лошадей, зная, что ничего худого с тобой не может случиться. А потом в сердцах спохватишься: до чего чародейка-зима околдовать может - про всё, уже случившееся с тобой, посреди дороги позабудешь!

А декабрь ещё и не на то горазд! Нежданно-негаданно ярые морозы подпустит, словно подзадоривает: живи - не тужи, бей в ладоши да пляши! Ровно нет у мужика забот более никаких, как только радоваться приходу зимы.

Но сказана она ему подобно волку на добычу, который на Егория в заступники мужику народной молвою избран. На что волк со своей звериной лихостью решится, то и мужик одолеет, если зиму за обычай встретит. Правда, для этого ему надо много перетерпеть, с незавидною судьбою, если она случится, не смириться, а главное - в себе самом зимой не околеть.

Мудро и не спеша следует мужику зиму начать жить. Хвост, подобно псу обездоленному, не поджимать и не озираться, а верить в лес, лунный свет и теплоту сугробов. Коли же навалится на душу иссушающая хмарь, надлежит на заре лицом к северному ветру встать, чтобы смёл он с души все надсадные думы. Да ещё у звёзд холодных загадать верную примету, и никому об этом не рассказывать. Животворная сила зимы тогда в тебя с морозцем трескучим войдёт, и уже до самой весны не оставит.

В старину на Руси не различали имен: Юрий, Егорий и Георгий - считались одним именем, только в разном именовании. Наши предки отмечали два Егория: один - холодный, девятого декабря, другой - голодный, приходящийся на шестое мая. Оттого меж людей велась поговорка: весной Георгий с летом, Никола - с кормом; в зиму Георгий с мостом, а Никола - с гвоздём. До Юрия, мол, бью дурня, а после Юрия - и разумного, который не запас кормов.

Кстати, до шестнадцатого века безземельным батракам разрешалось переходить от одного барина к другому - в Юрьев день, когда все полевые работы были завершены. Иван Грозный, как известно, отменил все эти переходы. Тогда и родилась поговорка: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

Помимо того, что волки с Егория начинали выбираться за добычей, люди ходили слушать воду в колодцах: если тихо, вода не волнуется - зима будет тёплая; послышатся звуки - жди сильных вьюг и морозов. Примечали также, что если на Егория мороз, то под кустом овёс. Медведь в эту пору уже засыпал в берлоге, а что у волка было в зубах, то, говорили, Егорий дал. Ведь все звери у Егория под рукой.

В декабре обычно видятся странные сны... Всё глушь, всё снег, и будто едешь ты на сером волке верхом, ухватившись за его шею. Волк неспешно перескакивает сугробы, оставляя за собой глубокую борозду, и ты чувствуешь, как прохладна шерсть у него на загривке. Что-то неведомое даёт ему силы.

Волк бежит по лунной дорожке, не опасаясь, что его кто-то нагонит. Сразу видно, что он - волшебного рода: с горящими аметистовыми глазами и о двух серебристых крылах. Тебе легко и свободно, и ещё немного страшно оттого, что волк такой необычный, но не чужой.

Отдаваясь его скорому бегу, ты надеешься на самое лучшее. Даже не думаешь просить заступничества перед волчьей стаей, что, остерегаясь, идёт по пятам. Чувствуется, что волк знаком с нею, но недостижим для обыкновенных зверей, возжелавших по-своему почесть чудесного пришельца. Он как предвестье или знак: следуйте за мной - и откроете грядущее.

Но только зачем это знать волкам, которым силы в студёную пору даёт тёплый кусок добычи, а по душе - непрекращающийся бег. Всё им едино в этом заснеженном мире, и ведают они о себе ровно столько, сколько необходимо для их неприкаянной жизни. Но именно волк повёл тебя в

декабрьском сне за собой, и это не мог сделать никто другой, потому как он живой символ самой зимы, утверждающей силу, мудрость и страх.

А зима между тем по своим делам хлопочет, несёт невидимый белый крест. Завалила всю околицу и огороды, за которые уходит желанный сердцу простор, да взялась насыпать на людей приворот, чтобы всё нажитое до зимы человек забыл, освободился от него и только бы её одну теперь желал.

Человек во всё это верил и почитал. Верил, что ворожба сбывается, и коли прорубь на реке поутру прорубить - услышишь свою радость или печаль. И что, набрав в ведра воды, надобно её прежде успокоить, чтобы с этой водой порчу в дом не занести. Для всякого спасения заговорное слово знали, которому Пресвятая Матерь Богородица учила.

Ты тоже поклонялся ей, но больше доверялся волку во снах, что приходил ночным дозором проверить: кто ты и чем жив? Он будто боялся не успеть разбудить в тебе главную силу жизни, торопился управиться до Рождества. Мятежно, но беззлобно волк рвался к порогу и, минуя красный угол, увлекал за собой... Не было сил сопротивляться его неудержимому порыву.

Так и декабрь: не заставлял себя долго ждать - день за днём справлял свои святые праздники. На Варвару, которую встречали семнадцатого декабря, ледяными иглами шубейку притачивал, на Савву, следующего сразу за ней, дорогу мостил да укатывал, а на Николу, к девятнадцатому декабря, хрустальными гвоздями ковал. До Спиридона декабрю немало дел следовало устроить, и это могло не на шутку нарушить его покой.

Уверенной поступью меж домов пройти, крыши кое-где подлатать, снежком подоткнуть - это декабрю за радость. Не терпит он в своём царстве беспорядка, без устали укутывает снегом человеческое жильё и землю. Но больше всего первенец зимы на крыше избы посидеть любит, у трубы пение русской печи послушать.

Вдыхая в себя берестяной дух, декабрь, должно быть, сладкие думы переживает. Хочется ему у человека в гостях побывать, за одним столом с ним посидеть да его душистых ватрушек отведать. Чудный огонь в печи манит декабрь и, в тоже время, страх у него вызывает. Оттого он себе покою найти не может: изнемогает в тоске вынужденного одиночества, воет, пуржит. Человеку, что заблаговременно к зиме приготовился, его завывания забавны, он отчаянные стенания зимы горячим борщом встречает, родных и друзей пирогами потчует.

Декабрь всё это в замороженных окошках высматривает, и от этого ему ещё обиднее становится. А человек про зиму не забывает, и будущими праздниками её живёт, к ним готовится, чтобы вечера святые достойно встретить, тайну рождественскую, сокровенную, через весь год в себе пронести.

Между тем, и по Варваре, и по Савве люди добрые и верные приметы слагали: на день Саввы, к примеру, зима реки засалит, а Варвара ночи убавит и дни приточит. Ещё смотрели, как ведёт себя в эту пору дым: идёт столбом -

к морозу, волоком - к ненастью, когда же его без ветра бьёт к земле - жди снега. На Савву даже нельзя было ругаться тому хозяину, у которого есть лошадь.

А вот Никола зимний олицетворял собой Николая Чудотворца, который был самым любимым крестьянским святым. Его в народе очень почитали, и оттого повелась пословица, что благому чудотворцу Николаю два праздника в году: Никола зимний - девятнадцатого декабря, и Никола весенний - двадцать второго мая, а Касьяну немилостивому - один в четыре года.

Во многих местах на Руси по несколько дней кряду справлялась Никольщина вскладчину, с пивом и брагой из зерна нового урожая. Молодежь в Никольщине не участвовала: это был праздник стариков и их старших сыновей. К ним съезжались ближайшие родственники, а тех, кто отказывался от складчины и уклонялся от празднования, изводили насмешками целый год. Недаром в Николин день во всяком доме водилось пиво, и если никольскую брагу пили, то за никольское похмелье били. На Никольщину, утверждали в народе, и друга зови, и недруга.

Ещё с Николина дня начиналось сватовство, служили молебны те, кто задумывал жениться или женить детей. Хорошую невесту, замечали особо мудрые острословы, и на печи найдут, свату же - первая чарка и первая палка: мол, не заламывай рябинку, что не вызрела, не сватай девку, пока не вызнал её, ведь доброю женою и муж честен.

Ну, а уж то, что по Николину дню загадывали погоду и урожай, так это было за обычай! Какой день на Николу зимнего, такой и на Николу летнего. Первые серьёзные морозы - никольские. Иней на Николу сулил к урожаю, а никольский обоз для боярской казны считался дороже золота. Вот и зиму хвалили только после Николина дня.

Русские женщины с особым усердием предстоящие таинства зимы ожидали. Синими вечерами принимались за неторопливое рукоделие, обновки себе необыкновенные ладили, чтобы в них перед суженым покружиться. Сама зима им рисунки диковинные подсказывала, по серебряному полю иглою волшебною водят, на окнах узоры расписные оставляя.

За этими приятными для них занятиями надо было остерегаться сглаза и порчи, на которые искусны чёрные силы зимою. Светлый же декабрьский день мог обижаться и негодовать только по своему добродушию. Потому девушки в эти вечера нить шёлковую вокруг запястья обвивали, а старшие их от разных напастей оберегали, к осмотрительности приучали.

Без неё под конец декабря никак было не обойтись: на землю напозлали самые тёмные и долгие ночи, слывшие в народе недобрыми: вся нечистая сила вместе с ведьмами да упырями над белым светом надсмехалась, с угасающим солнцем осатанело тягаясь. Люди по домам доброго света прибавляли, и ещё чаще к Господу обращались: просили солнце поскорее на землю сойти, разогнать нечистые силы.

И вот подступает долгожданное двадцать пятое декабря - Спиридон-солнцеворот, когда умершее солнце от дурного сна освобождается, тёмные путы с себя сбрасывает. Взойдя над землей во всей своей красе, солнце людям улыбается, и радость несёт, словно призывает ласково: выходите, люди добрые, мои лучи светозарные встречать, и я повернусь для вас ликом на лето. В народе замечали: солнце на лето, зима на мороз, ночи на убыль, дни на подрост! После солнцеворота хоть на воробьиный скок да прибудет день.

В народе солнце воспринимали как оберегающую силу, готовились к его приходу, пекли круглый хлеб. Под воскресшее солнце загадывали о домашнем очаге, о сохранении доброго духа в доме и боготворили его, желая поскорее разгореться и окрепнуть. Даже медведь в этот день поворачивался в берлоге на другой бок, засыпая ещё более крепко и сладко уже до самой весны.

С утра в этот день выходили в сад и отряхивали яблони от снега, так как обилие его могло обломать ветки деревьев, и приговаривали: «Спиридоньев день, подымайся вверх!» Старые люди в приговор верили крепче нашего, оттого и сопровождали им любую работу, которая без доброго поверья ничего не стоила. Ведь без сказки, говорили на Руси, и правда не стоит.

А наверху вихри снежные неистово наседали, стараясь, изо всех сил, солнце красное замести, чтобы всю зиму оно в чертогах неведомых почивало, не заботясь о роде людском. Голодная стужа опять безжалостно на всё живое наваливалась, вызывая за собой перекинувшихся в зловещих волков оборотней. Оборотни вместе с вьюгой по занесённым дорогам и деревьям в остервенении мечутся, редких путников поджидают. Всё им нипочём в это проклятое время, когда и птица на лету замерзает.

В народе издавна сказ идёт, что в самую непроглядную тьму выбирается такой ведун в лес, перекидывается через старый осиновый пенёк и превращается в волка. Всю ночь он неуязвимостью и наглостью своей потешается, безжалостно людям сердца выедает, а под утро оборачивается вновь в человека и ведёт жизнь незаметную, праведную. Ни за что не распознать его изворотливое обличье, коли только не решишься в полночь проследить за ним да воткнуть в тот осиновый пенёк нож булатный: оборотень до скончания века своего останется зверем, рыскающим по лесу. Но только тогда не переходи ему дорогу, не искушай злую судьбу.

Это не тот волк, которого люди пророчили вместе с медведем, жидом и девицей с полными вёдрами к доброй встрече. Не дай Бог помянешь его про себя, а он уже тут как тут. Вот когда придётся выть тебе по-звериному за свой недогляд и простоту, понимая поговорку - верь волчьим слезам. Оборотню же доверять можно только убитому.

Недаром между людьми опрокидывающиеся сани, телегу или какой кузов оборотнями звали. Своенравный декабрь вместе с народной молвой о зловещем ведуне-волке исподволь зиму поторапливали, скорого её разрешения желали. Перед самым Новым годом за деревней костры жаркие

разжигали да снежных баб в огонь бросали, чтобы отступала темь зимняя от человеческого жилья, а жизнь добрая на свет поворачивала.

Декабрь, говорили, старый год кончает, новому - дорожку новым счастьем стелет. Виделся он людям могучим деревом, на нём двенадцать гнёзд, в каждом гнезде по четыре яйца, в каждом яйце по семи цыплят. От того, как зиму встречали да проживали, будущее благополучие зависело. Декабрь же всему живому головой был, и потому слыл в году хозяином.

Истинно зима начиналась с Нового года. К этому времени она прочно утверждалась и заводила промеж людей много занятных обычаев. Так в новогоднюю ночь от каждого дома приносили на красное место за деревней по снопу хлебов, обвязывали праздничным льняным полотенцем и оставляли до утра. А потом сходились и глядели: чей сноп снегом больше укроется, у того и летом в достатке уродится.

Девушки старались в первый день Нового года одеться как можно наряднее, и переодевались несколько раз, чтобы у них в году было больше обнов. В Новый год первому покупателю отдавали товар за дешёво, ибо «дорог почин». Не следовало в Новый год платить долгов - весь год будешь расплачиваться, а соседи, родственники и дети ходили из дома в дом под видом «сеятелей»: бросали горсть зерна в красный угол и поздравляли хозяев, желая здоровья да урожая. В благодарность хозяева должны были этих «сеятелей» угостить.

Нечистая сила, изрядно напуганная приходом Спиридона-солнцеворота, с нового года из-под коряг лесных вылезала, чтобы свои последние потехи учинить. Во всякую оставленную на столе плошку могла она вселиться, и как только хлебнёшь из неё водицы, начнёт тебя гнести немощь неизлечимая да разного рода недуги. Никак нельзя было в эту пору оставлять на столе посуду неприкрытой. Если же по забывчивости закутишься и не убережёшься, следовало слова стародавние заговорные произнести, всякую нежить и мороки из дому без оглядки выпроводить.

Хуже того было ввечеру нож без присмотра оставить. Тёмная сила тотчас в него вселялась и начинала так бесноваться, что у малого дитяти живот болеть не унимался, пока нож не убирали, заговаривая его от порчи, рези и невольных стенаний. Сказочный страх перед этой силой занимал воображение всех, от мала до велика.

А она будто ещё пуще выходила из себя. Так и норовила поближе к жилью человека пробраться, спрятаться под крыльцом или в сенцах, а то и в печную трубу завалиться. Только на любой жизненный час имел народ против неё ответное слово, которое белый свет прибавляло да долгий век обещало.

Не было на Руси такой деревни, чтобы не жила в ней бабка-ворожея, к которой тайно шли погадать на скорую судьбу парни и девки. В обыденные дни её как будто не примечали, старались стороной обойти, в глаза не смотреть, но с начала января каждый стремился своё грядущее узнать. Тут уж про всякий страх забывали, с горем и болью в её магическую ворожбу

отдавались и, не переставая, кланялись. Велика была в эту тёмную пору её тайная власть.

Но тем и чудесны новогодние вечера, что можно было без помощи ворожей в будущее заглянуть. Для этого в неглубокую миску воду наливали да уговаривали её блажь не наводить, не шуметь, через края не литься и всё как есть рассказать. Затем посудину несли на улицу, ставили под холодным небом у крыльца и рано поутру глядели, как замерзнёт в ней за ночь вода. Если лёд застывал ровно - такой и жизнь обещала быть, поднимался буграми - горе вперемежку со счастьем пророчил, а замерзал воронкой - ущербом опалял. Лишь горка в плошке добрый год сулила.

Ещё под Новый год был обычай опутывать ноги у стола, за которым в праздничный вечер все друзья и родные собирались. Чтобы их беда в будущем году не разлучила да по свету не разметала. Оттого и повелось на Руси между своих родных в этот праздник хлеб-соль делить и совет держать. Ясным золотом над ними зимняя ночь спину выгибала, чёрным соболем укутывала.

И рождался из неё необыкновенный первенец года - январь-просинец. В прозрачную синь он реки и озера выстуживал, хрустальные кружева на окнах навешивал. Восторженной синевой была подёрнута его заснеженная равнина.

Январь силу народившемуся году закалял, в морозах трескучих её выпестовав. С малых лет он был славен в народе смелостью и отвагой, завещая братьям своим и далее не робеть, помогая людям в жизни правду, не переставая, искать. Бодрости и удалства молодецкого ему было не занимать: о нескольких ногах вокруг изб скачет, в окна то и дело стучит да красный огонь в печи, что было сил, раздувает. Хоть от задора такого умри, но с места не сходи!

Уголья, вроде как, сами на зажёнке разгораются, до того бывает крепок мороз в январе. Дым из печной трубы идёт столбом - ярый мороз за окном. В такую пору и хлеб у хозяйшки лучше подрумянивается, выходит слаще и ароматнее.

В обычаях старины повелось жить в особом ладу с январем да вести хозяйство слаженно. А это подразумевало великую ответственность перед своим родом и семьёй, чтобы поддерживать между людьми любовь друг к другу, к лесу и зиме. И ещё - к закованной на время, но не смиряющейся жизни.

Боль, заронённая в сердце ледяным январем, должна была стать общей. Залихватский восторг, вдруг пробудившийся в тебе от переполняющей природу силы, неминуемо бы охватывал своим ладом и всех близких. Поживи да потужи не за себя одного - не сочтёшь потом отрады. Январь же только подзадоривает!

Дом родной всё это чувствовал, слышал, жил зимними заботами своих хозяев. Вместе с ними радовался и кручинился, помогал преодолеть пору, когда что-то не ладилось. Хозяева любили его и бережно относились к нему,

охраняя от неведомой силы. Верили, что не заступит беда в дом, если вклинить в порог точёный топор, тем самым оберегая домочадцев и быт.

Морозы с метелями уже очереди своей не ждут, знай, накручивают сугробы под самые крыши, а коли снегу много - будут богатым колос, зернистым зерно. Крестьянину требовалось немалое терпение, чтобы всё это пережить, встретив следующую зиму с полными коробами и сусеками. На этом зиждилось его богатство, потому как хлебные запасы нужды не терпят.

От того, как хозяин доглядывал за ними гибельной порой, зависел достаток в доме. Надобно было вовремя зерно деревянной лопаткой в ларе пошевелить, чтобы оно жару не дало или, на худой конец, мыши не завелись. Без Божьего оберега тут было не обойтись, потому, как нечистая сила могла утоптать хлеб, забрав в себя его всхожую силу.

Даже входя в дом и желая хозяевам удачи, говорили с порога: «Спорынья в квашню!» Те на доброе приветствие в свою очередь отвечали: «Сто рублей вам в мошну!» Спорынья была дороже богатства: в ней и бедный проживал, а отсутствие её и богатого губило.

Но чтобы в достатке грядущий год провести, самое время было мать землю, родительницу всего живого, помянуть. За неторопливой домашней работой, когда за окнами зима во всю силушку разгуляется, славили её по чести, душу живым теплом полня. Заповедь старикову при этом не забывали: «Держись за мать сыру землю, от которой сам Господь повелел кормиться!»

Заморозил её январь, застудил, куда как долго ещё до плодородия! Но разрешиться от бремени суждено было на сей раз женщине - хранительнице очага. Для неё в дому вышивали узорчатое полотенце, раскрывающее белый свет новорождённому, так что ребёнок выходил из бабьего чрева легко, и ничто не препятствовало его появлению. Сила добра, идущая от самой земли и сопутствующая продолжению человеческого рода, переходила роженицам: подступал праздник повивальных бабок и рожениц - Бабы каши.

Никто в деревнях лучше стариков не знал давние обычаи и своё дело. Радеющее за лёгкие родины, оно веками укоренялось меж людьми добрым словом и молитвами, а с наступлением святых вечеров сряжалось на бабы каши, когда полагалось навестить бабку-повитуху с теми детьми, которых она в своё время приняла. Под этот праздник бабке требовалось особо угодить, потчuya её пирогами да водочкой, после чего та рассаживала всех по лавочкам иставляла горшок с кашей. Сдобренная её душевными уговорами да руками каша эта семью любую как бы скрепляла, и от этого высылся незаметно и крепчал русский народ.

«Бог с милостью, а бабка с руками», - говорили на деревне, тем самым отводя достойное место повитухе. Её умение приносило лёгкие роды и помогало бесплодным женщинам. Попу что: окрестил – и с плеч долой, а вот сделать, чтобы дитячко выросло крепким и счастливым, могла только бабка. Праздника краше бабкины каши!

Только что появившееся дитя заботливо обтирали полотенцем в душистом пару, очищающие слова приговаривали: от худобы и сухоты, во

имя спокойствия великого. А потом ему бабка колыбельную тихо напевала, злые чары разгоняла. Сладкими казались сказки под завывание январской вьюги, сладкими да безбрежными, младенцу на здоровьице и крепкий сон.

И к земле, и к дому, и к роженицам с детьми благоволила зима и, конечно, не могла не уберечь скотину. Для всякого живущего она предполагала доброту и здоровье. А кто как не животные предупреждали людей о погоде?

Лишний раз подстелить корове, навести пойло коню, задать корму птице было человеку главной заботой, чтобы от них прознать о готовящейся доле: стуже ли быть на дворе, ветер ли сырой скоро начнёт лютовать или метель налетит... Оттого и полагалось им во все времена должное почтение.

В уходе за домашними животными и сам человек оживал. Ходить да убирать за ними значило лени не поддаваться, да одурманивающую сонливость с души стряхнуть. За этими делами не по плечу было тёмным силам зимы околдовать человека своим притворным коварством.

В народе издавна подмечали, что коли станет хуже некуда, так и пойдёт на лад. Для того и праздники всю зиму один за другим встречали да провожали, - они скучать не давали. Так незаметно подходили Святые вечера, которые обозначали человеку верный путь, открывая собой двухнедельные новогодние празднества - Святки. Первая неделя Святков, с Рождества до Васильева вечера, называлась Святые вечера, а вторая, от Василия Щедрого вечера до Крещения, - Страшные.

Что есть Святки? Это - весёлые колядки и ряженые, славильщики со звездой и вертепом, тысячи песен и игрищ. А ещё - посиделки с гаданиями, что предвещают богатство или бедность, свадьбу или вечное девичество, разлуку или свидание. И, конечно, множество поверий и примет: тёмные Святки - молочные коровы, светлые Святки - ноские куры; будешь же делать клубок святочной пряжи ту же - тугими будут капустные кочаны. Словом, Святки сводились к одному: к плодородию земли, скота и всего доброго люда.

Вечер и ночь накануне Рождества Христова - это Сочельник, в народе его ещё называли Кутейником, так как полагалось на него готовить кутью. Но главным блюдом были сочни - пресные, тонкие лепёшки с кашей, сметаной или творогом. Ужину в Рождественский сочельник придавалось большое значение: избу тщательно убирали, стол застилали чистой скатертью, ели в торжественном и строгом молчании. При этом крестьяне заставляли ребятишек залезать под стол и «цыкать» там цыплёнком, чтобы хорошо водились куры.

Первый блин в Сочельник доставался овцам, в эту ночь скот обычно кормили обильно. На снятых дверях жгли костры, полагая, что усопшие родители приходят обогреться и от этого огня пшеница народится ярая. Все деревья в садах обвязывали соломенным «перевяслом», чтобы они хорошо родили, а в душе с нетерпением ожидали Рождества...

В деревнях между домами тишина и холод, и только окна горят живым теплом. Там, за окнами, вдумчивая людская озабоченность и доброта. Пламя свечи изредка вздрагивает в мутноватом стекле, уютно потрескивают в печке дрова, а сердце ровно бьётся в груди для дальнейшей здоровой жизни.

И вот уже дивный сон наваливается на плечи, так что слипаются веки, и тогда всплывает посреди зимы её самая волшебная сказка – Рождество, вместе со всеми чудесами, что оно в себе несёт.

Выйдешь в рождественский вечер на крыльцо – дух в груди перехватит: такой весёлый озноб по телу пробежит, что и слова не вымолвить. Каково!

Звёзды в напружиненном небе, кажется, съёжились от мороза, а так и играют разноцветными камнями, задорно вспыхивая в торжественной вышине. Если голову не опускать, и всё вверх глядеть, то начнёт казаться, что они – живые.

Среди поблескивающих сугробов тени густые копошатся. От дома синенькой ниткой тропка тугая к колодцу тянется, взвизгивая, словно поросёнок. Деревья в снегу по пояс застыли, но тоже всему происходящему тихо радуются, сопереживают.

Морозный воздух от фонарей искрится, осыпая восторженным блеском шапки, валенки, шубы, и они мгновенно смерзаются, отчего во всём теле – удивительная приподнятость, бодрость. Так бы и полетел прямо сейчас, не откладывая, в морозно сверкающую вышину. И не боишься, что сердце превратится в ледышку, а на душе тепло от счастья, празднично.

Плывёт кругом рождественское сияние, не утихает! Мечта одна другую перегоняет, в звонкую тишину тянется: от предвкушения того, что всё задуманное сбудется, даже как-то неловко становится. А как если самое сокровенное загадать – будет ли тебе отрада?!

Святой вечер, и такое необыкновенное настроение, что не передать словами. Окна в домах совсем замёрзли, тихо поблескивают оранжевым теплом и уютом. Где-то там, в уголке, замерла отогретая с мороза ёлка: распушив густые лапы, сладко дышит хвойным жаром. Золотые и серебряные шары слабо прокручиваются в ней на нитках, отсвечивая замысловатыми узорами, притягивают к себе нескончаемой сказкой...

В такой вечер всех тянет из дома на мороз, под мерцающие звёзды, а с мороза – к ёлке, где яблоки всегда пахнут снегом. Мороз за окнами крепчает, небо в выстуженном инее, и под ногами прохожих хрустят ломкие ледышки. А дома тепло: стреляет изредка печка, скачут по ней загадочные тени. Как тут не простишь зиме её метели, глухоту и мрак?!

Неторопливо длится рождественский вечер, и, кажется, ему не будет конца. В такую сказочную пору всё представляется нерассказанным, и его хочется передать: спокойно, мудро, никуда не торопясь. Все сказки, должно быть, родились в эту волшебную пору.

Пять раз в году солнце играет, и впервые это происходит на Рождество. Красное, большое, оно разливает ласково свой живительный свет: мол, не обессудь, морозец! А народ радуется, на него глядя, Христа Спасителя

величает и всех с праздником поздравляет! Как тут не возжелаешь о богатстве в грядущем?!

Январь его уже в приметах пророчит, которые не к случаю сказывали, а ко дню прикладывали. Метель рождественская добрый пчелиный рой обещала, иней - урожай на хлеб, а звёздная ночь - ягод с болота по осени не уволочь... Всё небесное оборачивалось на деле дорогим и желанным матушке-земле, питающим род людской.

Надёжно укутанная снегом земля слышала в эти дни особенно чутко: нельзя было солгать, не очутившись в её холодных чертогах. А солнце наверху так и играло, гнало лохматую нечисть в глубокие щели, от чего тёмная сила становилась махонькой, неприметной. Перемётывалась с улицы на улицу, норовя угодить в какой-нибудь дом, чтобы в дальних его углах схорониться, или под печкой. Добрая хозяйшка на этот случай ещё загодя веники приготавливала, а со святых вечеров выметать её начинала.

Мужики на Рождество надевали новые рубахи, а то - жди неурожая. И охотиться им в эту пору на зверей и птиц было заказано, иначе - грех: с охотником обязательно несчастье случится. А ещё было нехорошо, коли на Рождество войдёт в избу чужая женщина - в той избе весь год будут болеть бабы. Верным считалось для большого приплода ягнят дожидаться первого гостя, пришедшего «славить» в день Рождества Христова, и посадить его на шубу.

Ближе к Страшным вечерам старые люди советовали выставлять за деревни колья, что ведунов и ведьм отпугивают, к избам не пускают. Хозяева приходили туда и повязывали на колья тряпицы, каждый про себя желание сокровенное загадывая. Старики же к тому времени из постелей своих натрясали под колья соломы и поджигали, чтобы в пепел обратились все мытарства людские, неурожай и недуги.

Так, за благими святочными делами да приятными заботами приваживали дорогой для крестьянина Васильев вечер, что приходится на четырнадцатое января. Сошедший на землю в ночь, разделяющую Святочные и Страшные вечера, веселый бог плодородия со своим потешным окружением ехал на поросёнке между встречающими его, в ответ на приветствие головы хозяев зерном обсыпал и приговаривал: «Новое счастье уродись, с добрым хлебом поднимись!» Потому полагалось в этот вечер ставить голову поросёнка на стол и верить, что Василий зимний её освятит. Деревенские люди про то свои земные слова имели, зная, что у Бога нет ничего нечистого, и, знай, приговаривали: «Свинку да боровка для Васильева вечерка!»

В такую пору просыпается в сердце желание выйти из дому и щедрым голосом открыться душой всему свету, обещая добрым людям сытую зиму, ясную весну и раздольное лето! На дворе крупными хлопьями валит снег на счастье и благополучие, радостные лица рдеют здоровым румянцем и шуткой. А другие ещё вырежут маску из бересты, вымажут её кто сажей, кто

свёклой, и айда по крестьянским дворам подглядывать, кто как живёт. Тут уж успевай засветло двери прикрыть: ряженые идут!

По ним чудесное зимнее время как никакое другое запоминалось, люди с затаенным страхом пытались под маской узнать друг друга, и становились при этом по-детски счастливыми. Несмотря на творящуюся по вечерам на улице беспутицу и несусветный лик, ряженые славились в народе гонителями порчи и охранителями здоровья. Рыком и хохотом запутывали они нечистую силу, изводили её из деревни, и никто на шутки ряженных никогда не обижался. Исстари на Руси было отмечено это чудо зимы - Святки.

Но у нечистой силы свой праздник, ибо кончаются Святые вечера, и потому в ночь после Васильева вечера вся нежить - тут, как тут: бесы и ведьмаки, колдуньи и домовые, луканьки и недобрики, нелёгкие с кикиморами, отяпы и окаяшки, анчутки беспятые, и так до самого Сатаны. Вся нечистая сила собирается в эту ночь на Лысую гору и, чтобы не было видно ни с земли, ни с небес этого великого беснования, крадут с неба луну и прячут её до утра. Только звёздочки рябят в чёрной вышине, но и их черти норовят с неба украсть, все дороги на земле перемесить.

Именно в это время ударяют крепкие морозы, и пошли по свету виноватых искать двенадцать злых сестер: Лихорадка и Лихоманка, Трясуха и Гнетуха, Кумоха и Китюха, Желтуха, Бледнуха, Знобуха, Трепуха да Ломовая с Маяльницей. В иных местностях на Руси подобных лихоманок насчитывали не двенадцать, а семьдесят семь, и называли их по-другому, но суть та же: нечистая сила несла болячки, и от них надо было оборонить всех, от старого до малого.

И как только хватало сил добрым людям управляться в течение зимы со всей этой порченной немочью, что норовила сглазить их жизнь?! К самой середине зимы лихоманка куролапая по избам пробегала, бабам стряпню наводить мешала: на хлеб гнёт наложит, из печи тепло вытравит да жжёт сердце горечью своей. Или возьмёт и напустит по всей деревне куриную слепоту, так что куры потом три года нестись не могут. Сохнет после неё всё молодое и здоровое, безвозвратно хиреет.

Торопились тогда сердобольные хозяйки нечисть хитроумную угольями запугать. Ещё пышущие жаром головёшки собирали из печи в ведро и несли на двор, чтобы добавить туда для дыма навозу. После этого окуривали птичник, изводя всю гниль хворую, а мелкие угольки вываливались в снег, что недовольно шипели в зимней утробе. Зима благодушно наблюдала за каждодневными заботами человека и, наверное, любила его со всей строгостью отпущенной ей силы.

Да и как было не любить русского человека, если в неутомимости своей он душу добрую оберегал. Всей радости он видел вперемежку с горечью, да и то ненароком, на миг, вот в такие праздники, но, увидев однажды, запоминал надолго, и нёс с собой через всю жизнь. Великие стремления его

не одолевали, поскольку сам он был велик в простоте и незаметности изо дня в день совершаемых дел.

Но и у него терпение переводилось от того, как сила тёмная его всю зиму мытарилла, добро со злом мешала, любовь с души скатывала. То она собакой шелудивой к дому прибьётся и чёрным вороном на крыльце обернётся, то непутёвым чёртом объявится да стонет так, что сердце той тоской разрывает. Вселяя в человека тягостные сомнения, тёмная сила, не подозревая того, сама себе судьбу лихую выбирала.

Собирались мужики ввечеру с топорами да кольями гнать набедокурившего чёрта из деревни. Тулупы наизнанку надевали, чтобы чёрта того распознать в чужом обличье, и с зажжёнными огнями по дворам ходили, нечисть вызывали. На том месте, где чёрта застигали, разводили костер и прыгали через него, оберегая тем самым своё здоровье. Вот где начинались потеха и веселье, за ними отходил душой мужик от бесконечных забот и работы.

За всем этим гулянием зимним Святкам выходил срок, и завершало их девятнадцатого января Крещение. Вместе с Рождеством оно приобретало в глубине зимы красивый, и даже какой-то зачарованный смысл. Само слово - «крещение», таило в себе что-то особенное, необыкновенное.

Ещё этот праздник в старину называли Богоявлением, потому что при крещении Господа явилась миру Пресвятая Троица. Бог возглашал с небес о Сыне, Сын крестился от Святого Предтечи Господня Иоанна, и Дух Святой сошёл на Сына в виде голубя. Оттого Богоявлением и называется не тот день, в который Господь родился, а тот, в который крестился и освятил естество вод в присутствии пророка Иоанна Крестителя в священной реке Иордан.

Главное событие Крещения - Водосвятие, для чего в одном из водоёмов, на издавна установленном месте, вырубалась прорубь - Иордань. Торжественный крёстный ход, молебен и святая вода - всё это было полно для христианина особенного значения. Для него не подлежало сомнению, что сама прорубь и место вокруг неё обладают чудесной силой. В День Крещения, после молебна на реке, купались в ней раздетые: и для того, чтобы омыться освящённой водой, и для того, чтобы излечиться от болезней, очиститься от грехов. После Водосвятия обычно втыкали в прорубь палку, чтобы плодились пчёлы.

Утверждали, будто в полночь на Крещение чаша с водой сама колыхнуться может, если Господа своего узришь, а перед заутреней небо открывается, и то, о чём ему помолишься, то сбудется. Крещенский снег кропили водою - для беленья холстов и от разных недугов. А ещё с Крещением было связано много добрых примет и поверий.

Примечали издавна, что коли в Крещение собаки много лают, будет в достатке зверя и дичи. Синие облака в полдень пророчили богатые урожаи, крещенские же яркие звёзды - белых ярок. И только в одном всё настоящее и зимнее оборачивалось неожиданным несогласием: ясный, солнечный день порождал грядущие недороды...

После Крещения, на двадцать первое января, в народе принято было встречать Емельянов день, в который угощали кума с кумой, ибо считалось, что это приносит здоровье детям. Кум и кума, приходя в позванный дом, приносят в подарок кусок мыла и полотенце, а вручая их, говорят: «Вот тебе, кума, мыльце да белое белильце для крестника». Использовать подарки надо было при первом же купании ребенка.

Именно на Емельяна-перезимника возникла поговорка: «Мели, Емеля, твоя неделя». Произошла она от обычая в долгие зимние вечера рассказывать сказки и истории. «Твоя неделя» - значит, неделя, на которую приходится Емельянов день.

В эту пору устраивались также смотрины и венчания - предвестники свадеб. Обременённому делами деревенскому человеку лучшего для них времени, чем зима, было не найти. Те, к кому не приехали сваты или кто не выбрал невесту, начинали беспокоиться, теряя надежду до Масленицы сыграть свадьбу. Тем же, кто обретал суженого или суженую, на Ивана-бражника требовалось запить только что сложенное счастье, дабы не пролились понапрасну девичьи слезы.

Все эти добрые завоевания зимы и людей закрепляли в самом конце месяца, тридцать первого января, Афанасий да Кирилл, которые забирают за рыло: наступали знаменитые афанасьевские морозы. Пришёл Афанасий-ломонос, шутили в народе, береги щёки и нос, ибо в такой мороз и старик вприпрыжку бежит. Но, между тем, замечали, как ведут себя месяц и солнце: на Афанасия месяц, всходя на небо, играет - к урожаю, чистое солнце в полдень предвещало раннюю весну.

Отведя напоследок душу в крепкие афанасьевские морозы, зима постепенно успокаивалась, перевалив через еле угадываемый раздел. Она уже достаточно укоренилась за январь, закалённая крещенскими морозами, что лютуют по заснеженной земле уже не один день. Давно распахнутые в зиму ворота незаметно для людей запахнулись, ни у кого не оставив в душе смутных сомнений в том, что зима может передумать. Зима неторопливо перебирала свои дремотные думы, храня величавый покой.

В феврале люди уже молились каждодневно набирающему силу солнцу, которое тоже с любовью обожествляли. Весь январь они противились худым следам, что оставляла за собой зимняя тьма, но не ожесточились и не иссякли душой. Неведомые силы молитвами, обрядовыми песнями и заговорами были изгнаны с родного порога, выпровожены из деревни, и крестьянский быт всё больше обогревала русская печка, что дарила необходимое тепло, яства и вольный избяной дух.

Печка на Руси всегда была мать родная, и именно с неё загадывали о предстоящих временах года: в печурке три чурки, три гуся, три утки и три тетерева. С печным теплом в дорогу не ездили, но и одно воспоминание о печи грело душу так, словно у самой печи погрелся. И по летам, и по годам в зиму было одно место - печь, на которой лежать-зимовать! О сладости снов,

которые переживали на ней долгими зимними ночами, лучше всех знала бабка, что летела с печи да успела передумать при этом семьдесят семь дум.

Но, конечно, известно, что не сама печь кормит, а работающие женские руки, от которых она угарной не бывает. У доброй хозяйки и ковши не дремлют, и квашня не пустует, а если уж она начнёт печь топить, то знает, как избу нагреть и жару из неё не упустить. Хлеб из таких рук выходил под стать самому солнышку - пропечённый и пахучий, хранящий здоровый земной дух.

Мороз за окном, кошка на печи клубком свернулась, а вокруг стола семья большая собирается. Хлебу дают остыть и разламывают его так, что всякому должно достаться от солнечного каравай. Кажется, все земные силы тогда в доме сходятся, благополучия ему желают. Благословен был дом с хлебом и печью, с добрым хозяином и хозяйкой!

К началу февраля на снегу появлялись санные дорожки от дальних стоговищ. Снаряжая туда сани, мужик вспоминал добрым словом знойное лето, и словно стряхивал с себя зимний сон. Чудились ему опять благодать и раздолье, и занимающая все дни работа, и неспешные думы о своем житье. По душе ему были такие зимние утра, когда, собирая лошадку, дышится легко и свободно, а воздух переполнен зарождающейся надеждой.

Всё в руках мужика делается тогда ловко, с доброй улыбкой, и хочется ему ехать между лесных сугробов и елей долго, совсем не боясь зимы. И чтобы лошадка знала дорогу и понимала тебя, как ты сам понимаешь свою ладно обустроенную жизнь. А все мечты кажутся осуществимыми и близкими, стоит только совершить небольшое усилие.

Впереди клубится лиловая февральская заря, изо рта кобылки выбивается душистый парок. Про себя приятно сознавать, что зима перевалила за половину, и порча со всей нечистой силой отступила. Жена к твоему возвращению настряпает ароматных колобков, и дети, вволю накатавшись с горок, прибегут в избу весёлые и возбуждённые. И ты опять будешь рассказывать им перед сном сказки о том, какой волшебной бывает жизнь русской зимой. А может быть, о грядущей весне, что принесёт на землю желанное тепло и свет, и ещё о непутевых и славных зайцах, которые без боязни выбегают погреться на солнечных полянках.

От всех этих дум тебе самому становится тепло и радостно на душе, а мороз отчего-то забирает крепче, ядрёнее. И тогда радостное смятение, охватившее было тебя, поджигается махоньким угольком где-то вверху груди, не даёт дышать, и на глазах выступают слёзы. И в тебе тоже, исподволь, поднимается крепкий дух - он и успокаивает, как будто нет иных забот, чем накидать в сани доброе душистое сено и везти его скоту. Февраль незаметно вмещает в тебя пробудившиеся в нём к тому времени запахи, нашёптывает что-то сокровенное и приятное.

Едешь, понукая время от времени лошадку, и постепенно высыхают выступившие на глазах от крепыша-мороза слёзы, а всё лицо зацеловывает стужа. Озноб невидимым зверьком пробегает под полушубком, ластится,

играет, и дух захватывает от его силы. Не желает зима доживать до скорой старости, всем нутром тому противится и негодует.

Да только отсекает её февраль своими холодными ветрами, что поют песни, на вешние птичьи перезвоны не похожие. Что-то невидимое переламинается в зиме, и стремится она снежными заносами небо с землёй смешать. Что было сил, переметает зима пути-дороги в свой последний месяц, насылая на землю вьюги да метели.

Февраль - месяц, который богат до разного рода плутовства и неожиданностей. Названный в народе за это плутом, от которого ничего не уйдёт, он не был худ душой и хранил в себе достаточно смекалки и силы. Под завязку зимы от него уже было не отвязаться, но и правды не добиться, потому как оставался он, из года в год, неповторимым. По нему более, чем по какому-либо другому месяцу судили-рядили о сроках прихода весны.

Одному февраль сулил тепло да усладу, а другому - хлопот полон рот. Чтобы отведал нерадивый человек нужды в избытке и не поворачивался от февральских забот на другой бок. У справного же мужика последний зимний месяц рождал в душе беспокойство, так что он места себе в избе не находил, одержимо желая переделать прорву дел, поспешая из дома к скоту, а затем в лес или на пасеку. Голову мог закружить февраль только тому, кто заблудился в зиме...

Всякий день февраля меж людьми был на примете. Крестьяне чутко следили: солнечно ли, метельно, или в полночь взойдёт затуманившийся месяц. О приближении каждого дня говорили задолго, потому, как мог он стать в будущем животу верным подспорьем, а судьбу направить на доброе житьё. Долгая зима-кума порядком извела закрома, и февраль своими предсказаниями теплил в мужике надежду.

Главной, кто указывал в народе приближение весны - была Аксинья-полузимница, которую встречали шестого февраля. Аксинья-полузимница, или полухлебница, как её ещё называли, мужика торопила, чтобы он весну не упустил, и солнышко на крыши гнала. Половина срока с этой поры осталась до нового хлеба, примечали люди, поскольку озимое зерно пролежало в земле половину срока до всхода. Но хоть Аксинья-полузимница и делит зиму пополам, да не ровно: к весне мужику, как не крути, тяжелее.

Со дня Преподобной Ксении полагают, что до новых хлебов нужно столько же хлеба, сколько уже съедено. Потому она и называется ещё полухлебницей. Если на Аксинью-полухлебницу хлеб на рынке подешевеет, будет урожай и новый хлеб дешевле; коли на Аксинью-полухлебницу цена хлеба низкая, то до нового хлеба она не поднимется. Какова Аксинья, примечали крестьяне, такова и весна.

Но февраль ещё пока холоду изрядно подпускает, да только в лесу уже первые предвестники тепла завелись. В раскидистых ветвях сосны и ели в гнезде у клеста - птенцы-крохи, этакая невидаль! Знай, наворачивают посреди зимы свою еловую кашу и в ус не дуют: мол, не озябла бы душа у

самой природы, а мы выдюжим! Как тут ими не восхититься и в душе не улыбнуться!

Мир людской к желанной Масленице по-своему готовился: девки про холостых парней меж собой толкотню на реке у проруби затевали, друг дружку подзадоривали; бабы замужние опять же к русской печи прислушивались, чтоб нажить пылу да жару в семейной жизни. По народному поверью, требовалось справлять в февральские вечера именины доброго духа дома, хранителя домашнего очага, которые приходились на Ефрема-Сирину.

В Ефремов день, отмечаемый десятого февраля, домовый обычно глумится во дворах, и для него ставят кашу на загнётке печи. По представлению деревенских жителей, домовый - это рачительный, заботливый дух, помогающий трудолюбивой и дружной семье; тех же, кто плохо вёл хозяйство, не заботился о чистоте и порядке, ленился, он пугал и по-своему вредничал, наводя на людей неурядицы, которые сильно били по домашнему ладу. Старики каждому хозяину заповедовали поддерживать добрый дух своего жилья, от которого и была сотворена однажды любовь и добрый совет. В почитании его слышалось тёплое дыхание домового, поддерживающего покой в доме и жар в печи.

Оставляя старый дом, люди всегда просили прощения у домового за своё нерадивое житьё, и уважительно зазывали его с собой. С болью пекущийся о своих родных, домовый обычно не оставлял их без внимания, и принимал приглашение. Ничего так не любил он в своём доме, как покой и достаток, от непутевых же хозяев уходил на чужую окраину, к тому, кто в нём нуждался.

Кошка ли не своим голосом зарыдает, посуда ли из рук на пол брякнет или в сенях ведро с грохотом опрокинется - значит, кто-то не угодил батюшке в дому. Словно в ребёнка обращался он, и начинал бедокурить почем зря, пока не отводил до конца душу.

За окном, так что в озноб бросает, февральские вьюги беснуются, метели все тропы перемели, а домовый, знай, в тёплой избе забавляется, по ночам, у русской печи, сдобренной коровьим маслицем кашей угощаясь. Отчего бы временами не потакать его незатейливым причудам, дабы сохранить зимой в доме уют и доброе величание!

А вьюги злобные сводили все дороги на нет, раннюю весну между тем предвещая. Звёзды мглистые изредка вспыхнут в разрывах туч, тихим огнём ожгут сердце, и исчезнут. Будто назло тебя пытаются, душу трепетную февральскую хотят извести. Уколовшемуся таким чужим светом человеку, по старинному поверью, уже не было спасу.

С середины февраля, когда подступает Сретенье, зима встречается с летом, а шуба с кафтаном. Солнце, говорили в народе, на лето пошло, зима же на мороз: недаром сретенские морозы одними из самых крутых в зиму почитались. Пока зима - владыка, она без устали неподражаемые художества

на окнах выводит, отчаянных воробьев под стреху гонит. В Сретенье солнце с морозом пуще прежнего хороводят!

Но негоже было этому февральскому дню верить, ибо погода на Сретенье - что весенний дождик. То снег дорогу переметёт, что обязательно сулило богатый урожай, а то, бывает, зима весну красную заморозить хочет - и это предвещало летом хорошие льны, бывает же - капель наладится, и тогда санный путь уже не стоит и пускаться по-зимнему в дорогу опасно. В народе существовала известная поговорка про мужика, который к Масленой решил привезти издалека рыбки, да пока собирался - Сретенье подошло. Вот и бабы про себя пророчили: ростепель, мол, не к добру - то поп навстречу попадётся, то девка с пустыми вёдрами.

И всё-таки чаще всего февраль называют месяцем кривых дорог. Ветер в эту пору становится всё более неумным: временами он дует так надрывно, что кажется, ничего уже более не уродится. Настырность его в душе озлобленность непонятную поднимает, в непроглядную густоту свет белый перемешивает: против ветра особо не надуешься. Ветер, вроде бы, даже зиме не служит, а остаётся сам по себе - неукротимый, свободный и всё же - какой-то неприкаянный.

Будто он доказать что-то пытается, но никого его порывы не донимают, и ветер злится. А может быть, он по натуре такой остервеневший, и ему всё живое нипочём. Из-за гордости своей, что высоко взметнулся, он себя одного любит и никому подчиняться не желает. Потому и говорят: выше ветра головы не носи, силы его всё равно ничем не измеришь и в поле за ним не угонишься.

Как бы то ни было, а зима с ветром ссориться не хочет: она его умело по своим заботам в оборот берёт. То наслёт с ним на людей тревоги да забвения в круговерти безостановочной, то пытается творить нечто недозволенное: нет на неё никакой управы. Без ветра безудержного и мороза лютого ей со своей обузой ни за что не справиться.

Сама зима при этом выглядит странно: ни сверкающей короны на голове, ни роскошного платья, усыпанного жемчугами и серебром, у неё нет. И хрустальных башмачков на своих ногах она не носит. Да и в представлении людей зима снежной королевой никогда не была. Скорее - основательной хозяйкой, для всякого доступной и заботливой, но и недосыгаемой, а если суровой, то в меру.

Владелица снегов хорошо знала, чем пронять мужика. Девки на деревне красуются, обновками парней молодых заворачивают, зима же в себе иную цену несёт. Норовит она исподтишка да раненько человека вовремя разбудить, на дело его верное наставить. Сколько бы тому от неё ни бегать, а всё равно встретиться и по душам поговорить обязательно придётся. Потому и пословица такая слыла, что в зимний холод всякий молод.

Зимкой, зимочкой, зимушкой, зимовейкой - так ласково называли люди её, как будто хорошо знали, но всегда зима оставалась загадочной и характером неприступной. Бывала она в разные годы и строгой долгой

зимищей, и хилой зимушкой, но всегда вызывала уважение. Более всего зима представлялась властной дородной бабой. Имея в услужении морозы да вьюги, она и сама могла обернуться в медвежью шкуру, чтобы заглянуть мужику в глаза или пробежаться по задворкам волчьей тени: радейте, люди хорошие, за своё дело, так и добро ваше оставлю в целости-сохранности.

И люди глядели в лицо зиме, и на печи не засиживались: знали, что наперекор всему скоро придёт весна, и будет снова много доброй работы, за которую чем раньше примешься, тем больше вешней поре угодишь. Да только зима не хотела так просто уступать свои права и владения, и боролась изо всех сил, чтобы не опростоволоситься. Ведь именно об эту февральскую пору в народе замечали, что весна зиме рог сшибает, а та досаду горькую в себе избывает.

На какое-то время зима словно отступала от всех этих переживаний, и тогда выходили на свои тропы звери. Почувствовав её слабость, они становились хозяевами в лесу, заполняя свою жизнь только зарождающимися желаниями. Всюду были видны следы их возмужания, и люди осторожно постигали его, и стремились не мешать зверям. Люди видели в этом постепенное утверждение таинственной лесной силы, способной одухотворить их собственную жизнь.

И приходил семнадцатого февраля Никола Студёный - волчий сват, который ведал в эту пору зверьми. Знал он, как и любой охотчий до лесного царства мужик, все звериные повадки, и даже где устраивает своё логово мать своим волчатам - волчица. Там, в укромных дебрях хвойной чащи, она пряталась от выхолаживающей душу зимы, готовясь к вырастающему с каждым днём солнечному времени: подступала пора волчьих свадеб.

Это же февральское время вдыхало верную силу и в других зверей, и те также стряхивали с себя зимний сон. Морозы, между тем, слабели, вьюги укладывались в неведомые буераки, и холод забирался к ещё не сломленной зиме под мышки, в надежде только там обрести спасение. Что-то трагическое и прекрасное происходило с зимой, и она переживала всё это, но, наверное, принимала как должное. А может быть, зиме было горько сознавать свою скорую кончину, и она становилась несправедливой и жестокосердной: невозможно было вымолить у неё прощение, если потерял себя ещё с декабря.

В народе про эту пору повелось такое присловье: «На Прохора зима заохала», тем более, что не заставлял ожидать себя и Влас, следующий сразу за Прохором, двадцать четвертого февраля: «Пришел Прохор да Влас - никак скоро весна у нас!» Власий - скотий бог, сшибал рог зиме, но и приводил за собой власьевские морозы - последние, что завершали зиму. Власьевские морозы были строги, бураны непроглядны, вьюги завывали хуже волчьей стаи, а все пословицы и думы людей, тем временем, были о весне... Не к Святкам дело шло - к Масленой!

Предрассветные сумерки в феврале с каждым утром становятся всё яснее и чище. На небе вспыхивают и играют невидимые раньше

разноцветные звёзды, от чистого сияния которых в тебе прибывает недостающей зоркости. К концу февраля можно было уже окликать их, прося чего-то несбыточного: звёзды всё слышали и понимали, отзываясь в вышине живым и весёлым блеском.

В полдень чутко ощущалось, как снег оседает и охает, ровно баба на сносях, почувствовав в себе первые толчки новой неведомой жизни. Так и зима видно спохватывалась о зарождающейся в её утробе наследнице, что вернётся на землю через год заматеревшей и властной хозяйкой. А пока она только изредка давала о себе знать маленькой белой ножкой, и незаметно крепла. Старая зима любовно берегла её, растрачивая всё своё внимание и силы, как будто забываясь в себе.

Но печаль зимы была тяжела - не могла она просто так сдаться весне. Глядела из-под сдвинутых бровей хмуро: от такого взгляда на душе становилось тоскливо и тревожно. Не зря завершал зиму лютый Касьян, который на что ни взглянет - всё вянет. В народном календаре Касьянов день занимает особое место: он приходится только на високосные годы, и из-за злопамятности святого считается самым страшным. Гнев Касьяна признавался настолько опасным, что крестьяне в этот день предпочитали вовсе не выходить из избы, особенно до солнечного восхода.

Да и сам белый февральский свет был уже не мил - душа желала животворящего света и пьянящей голубизны. И ещё хотелось настоящего праздника перед Великим постом, чествуя и провожая матушку зиму. А чтобы не грустить по безвозвратно утраченному времени, гуляли целую неделю весело и широко: пекли блины, катались на санках с гор и на лошадях, потешались, как могли. Сытной и сладкой Масленой прозвали это торжество, когда нужно было хоть что-нибудь заложить, но зиму достойно проводить!

Зима к этому времени нуждой пояс затягивала. Человек все свои хвори и беспокойные метания собирал в хлам и солому, да меж собой перевязывал. Такое несусветное чучело втыкали за деревней на пригорке, и волокли к нему самое ненужное и худое: кто тряпки и рухлядь домашнюю, кто сношенные валенки. Каждому хотелось избавиться от накопившихся за зиму ненужных вещей и прочей напасти, заговорив на лучшее свою судьбу.

На всеобщем сборе всегда царили мир и лад. Встреча новой жизни сама собой давала предлог на сближение отдалившихся друг от друга за зиму душ. В последний день Масленицы люди прощали и друзей и недругов своих, забывая всякие обиды, а ввечеру зажигали разукрашенное чучело.

Желая, наверное, ещё завьюжить и закрутить, это чучело горестно шипело и... таяло. И люди, почуявшие в душе обновление, дружно брались за руки и ходили вокруг него, приговаривая: «Ты гори, гори, старуха, на осиновых дровах, пук соломы в головах!»

Зима на это не обижалась, и понапрасну не ожесточалась: самой природой ей путь к весенним просторам был заказан. Не оставаясь ко всему беспристрастной, она хранила в себе неизменную мудрость.

Великодушно прощая людей за их страсти, зима, завершаемая февралём, постепенно отступала. Но отправляясь летучими облаками на север, она, тем не менее, оставляла за собой право вновь вернуться в положенный срок, чтобы осенить землю и людей долгожданными зимними чудесами, без остатка подарив им своё материнское чувство.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Ни в какое другое время года не ожидает человек так сказки, как зимой, представляя заснеженный таинственный лес, неведомых зверей и затерявшиеся в чаще волшебные избушки. Хорошо тогда человеку становится жить, увлечённо и радостно.

Зима рождает в мыслях человека необыкновенные образы, и они уносят его в тот же сказочный лес, где звери живут таинственной и неведомой жизнью. Человеку хочется сделать эту жизнь своей, чтобы целиком отдаться её изучению, не устывая открывать и восхищаться. Ему недостает более интересной жизни, которой можно быть околдованным, и он выбирает мир зверей.

Но вместо того, чтобы учиться у этого мира, с восхищением открывая его неизведанные страницы, человек использует животных для высмеивания собственных грехов в созданных им сказках. Звери в сказках говорят и ведут себя, как обычные люди, они так же любят и ненавидят, но при этом лисы всегда - хитрые, волки - глупые, а медведи - непутевые доброхоты. Зверям недостает своего лица, с присущим им умом и тайной.

Изображать в невыгодном свете одних, незаслуженно отдавая предпочтение другим, вынуждало людей их собственное несовершенство, или - не совсем справедливое пристрастие к каким-либо животным. По своему усмотрению наделяя зверей качествами, принадлежащими им самим, либо же теми, какие они желали в них видеть, люди отмечали наиболее любимых животных, забывая о достойном отношении к тем, кто оставался недоступен для истинного понимания.

Беззащитного зайца в народе всегда хотели оградить от бед, помогая ему через других обласканных животных, скажем, бесстрашного ежа. Или же - благодаря самому человеку, что всегда относился к косому с лукавинкой, беззлобно. Не зря обаятельный зверёк в сказках наделён удивительной удачливостью, и даже - отвагой.

Медведя, не боящегося врагов из-за недюжинной силы и способного постоять за себя, они наградили неповоротливостью, и получился он туговатым на ум. Волку же, доставляющему народу постоянные заботы и огорчения, предлагали возможность изрядно пострадать, помучиться, оттого и незавидное положение зверя в большинстве сказок: когда волк в них удачливым бывал? Словом, безобидный простак – ни за что, то и дело, пропадает!

А что лиса? Лиса в большей мере оставалась самой собой, поскольку в лесу, как и среди людей, нужен был зверь-заводила, никому не дающий

покоя. Заклучая в себе истоки неведомой лесной жизни, неутомимость и смекалку, зверь этот должен был быть и относительно безобидным. Лиса растормошит всех в лесу, перессорит, но без злобы, чтобы звери, в итоге, сами смогли разобраться в своей жизни, а её уже и след простыл!

Но всё это было в сказках: на самом деле в народе хорошо знали, кто из зверей чего стоит. И никогда этого не забывали.

Просто отображать свою жизнь в сказках, через зверей, человеку было удобно, даже - красиво. Звери в них всегда оставались обаятельными, и не переставали нести в себе свою сокровенную тайну. В них всё равно проглядывала природная глубина, и она даже более, чем создаваемый образ, привлекала людей, помогая преодолеть в себе дурное. Что могло быть хуже законченности, не предполагающей простора для забавной шутки, воображения и мысли?!

Но, выдавая желаемое за действительное, слабый персонаж в сказке превращался в сильного героя, а сильный становился смешон и жалок. Получалось, что человек высмеивал недостижимое для себя, шёл по наиболее лёгкому пути. Не имея возможности добраться до сути волчьей тайны, он приближал её к себе хоть и красивой, но слабовольной сказкой, где зверь выглядел сущим недотёпой. То же происходило с медведем и лисой, когда человеку выгодно было выставить их в чёрном цвете.

Такой сказкой человек убивал в себе и своих детях истинное знание о лесе. А ему нужно было правдивое повествование об окружающем его волшебном мире, со всем фантастическим и невероятным, что в нём, несомненно, присутствовало. И чтобы сказка там не была пустой выдумкой, а превратилась в увлекательную быль.

Сказка, в настоящем её понимании, должна была быть поэтичным изображением действительности, ещё неизвестной большинству людей. И тогда бы она, действительно, оказалась для них увлекательной и незабываемой лесной правдой, постепенно ими познаваемой. Что ещё могло стать лучше неё?!

Только сами звери вместе с заснеженным лесом представляли собой по-настоящему сказочную жизнь. Всякое животное, не зная того, несло в себе свою неповторимую суть. Переживая внутри себя всё коловращение жизни, оно не в силах было постичь его и, наверное, мучилось этой не раскрываемой тайной. Но и не могло, наверное, не почувствовать своего природного богатства, так покровительственно влияющего на людей.

Ощущая себя в природе как огромный неподражаемый мир, каждое животное, подспудно, должно быть, помнило то время, когда было создано вместе с человеком, и между ними ещё не существовало непонимания и вражды. Но постепенно животным становилось невыносимо жить рядом с человеком, и они прятались в дремучих лесах, всё более зверея. Был в том какой-то тёмный неизбывный смысл, и ещё - глубоко скрытое, обездоленное чутьё зверей, что порой отражалось в их тревожных снах.

А человека неминуемо тянуло в лес, потому что он чувствовал себя в медведе, волке или сове одним родным с ними существом, и переживал своё нерастраченное древнее знание, ещё, к тому же, полностью им не осознанное. Ему становилось страшно и хорошо от их близкого существования, но он ничего не мог с собой поделать, когда убивал их. Заглядывая в глаза своего полузабытого прошлого, человек желал отыскать недостающую ему и зверям сопричастность друг другу, когда-то надолго утерянную, и всё же - оставался бессилен.

Заснеженный лес как будто незаметно оголял эту скрытую связь, и временами казалось, что она выступает на благодушно разлѣгшуюся снежную поверхность совершенно открытой, а значит - незащищённой. Трудно было тогда не ощутить её, не почувствовать сердцем эту ошеломляющую взаимосвязь всего живого. Это чувство соразмерности и единства всех живых существ долго потом не проходило, но рано или поздно куда-то исчезало.

За ощущением единства с животными требовалось опять, не уставая, идти и терпеливо стеречь эту слитность с ними, чтобы быть как можно больше захваченным ей, приблизившись вплотную. И тогда нечто чудодейственное и потаённое устраивало с тобой в лесу неведомую игру, иногда очень обнадеживающую своей кажущейся достижимостью. И ты в отчаянии забывался в себе, не веря, что это пристальное вглядывание в мир зверей когда-нибудь принесёт тебе недостающее откровение.

И все же звери и птицы оборачивались для человека друзьями, хотя пока и недостижимыми. Оставаясь самими собой, и волки, и медведи, и рыси обретали для него как будто бы более доступные черты, когда человек не преследовал их. Звери оберегали несомую в себе тайну, но не уставали ждать человека и верить в него. Они не подчинялись ему волю, без которой не смогли бы существовать, и всё-таки не в силах были оставить людей ради их собственного спасения и блага.

Впрочем, можно было сочинить и свою зимнюю сказку, может быть, не такую, как в старину, обаятельную, но, не менее, прекрасную и увлекательную. Про то, как однажды взволнованно и задушевно воззвал ты к лесным зверям, прося их о встрече, и они на неё согласились. А происходило это в одной лесной стране, по соседству...

Для большинства людей эта страна всегда остается недостижимой, как бы близко от неё они ни находились. Там живут разные звери и птицы, на которых никто не охотится, а ты многим из них - добрый друг. Никто этого не знает, и оттого тайна твоя становится ещё более сокровенной и привлекательной. Ты несёшь её в своем сердце, как великое успокоение, не боясь думать, что оно будет кем-либо нарушено или утрачено.

Только здесь, посреди вечной тишины, где в суровом молчании замерли могучие сосны, пихты и ели, течёт настоящая жизнь. От века до века входит в неё зима, захватывая в своем белоснежном кружении всех лесных обитателей. К ним присоединяются и одинокие чаяния человека,

возжелавшего приблизить себя к загадочной природе. Будто человек не знает - кто он, откуда, и никогда ему не будет это ведомо, но он непременно жаждет слиться с таинственной лесной жизнью.

Ты почему-то знаешь, что никак не можешь отделить свою жизнь от зверей. Это неясное, но очень близкое тебе состояние хочется понять среди них до конца. И ещё приятно сознавать, что иногда звери чувствуют твоё присутствие, даже когда ты не приходишь в лес, а только думаешь о них, или видишь во сне.

Хорошо, наверное, побыть волком, совой или рысью... Но тут тебя начинает одолевает страх их дикой неприкаянной жизни, из которой тотчас хочется бежать в свое привычное человеческое обличье. И всё же что-то тёмное, родное вынуждает вновь обратиться к звериному существованию.

Кажется, что лучше только представлять себя ненадолго каким-либо зверем. Честно и неторопливо постигая этот животный мир, ты постепенно становишься в нём своим, после чего его можно будет любить, не обожествляя, из всех зверей приблизив к себе самых дорогих. Как если бы они стали, по какому-то замечательному случаю, твоими преданными и свободными друзьями, о которых всегда приятно думать, и они есть. К ним обращаешься только в трудную минуту, не злоупотребляя их свободой, и, призывая себе, знаешь: звери придут, чтобы ни случилось, и помогут.

Звери будут выглядеть горделивыми, но осторожными, может быть - чуточку недоступными. Они появятся незаметно и тихо, и ты даже не сможешь себе вообразить, что случится дальше. Как всё это будет происходить, если ты для них равный, и в то же время – человек?

Очень похожие друг на друга образом жизни, все звери останутся самими собой, то есть - с присущими только им неподражаемыми привычками и характерами. Каждый из них, благодаря тебе, обретёт себе имя, и постепенно привыкнет к нему. В имени зверя отразится его суть, но он всё равно будет достойно хранить свою бесстрастную природную тайну.

Медведь - первым окажется именно он, не станет поначалу появляться прямо на глаза, а только обозначит своё присутствие, поскольку душа у него глубоко скрытая, может быть, не понятная ему самому. Медведь тихо изливает её сквозь глаза-щёлочки, и, такой же не понятый никем, бесцельно шатается по лесу. Самому ему эта душа, наверное, не доставляет ничего, кроме недоумённых снов, в которые он с головой погружается долгою зимою.

Глухо рыкнув где-нибудь поблизости, медведь замрёт, и будет только ждать подходящего случая, чтобы появиться. Медвежья душа неприкаянна в большом сильном теле, и от её неприкаянности зависит непоследовательность поведения зверя: из обаятельного косолапого простака - он через мгновение может превратиться в помутившегося от собственной разъярённости яростного хищника. Но именно это привлекает тебя в

медведе, то, как зверь угрюмо и обыденно, с присущей ему мрачноватой безысходностью, принимает необходимость своей дикой скитальческой жизни.

Пройдут томительные мгновения, прежде чем медведь неожиданно выдвинется тёмным пятном на опушку. С пугающей отрешённостью, вразвалочку, передвигаясь неведомо куда, весь – в своих непутёвых звериных устремлениях, он поразит твоё воображение своими размерами. Пагубность его зловещего образа дополнит какая-то неописуемо точная схожесть с огромной мохнатой гусеницей чёрного цвета, что вынуждена, не зная зачем, всё время двигаться. При этом видно, как она страшно устала от своего неторопливого движения, и даже успела приобрести некую необременительную для себя, но представляющуюся неприятной для других вьедливую изощрённость. Это окончательно околдует в медведе.

Зверь покажется нереальным в своём ошеломляюще открытом появлении, как дивный сон, приснившийся только однажды. Ещё не залёгший в берлогу, он словно бы почувствует твою потребность в нём и, слегка раздосадованный этой человеческой причудой, появится. Вся последовательность его поступков как будто нарушится при этом, и обретёт недостающую сказочность. Но, осторожно ступая по неглубокому снегу, медведь поведёт себя так, будто совсем никого не чувствует, наслаждаясь отпущенной ему лесным богом свободой.

Присутствие рядом сильного большого зверя сразу утихомирит твоё разыгравшееся воображение. Утробный дух медведя обезоружит и наполнит диким возбуждением, так что захочется постичь эту дикость, сделав её, неизвестно зачем, своей.

Набравшись смелости, ты попросишь у лесного владыки дозволения приобщиться к его таинственной жизни, и тогда медведь обратит к тебе своё внимание. Настороженно поведёт головой, чуть слышно фыркнет, и как-то неприметно развернётся, так что тотчас окажется в нескольких метрах от тебя. Низко прижимая голову к земле, зверь неожиданно взметнётся на дыбы и, поведя поверху носом, дохнёт прямо в лицо.

Тёмный мех его мягко шелохнётся при этом, и ты обомрёшь от одного осознания возможности подобного. Тебя вдруг охватит чудное ощущение близости к звериной жизни, и даже некоторой сопричастности с ней. Медведь всколыхнёт в тебе что-то глубинное, почти неизведанное самим тобой, и станет ещё ближе.

Всплывшее откуда-то имя – Дикий, закопошится холодящим восхищением в душе, и медведь ровно услышит его. Развалистый, дремучий, он глухо ударит передними лапами о землю и, может быть, прорычит что-то звериное, но по-своему признательное тебе. Ничего, кроме этого маленького кусочка лесной жизни с восхитительным оцепенением и таинственностью, ты тогда не почувствуешь. С обмершим и восхищённым сердцем, смутно помня себя в общем потоке этого, кажется, неправдоподобного таёжного

существования, ты будешь долго вбирать душой увиденное, не зная, что вырастаешь - становишься сильнее, мудрее и терпеливее.

И возрадуемся мы оба, почуяв, друг в друге, пока ещё только робкую надежду на будущую слитность наших жизней! Будем вместе бродить отрешёнными лесными путниками по глухим потаённым буеракам, и неведомая звериная душа станет мне доступной. Эта благосклонность леса и твоей судьбы, наверное, никогда не перестанет казаться неожиданной, так что ты даже не успеешь толком ощутить своего счастья.

Но так будет только, когда ты позовёшь зверя к себе. Медведь всегда сможет вмиг одуматься от этого необъяснимого общения и, на удивление, легко уйти. Почти не оставив после себя никаких звуков, он растворится в лесной чаще, как будто его и не было. И ты, конечно, ощутишь неизъяснимость утраты, как это порой бывает после внезапно растаявшего и чем-то полюбившегося сновидения. И будешь с нетерпением желать новой встречи, сам при этом незаметно становясь таинственным и диким зверем.

И тогда придёт огромный лось на высоких сухих ногах. Беззвучно и таинственно, по пятам за тобой, проскользнёт он вдоль опушки, задевая рогами кончики запорошенных снегом кустов. И сразу покажется, будто лось чувствует тебя, прислушиваясь к чему-то в себе. Это станет видно по тревожной глубине его выпуклых тёмных глаз.

Гулкие удары копыт затаенной музыкой потонут посреди заснеженной зимы. Выплыв из неё, лось остановится у края леса, и ты почувствуешь на своём лице его мудрые, почти говорящие глаза. А он не уйдет обратно, и будет стоять неподвижно, чуть шевеля ушами. Только лёгкие облачка прозрачного пара выдадут чуткого зверя.

Где-то здесь, рядом, слагается его неторопливая звериная жизнь, и лось покажется тебе на первый взгляд совершенно безобидным. С наступлением зимы пыл его осенних сражений как будто начисто угасает, уступая место добродушной размеренности и покою. Но с видимой безобидностью зверя уживаются его удивительная лёгкость и мощь.

Чтобы почувствовать себя лосем, ты представляешь у себя на голове огромные разветвлённые рога, с ними необходимо передвигаться между часто растущими деревьями, постоянно цепляясь за них. Даже нелегко предположить, как при всей массе своего гигантского тела тебе придётся преодолевать беспредельные заснеженные пространства, ближе к весне покрывающиеся настом, острыми краями ранившим ноги. Воображение рисует, как глухой зимой волки загоняют тебя на лёд реки, где ноги разъезжаются, лишаясь твёрдой опоры, а стая насаждает, и ты не в силах справиться с навалившейся обузой, так что ещё более уважительно присматриваешься к замершему поблизости зверю, умиротворённо взирающему сейчас на тебя. Какой-то удивительной трогательностью веет от

этого лесного исполина, которого ты вознамерился мысленно приблизить к себе.

Доступность замершего перед тобой животного будет очень приятна. Как и его понимание всего, что происходит с вами, и все те нехитрые заботы, которые он никому не передоверяет, незаметно станут и твоими. Что спросишь ты у этого красивого зверя, когда большее сближение между вами уже, кажется, невозможно себе представить? Чем тронет твоё сердце сосредоточенный в себе бродяга лесов, и не оставит ли вообще без внимания?

Неспешно удаляясь, лось повергнет тебя в очарованное онемение от своего присутствия рядом, чтобы затем всё-таки появиться перед тобой ещё раз на зов Легконогий - имя свободное и родное.

Лось, конечно, не уйдет от тебя совсем, а только ненадолго, чтобы вскоре опять появиться и замереть где-нибудь неподалёку. Ты всегда будешь угадывать его по одному ему присущему звуку, когда как будто что-то срывается в лесу, и тут же затихает: наподобие сломленной сухой ветки. Так, Легконогий, обозначит своё возвращение.

Большие влажные глаза его будут излучать доверчивость, горбатая же длинная морда - трогательную умиротворённость. А между тем - лось останется для всех лесных обитателей гордым предводителем: с огромными ветвистыми рогами, мощным загривком и своей глубинной тайной.

Глядя на него, ты непременно почувствуешь: касаться его жёсткой шерсти вовсе необязательно. Гладить холодные узловатые ноги и упругую грудь, ощущать его твердые лопатки тоже будет ни к чему. Достаточно твоего нахождения рядом, и Легконогий правильно сделает, если при этом отвернётся.

На плече его ты увидишь запёкшийся от пули шрам, и вздыбившийся бугром рваный волчий укус. А лось плавно поведёт свисающей под шеей бородою, прислушается и чутко прядёт ушами. Пушистые ресницы его отчего-то мелко задрожат, он их опустит и умиротворённо вздохнёт.

И тебя окончательно околдует простота жизни зверя. То, что тайны леса для него обычны, и он сталкивается с ними каждодневно, продляя их собой.

И зайцы, и барсуки, и рыси воспринимают величественного лося спокойно. Они гомозятся тут же по своим делам, а лось видит их заботы, слушает издаваемые лесные звуки и молчит. Он словно ждёт от них чего-то, но не поймёт, чего именно. А что может дать ему вечно мятущийся, не понимающий себя человек?!

Всё это уместается в одном твоём взгляде на великолепного животного, до которого ты втайне желаешь дотянуться, и почему-то не делаешь этого.

Третьим неожиданно возникал на взгорке волк...

Он поднимал лобастую голову и долго глядел куда-то мимо тебя. Легкий ветерок еле ворошил шерсть на его загривке. Втягивая всем своим существом одному ему знакомые вести, волк словно прислушивался к чему-то, что

составляло простирающуюся вокруг него бесконечность: движение облаков, шум сосен и елей, трогательную тишину и упруго надрывающие её рябчики, неожиданно скрывающиеся в лесной чаще.

Волк чувствовал себя совершенно свободным посреди этого дикого существования. Это было видно по его глазам - холодным, спокойным. Глазам, которые не умели считать время, а только бесконечно изливали его. В этом заключалась суть волчьей жизни, всё это было его домом, и другого он не знал никогда.

Волк был наименее покорен тебе среди всех зверей, но наиболее дорог. Такой непредсказуемый и неуловимый, он как никто ощущался тобой, и именно его ты хотел видеть всегда рядом. Когда это происходило, ты чувствовал, что волк понимает все твои мысли, и его это не настораживает. Он будто погружался в сон рядом с тобой, и выглядел как-то по-домашнему, будто это не хищный зверь, а звериный детёныш.

Волк был подтянутый и крепкий, густая шерсть на его широкой груди копошилась чистым серым волосом. От заливки до пят - внимание и опыт, он, в тоже время, подкупал еле угадываемым доверием, что проявлял к тебе. А ещё - необыкновенной выносливостью, храбростью и силой, неведомой человеку. Волк был так прост и прекрасен, что всё это можно было не заметить за своей надоевшей человеческой правдой.

Оказываясь рядом, волк словно проживал вместе с тобой твои не совсем весёлые мысли, но не тревожился и не уходил никуда, видимо, полагая их для себя безопасными. Словно всё, что нужно было зверю, он уже прожил с запасом, а теперь замер на время, всё же не теряя желания жить, и быть преданным человеку.

Стоя на утопанной опушке, волк изредка поджимал под себя хвост, но не из-за боязливости, а от скрытого добродушия, если это можно было так назвать. Схватывая губами хрупкий снег, он отрешённо замирал, и непонятно было: вслушивается ли волк опять в холодное завывание ветра в верхушках деревьев, шуршание сухой позёмки по мерзлomu насту, или его изощрённое чутье скользит где-то рядом, ни на чём конкретном не задерживаясь. Но уже через мгновение не ведающий покоя зверь вновь оживал, и сердце твоё начинало учащённо биться, а кровь, кажется, застывала в жилах от его проникновенного взгляда.

Ты, конечно, знал, что волк не выманивает сейчас у судьбы подаяния, и пришёл он к тебе по доброй воле. Ты вызвал его из зимнего забытья, извлёк своей любовью из заснеженного глухого леса, потому что он был тебе нужен. И назвал волка - Светлолобым.

Казалось, все звери видели тебя и понимали в созданной тобою сказке. Они вели себя незаметно: никак не выказывая свою лесную глубину и силу, как бы даже мягко отступали, боясь, наверное, уstrasшить, или даже -

наскучить. Только их тёмный, звериный взгляд из-за разлапистых ветвей продолжал не отпускать, приковывал.

И тогда ты опять не мог постичь своего сладостного умопомрачения: зачем так упорно стремился к общению со зверьми? Чего ты хотел этим добиться?!

Вступая в их неведомый мир, ты никогда бы не стал там нужен, всё это устремление было напрасным. В глазах зверей виделось лишь презрение ко всему, что мог привнести с собой в мир леса человек, и ещё - недоступная ему свобода. На сердце вдруг становилось как-то отрешённо и одиноко.

Но не долго, только до тех пор, пока в выстуженном небе не появлялся одинокий ястреб, жаждущий крови, недоступный и гордый. Молчаливым назвать его было трудно: там, в вышине, он оглашал округу пронзительным клёкотом, отчего не казался таким равнодушным. Стоило, наверное, заглянуть в его глаза, но не отпрянуть, а обрести ту горделивую лёгкость, вернее – проникновенную ясность видения, с которой он давно свыкся, между тем, не переставая ей наслаждаться.

Ястреб был последним, к кому потянулось твоё сердце. Плавно кружа над еловыми гривами, он медленно уменьшался, становясь невесомой точкой в недостижимой выси. Должно быть, ястреб успел разглядеть в тебе незваного гостя и, охладев, гордо взмыл в недоступное для человека пространство. Вознёсся, наслаждаясь собственной свободой и презрев ограниченность человека. На какой-то миг тебе вдруг стало себя жаль.

Всей душой ты тогда воззвал к свободолюбивой птице, обращаясь и к небу, а успокоившись, только следил за тем, как ястреб величественно накручивает круг за кругом. Даже, кажется, различал выбившиеся из его крыльев перья, одновременно постигая безвозвратную утрату в себе прекрасной звериной силы. И ещё ты понимал, что заболеваешь полётом, и уже не мыслишь себя без высокого неба.

Дай Бог, думал ты, чтобы ястреб разглядел твою счастливую зависть и, не опускаясь, поманил за собой в ошеломительность небесного раздолья. Чтобы неведомая сила приподняла тебя над лесом, и ты уже не отдавал отчёта в своих чувствах: все они сливались бы во всепоглощающее переживание дикой свободы, которую можно было ощутить только вот таким тревожащим сердце зимним днём, превратившись в легкокрылого и недосягаемого ястреба по имени Гордый.

Если бы птица примостилась на твоём плече, тебе бы не было легче. И взгляд бы её не стал при этом доступным: он всё так же стекленел недостижимой гордостью и волей.

Ястреб манил к себе своим полётом, заражал им, вынуждая замахнуться на что-то небывалое, и тебе оставалось только взмывать с ним в своих мечтах. И ещё очень хотелось, чтобы Гордый чувствовал тебя и не покидал, навсегда оставаясь верным небесным братом, благодаря которому бы ты обрёл невидимые крылья.

Так хотелось думать. Хотелось верить, что в созданной тобою сказке таится правда, и все звери будут беззаветно преданы тебе, без всякого надрыва или какого-нибудь ущерба для себя. Что ты им дорог так же, как и они тебе, и вас ничто не сможет разъединить.

А лес вокруг молчал равнодушно и величаво, не замечая ничего. Никогда не умирающий в себе, он безмолвно замер, чтобы стеречь судьбу зверей и птиц от человека, осмелившегося сделать её своей.

ВОЕВОДА ЗИМЫ РУССКОЙ

Всю зиму летает над просторами заснеженной России её царь - Дед Мороз, на своих чудесных белошёрстных конях. Не существует такой деревни, поля или лесной чащи, какие не были овеяны его невидимым присутствием. Дед Мороз везде и нигде, он есть белая суть зимы, сам снег, мятежная морозная даль и безудержный стылый ветер. Всякий знает Деда Мороза, но никто его не видел и не ведаёт, где находится трон зимнего царя.

Каждый год властитель зимы прилетает к нам из своей далёкой и вечно холодной страны для собственного утешения. Всласть ему, истосковавшемуся без дела, пронестись снежным вихрем над замершей землёй, смешав свет с тьмою. Его премудрость и таинственная власть ни у кого не вызывают сомнений. Обескуражив всех своим появлением, он с восторженной радостью пожинает народное почтение.

Идёт Дед Мороз по лесным тропам, и сказочным становится лес. К утру зажжённые Дедом Морозом звёзды покрываются тусклой позолотой, и с высоты божьих небес срываются одна за другой. Дрогнет при этом сердце: неужели сам Господь сдувает их оттуда? А Дед Мороз только подправляет звёзды волшебным посохом, чтобы не закатились далеко.

С добрым настроением обходит Дед Мороз свои владения, следит за тем, чтобы исправно заносили метели пути-дороги. Даже его ледяное сердце не может не дрогнуть от немой красоты запушённых снегом верхушек сосен и елей, скованных синим льдом озёр и рек. Не устоит оно, наверное, и перед расписанной узорами пронзительной небесной вышиной. Гулко отдаётся гордое сердце Деда Мороза трескучим морозом в глуби разудалой русской зимы.

Даже разгорячённое своей игрой солнце не в силах растопить мёрзлое дыхание Деда Мороза, окладистая борода его искрится чарующими блестками и ослепительным инеем. Чародейка зима стелет ему дорогу белоснежными коврами, по ним Дед Мороз шагает целыми вёрстами.

Забравшись на самое высокое дерево, глядит свысока, везде ли установились зимний порядок и тишина. Всё ему в эту пору подвластно, и другого такого владыки во всей земле русской не отыщешь.

Задумает Мороз ледяной мост выстроить - лютые метели и стужа ему верное подспорье. Захочет сковать шумные воды реки - беспрекословно подчиняются они ему. Весело, но не беззаботно скачет Мороз на своих

белоснежных конях по ельничкам и берёзовым рощам, по заснеженным берегам и деревенькам.

По лесам и полям с самого начала зимы слышатся его северные песни: в них - родное для русского сердца раздолье. Но как бы крепко не трещал мороз, кровь от него только горит: не страшны ей его прикосновения. А старик-шутник ещё злей от такого неповиновения становится: заплутавшего мужика у ворот сторожит, и другим стоять не велит.

И всё же не враждебен человеку разудалый хозяин зимы. Чаще всего Дед Мороз уступает тому, кто этого заслужил, и может умиловить, отпуская с Богом на все четыре стороны. А сам, отправляясь дальше в свой снежный путь, напоминает всем, что только зимой мир людей виден в настоящем свете.

Любит ещё Дед Мороз похвастать своим царским убранством, но не корысти ради, а от переполняющих его душу добрых чувств... Ни с того ни с сего затеет он свою казну несметную пересыпать из рукавицы в рукавицу, так что засияет всё вокруг в алмазах и серебре! Блеск их соткёт волшебное одеяние зиме, и та царицей войдёт в открывшийся ей дом людей, зверей и птиц, и всех в нём согреет и приголубит.

Доволен всем этим Дед Мороз необыкновенно: на бледных губах его играет сдержанная улыбка, длинные ресницы и борода запущены белой бахромой, густые брови - словно отливающие золотом соболя. Стоит и радуется старик от сотворённого им праздника света, участия ко всему живому! Дай Бог, чтобы не застудил никому сердца сверкающий иней его неподражаемого богатства!

Восхищённые чарующим блеском этого волшебства, птицы радостно слетают с верхушек елей, и вновь взвиваются к ним. Заслонившись рукой от ослепительного зимнего солнца, пристально вглядывается Дед Мороз в их беззаботную игру, и будто успокаивается сердцем. Они тоже часть его бесценных даров, освещающих собой неприкосновенную зимнюю сказку.

Нет в мире прелестней её, что рождается в зимней лесной тиши, полной таинственных чудес. Сказка эта подобна околдовывающим снам из детства, какие посылает нам только Дед Мороз...

Самые волшебные сказания и образы в русском народе связаны с именем Деда Мороза. Кому-то он виделся богатырём-кузнецом, что сковывает воду калёными морозами. А для кого-то выросал неведомой силой из зимнего солнца и ветра, угрожая насмерть застудить встретившегося ему на пути человека. Доброхоты же рисовали в своём воображении Мороза незлобивым дедом, живущим в ледяной избушке и одаривающим всякого пришедшего к нему. Для такого Мороза на Рождество выставляли кашу за окно, и звали её отведать, приговаривая: «Мороз, Мороз! Зимой приходи, а летом не ходи, под гнилой колодой лежи, нашего хлеба не морозь: ни гороху, ни овса, ни доброго жита!»

Но, вопреки чаяниям людей, Дед Мороз приходил к ним иногда бессердечным старичком низенького роста, с длинной седой бородой и колючими глазками, стуком своего посошка вызывающего трескучие морозы. От удара Мороза по углу избы, якобы, даже раскалывалось бревно, и это выглядело самой жестокой его проделкой. Незащищённому человеку легко было разувериться в нём и опасть душой в эту студёную пору.

Или объявится вдруг Мороз грозным дядькою, куницами да лисицами обвешанный, чёрными соболями подпоясанный, на свою палицу точёную опирается, и речи небывалые для всех молвит: «Пришел я к вам с далекой, неведомой стороны, где славен своею властью и силою. Волшебный шатёр в той стране до самых небес возвышается, белым бархатом устеленный. Целый год в нём чёрная ночь с белым светом венчаются, золотыми кольцами обмениваются. Я их драгоценным своим перстнем вещаю, да свадьбою невиданной веселю. Всякий меня там знает и поклоняется!»

Иной же раз по улицам, впрыскав, проходит молодец ладный, будто только что из-под Божьего благословения вышедший. Обличьем своим - красавец писанный, да такой пригожий, каким дитя малое в заутреню рождественскую пробуждается: ключевой водой живою умытый, и тонким белым полотенцем осушенный. Ноги его резвые в сапоги алые обуты, фигуру платье опрятное украшает.

Идёт он молодецкой поступью по деревне, и никуда не заглядывает, а всякому чудится, будто он у него в гостях побывал! Дивятся люди доброму молодцу, на улицу гурьбою вываливают, не ведая поначалу, кого им ласковым словом величать!

В зиму захудалую Мороз вдруг попиком неприглядным объявится. То и дело кланяется кому-то, к Божьей церкви поворачивается. Из одной руки в другую крест оловянный маленький перекладывает, да всё молитву свою искусную творит, на судьбину горькую жалуется.

Народу от него в такой год проку мало: как бы самим на все четыре стороны не пойти. Закрывают они двери на засовы, Богу, их оставившему, поклоняются: за какие грехи на них такая напасть неминуемая? Детям от этого заблудшего дяденьки подарков не жди, а ведь им без сказок, что мухам без браги.

Наградой после такого поповского «чуда» мог быть только ясный младенец, от светлой зари морозной над землею воспаривший. Кудри его чистым серебром из-под красной ермолки в три ряда завиваются, лучистые глаза скатным жемчугом обжигают. Люди меж собой в радостном изумлении вопрошают: «Как того отрока по имени-отчеству зовут, и не светел ли месяц к нам на землю спустился?» Или так: «Кто такое прелестное дитя породил, и кто спеленал эту ясную звёздочку?»

Дитя же то крестьянам неразумным, за лихолетье долгое в себе и Боге разуверившимся, отвечает: «Батюшка мой, православные братья, ни кто иной, как повелитель снегов и морозов, всевышний ледяной владыка всего земного царства. Породила меня на свет божий маменька-зима, а спеленали

родные нянюшки - метели и бури. Бабушка-пурга над моей головою сказки волшебные читала, душу выпестовала: рос я в заботе и ласке!»

Люди от речей только что народившегося Мороза сами лицом светлели, и в мыслях его прославляли. По душе им были отороченные его кудреватым серебром замершие березы и красное золото зимнего солнца, уютно расположившегося за дальним лесом.

Рано поутру поднимался молодой Морозец, резво пробегался по дворам и крышам домов. Звонким колокольчиком отовсюду сыпался его смех, а он ещё более подзадоривал: «Вставайте, люди добрые! Беритесь поскорее за святую работу, недолго уже ждать Рождества Христова!» И люди слышали его весёлую озабоченность, и шли под зарю искать своего Бога.

Кликали они его под самый Новый год, здоровья крепкого желали, со скорыми рождественскими вечерами друг друга поздравляли. Верили, что Бог их не оставит, и даст всякому того, чего он желает. Кому куниц, лисиц да зайку - белу горностаюшку, кому - добрый двор всем боярам на зависть, а кому - доченьку-паву. От доброго зерна, что всегда жило в народе, рождался в нём, наконец, образ могущественного в своём добре и силе Деда Мороза, сродни самому Богу.

Дед Мороз выходил высокий и статный, с окладистой снежной бородой и запутавшимися в ней живыми звёздами, румяное лицо излучает бодрость и здоровье, а в глубоких глазах плывут синие облака. На плечах его добрая шуба, что переливается жаркой краснотой восходящего январского солнца, рукава её оторочены горностаевым чистым мехом в блёстках. Могучие руки укутаны в пуховые рукавицы и сжимают хрустальный посох с ледяным петухом, а сахарная улыбка на устах источает мёд благолепных речей, что обращены ко всему живому. В облике Деда Мороза чувствуется ладная строгость и удаль, нет и налёта какой-либо печали.

За Дедом Морозом идут чудесные звери с золотыми рогами. Склонивши головы, олени подчиняются его жесту, слову и малейшим дуновениям его скрытого дыхания. Взрослые красавцы самцы, и прелестные девушки-лани. Из какой неведомой страны привёл их с собой Мороз на радость себе и людям, что, только изредка взглядывая на них в своей зимней жизни, сложили про зверей сказочные предания и легенды?

Все животные испытывали к Деду Морозу трепетную привязанность. Предоставляя себя в услужение ему, они уже были не просто звери, а его помощники. Дед Мороз выводил их потом к людям, чтобы они помогали им. Когда же люди не понимали их устремлений, животные молили о пощаде, вызывая в человеке сострадание.

Такой зверь становился впоследствии родственником человека, а человек, убивший его, обращался зверем. Один мир помогал другому выстоять, и между ними возникала дружба. Воспитанные Дедом Морозом, животные своим прикосновением превращали предметы в драгоценности, и иногда дарили их тем, кто не угасал душой.

Когда-то давно звери научились быть преданными Деду Морозу, и стали любимыми им, но не потеряли своей свободы. Они только приобрели ещё большую волю, хотя им по-прежнему хотелось служить величественному царю, выполняя любые его повеления. Не оставляя владыку ни на миг, они могли жить своей таинственной жизнью, выпивая сладостный сок укромных лесных дней и ночей.

Птицы охраняли покой Деда Мороза, и будили его только приятными сообщениями о зимних превращениях леса. Или - о божественной силе его величества, приносящей в жизнь чудесные изменения. Всё, что бы ни поведали они своему царю, радовало его необъятную душу, и он вновь засыпал ненадолго, и птицы навевали ему воздушные сны. Может быть, они являли ему тайну собственной небесной жизни, зацепившуюся холодающими искорками на их махоньких крыльях.

Воробьи, снегири и свиристели ничего не ели, пока Дед Мороз почивал, но как только он отходил от недолгих сновидений - улетали чем-либо поживиться. Они порхали по лесным опушкам, весело осыпая на снег семена, а Дед Мороз радовался, давая им порезвиться, сам душой ледяной отмякая за их неугомонными заботами. Птицы много значили для него, и потому он любил их безмерно.

Мог Дед Мороз с их помощью на любого живущего навеять ледяной сон, но не решался посылать на это своих крохотных любимцев. Птицы были его вдохновением, и, наделённые им неиссякаемым жизненным духом, оставались для людей в глубине зимы провозвестниками здоровья и благополучия. Всевышним повелением своего правителя, они хранили для них в зимнюю стужу надежду и добро.

Ближе к весне Дед Мороз отпускал всех послуживших ему птиц на волю. По взмаху широких рукавов его шубы они вылетали оттуда морозными блестками, и вокруг становилось светлым-светло. Благодаря Деду Морозу птицы воплощали собой на земле, особенно зимой, живое тепло, и люди верили, что души после смерти принимают их облик: синицы, снегиря или свиристея. А может быть, душа человека лишь подхватывалась птицей, выпущенной на свет Дедом Морозом, и уносилась с ней в божественное царство.

Дед Мороз — бог зимы, её вечный и нетленный властитель, обладающий неограниченными возможностями. Кого-то он мог застудить насмерть, а кого-то отпускал с божьими молитвами и любовью. Всё зависело от самого человека: как он относился к себе и людям в окружении зимы, на что надеялся, чем жил. Больше всего Мороз любил позабавиться над нерешительностью человека, желая узнать его суть и склонность к какому-либо делу.

Видя, что человеческий дух не замерзает, Дед Мороз ещё более расхаживал, про всё на свете забывал и в пляс пускался: поберегись, мол,

русский мужик, древний хозяин зимы идёт, сейчас настоящая потеха будет! Как тут удержаться от зажигательного душевного порыва, не выйти лицом к лицу к владыке зимы, чтобы помериться с ним своей молодецкой силой да себя показать!

Где уж тут про холод вспоминать, про мытарства и беды великие, что душу нескончаемо одолевают! Бросишь свои печали горевать, махнёшь на всё рукой и айда, позабыв обо всём, удалю с Морозом мериться. А дух так и захватывает от переполняющего волнения, сердечко трепетно ёкает: в силах ли сдюжить предложенную Морозом игру, не слукавит ли старей?!

А мороз никого не щадит, только ещё пуще забавляется. В своей далёкой стране вечных льдов он давно по зиме скучал и, изрядно истосковавшись по ней, что было сил, свирепствует. Трудно сладить с ним в самом разгаре зимы.

Зато дышится в мороз вольно, а на щёки ложится печать его красоты - алые розы. Они пышут с мороза здоровьем, и на прикосновение губ отвечают благородной прохладой. Ароматен их быстротечный запах, сладостен влажный вкус.

Роскошь - ощущать на себе их краткое великолепие. В них - свежесть посеребрённой зимы, её самобытная краса. Зимние цветы - это русская смесь скованной на время душевной широты и открытой безропотности.

Блещет от мороза голубоватый лед на укатанной санями дороге, каждый шаг отчетливо отдаётся не только в ушах, но и в душе. Легкий парок клубится изо рта и повисает в сверкающем воздухе. Шапки, волосы, брови людей красивы в седом ореоле зимы - Дед Мороз постарался на славу!

В мороз, кажется, более пристально глядит с неба ясный месяц. Он уже показал свой золотой рог, и словно улыбается от содеянного им волшебства. Так светла и прекрасна развернувшаяся по заснеженной земле картина, что в удовлетворении рисует для всего живого Дед Мороз!

Изрядно замёрзшие люди резво спешат по своим домам, и их приподнятые меховые воротники выдают в них разбуженную морозом бодрость. Будто на цыпочках двигаются они вдоль поблескивающих желтизной фонарей: вот-вот взлетят в морозное небо, чтобы слиться там с торжественной и восторженной немотой звёздного неба. Нет вокруг никакой суеты, только зимняя сказка и захватывающая дух звёздная бесконечность.

Но не заоблачным небожителем был владыка зимы, каждый год он исправно сходил к народу, узнавая все тайны его жизни. Так он летал по разным странам, и везде учил людей своей правде. И, конечно, бывал он, наверное, на далёких звездах. Кому, как ни ему, было судить о единственно верном смысле жизни, наставляя людей на праведный путь? Для кого он своих сказок только не сказывал, и кто их забудет?!

Без Деда Мороза нельзя представить себе подарки зимы. Никого не хочет разочаровывать могущественный воевода: разговаривает с животными и людьми, благословляет в домах пищу и напитки, а ещё - новорождённых. Каждого готов он огорошить непредсказуемыми дарами, и даже если для

кого-то Дед Мороз порождён фантазией северных жителей, он - божество, необходимое людям. «За нашим амбаром, - приговаривают они, - стоит дед с барабаном, кто его не видит - к тому счастье не идёт!»

Радостной утехой для людей было умение Деда Мороза расписывать повсюду узоры. «Без рук, без ног, да ещё рисует!» - с восхищенным недоумением делились они друг с другом. При свете солнца узоры на окнах сияют жемчугами и начинают казаться драгоценными, а ближе к ночи, когда взбирается на небо круторогий месяц, они навевают глубокий покой и дивную сказку. На что только не сподобится славный Дед Мороз!

В самую стужу, Дед Мороз обдувает молодой лёд инеем, и к утру на нём появляются белоснежные цветы. В объятиях Мороза они застывают, постепенно складываясь в виде ледяных лепестков в причудливые бутоны. Радую глаза людей, тянутся к зимнему солнцу волшебные цветы Деда Мороза, вырастают куст за кустом, и не видать конца его очаровательным сюрпризам!

Но не всегда, бывает, хорош Дед Мороз. Недостойно, в беззаботности проживая год за годом, люди уготавливают себе однажды суровую зиму. В этом причина её жестокости и страшных холодов, когда чуть ли не пляской приходится отогреваться от них. Дед Мороз тогда становится сам не свой, и может учинить злую шутку с каждым.

Ему будто нездоровится в такую зиму. Вырубив изо льда дубинку, он неприкаянно бродит меж домов, и колотит ею по углам. А то, подстерегая путников у закраины дорог, возьмётся поджидать проезжающие сани, вскочит им на задки и расщепит полозья. Так и стережёт посреди полночного поля воз за возом, обращая путников в снежные столбы.

С каждым днём растёт его неприкаянность, и он всё чаще тянется потаёнными овражками к человеческому жилью. Подобравшись к какому-либо дому, обернётся леденящим туманом, смешавшись с дымком, завьётся в печную трубу да заморозит всех. Хозяева ему в пояс кланяются, чтобы он норов свой на милость сменил, а Мороз в ответ только юродствует: ещё, мол, не так холодами околдую и метелями закручу, не дожидаться вам конца зимы!

Человека, обратившего в такую худую пору свой интерес к лесу, Дед Мороз отдавал на откуп лесовикам, чтобы те стерегли его душу, время от времени запутывая и уводя в чащу. А то и сам затиснет в глухой чапыжник: выбирайся, мужик, как знаешь! Куда девалась его младенческая душа, с какой он раздавал под Новый год подарки?! На что променял Дед Мороз своё великодушие и доброжелательность?!

И собирают тогда люди самого удалого храбреца на поиски хрустальной горы, что находится в далекой ледяной стране Деда Мороза. В горе той заключена власть над жизнью и смертью, она зорко охраняется его слугами. Бесчисленное количество залов тянется один за другим, и в них так тихо, что даже вьюги не намечают туда снега, а мерцание недостижимых звезд не проникает сквозь толстые ледяные стены.

Лишь непреклонный свет северного сияния просачивается сквозь хрустальную гору и безжизненно освещает её изнутри. Но не морозит Дед Мороз достойного, а пропускает в свои владения и, в назидание другим, чтобы они не угасали душой в суровую пору, наделяет знанием, чтобы он перенёс его в мир разуверившихся людей. Так Дед Мороз помогает им достойно сложить свою жизнь до весны. Благослови, Господи, достояние и русской зимы, и её верховного воеводы!

СНЕГУРОЧКА

Снегурочка... Воображение рисует какое-то волшебное существо, присущее именно зимнему лесу. Уже не девочка, но ещё и не женщина, это милое создание вызывает непременно желание улыбнуться, когда узнаёшь о её существовании, и ты забываешь обо всём. Видение чего-то необычного целиком захватывает всё твоё восприятие, но не сразу выразишь то, что приходит на ум. Что-то необыкновенно проникновенное и тёплое касается тебя, несмотря на то, что вокруг – зима.

Зима установилась, за снегами проезду нет, а её девичий облик чист и ясен: белее снегу белого её ласковый лик. Нечто ещё более нежное, чем неприкосновенная белизна холста и лебяжий пух, снежное самородное серебро, хранящее в себе трогательную тайну. Чего она ни коснётся – всё её красит, и даже то, что казалось до этого неприметным – ей к лицу!

Зимнею природой писано её лицо, но такое тонкое и трепетное. Вся его свежесть – небесное ликование: в нём – и несказанная любовь, и удивительно доброе разумение, и вкрадчивое постижение непростых жизненных истин, не дающихся даже человеку, и ласковая хвала окружающему миру, несмотря на то, что он весь заснежен. Как передать чудесный дух, заключённый в этой сказочной девочке, на самом деле, вроде бы, не существующей, но в которую хочется верить?!

Если чудной Снегурочке дано видеть себя со стороны, то ничто её смущать, конечно, не может: она – сама чистота и нежность. А ведь как хрупка при этом, ибо сотворена из снега, и именно поэтому должно быть ценит жизнь, в любой момент готовая её потерять. Каждого оделяет своим душевным добром, но где в таком легковесном теле находится душа? Кто наделил её этой удивительно трогательной, но верной энергией, способной согреть, и, конечно, отдать себя целиком?!

Представляешь себе Снегурочку, и тебя начинает смущать собственная бесчувственность при её невесомом существовании. Кажется, что она всего лишь - милое снежное дитя, а как хороша своей обаятельной мудростью и простотой, только в сказке, наверное, и способная всех радовать, никого не обижая. Да, Снегурочка – необыкновенное чудо, и не хочется думать, что весной её не станет.

Жила ни на кого непохожая и чуткая краса, заигрывая с белочками и зайчиками, привечала своим неведомым теплом трепетных птиц, оживляющих зиму, улыбалась скупым январским и февральским зорям, и вот

– её нет. Но как чудесны и легки воспоминания о ней, сравнимые лишь с лёгкой и чудесной весной! Память – доброе свойство души, способной хранить в себе самое дорогое, а разве недорого русскому человеку родная Снегурочка?!

Не зря в народных сказках издавна существует её образ, олицетворяющий посреди зимы именно нежность. Людям в эту суровую пору недоставало такого трогательного существа, о котором можно было проявлять заботу, и неслучайно одинокие старик со старушкой скатали себе из снега доченьку, назвав её Снегуркой, а она ожила и принесла в их дом радость.

Правда, весной Снегурочка тает, и старик со старухой опять остаются одни. Как они ни прятали свою доченьку от солнечных лучей, но всё же не уберегли её от обычного земного огня. Ослушалась Снегурочка стариков, и отправилась с подружками на праздник Ивана Купалы в лес, вместе со всеми решила прыгнуть через костёр – и растворилась в воздухе. Но память о доброй девочке из снега осталась в умах людей, каждый год они ждут её прихода с Дедом Морозом, и ничего, что девочка – ледяная: сердце её переполнено любовью и теплом ко всему живому.

Эта трогательная теплота, наверное, главное, что отличает Снегурочку, и мы любим её в морозную зиму за трепетное обаяние, что она в себе несёт. Так и видится, как в морозный весёлый час идёт между людей задушевная сказочная красавица, слепленная из чистого белого снега, и дарит им сердечную улыбку. Улыбка её – будто свежий ветерок над землёю пробегает: повсюду воцаряется ароматная прохлада и радость. Свежесть, что излучает Снегурочка, сродни живому роднику посреди зимы, и он будто очищает воздух и сердца, наполняя их необыкновенной бодростью.

От лёгкого морозца лицо свежеет, а сердце в груди счастливо переворачивается: вокруг – чистая сказка! И всё это неописуемое обаяние привносит в уснувшую природу хрупкое создание, сотворённое среди белой зимы: Снегурочка! Люди всегда чтили её на Руси, и называли белой лебедушкой и сизокрылой голубкою.

Что и говорить: под стать своему батюшке Деду Морозу его пригожая дочка Снегурочка. Краше её нет никого на белом свете. По устеленной снегом земле идёт – что заря алая занимается. В лес волшебный вступает, всякий зверь или птица к ней тянется. Ну, а как меж людьми хороводы водить – лучше её никто не ведаёт! Царица и королева она в одном лице для каждого, кто не представляет себе русскую зиму без доброго веселья и хрустальной мечты.

Батюшка Мороз свою дочку крепче преданных ему метелей да холодов любит, от злого глаза небесной тьмы пристально бережёт. «Свет-очами» и «Снежинкой» про себя дочурку любимую величает, лисиц и волков стеречь её зовёт. «Вам-то, братья мои лесные, молодницу красную, лебедушку, оберегать надлежит и заботу над ней нежную творить. Чтоб не угасли прежде

времени её глазки ясные, не увяли губки яхонтовые. За ту службу верную одарю я лес богатствами несметными, от которых ему стоять радостно будет ещё веки вечные!»

Снегурочка за то ещё больше отца родного привечает: всегда до трогательности кротка и послушна. Дед Мороз через посланников своих пернатых ей гостинцы царские шлёт: то необыкновенной красоты шёлковый платочек праздничный, то серебряный перстенёк. А более всего желает ей владыка молодого здоровья да красы ненаглядной. Пьёт она, по его повелению, из волшебной чаши зимы мёд янтарный и чистый на благословление всех людей и Господа!

Всякого в зимнем лесу касаются забота и очарование Снегурочки. Крохотных птах, что застудились в лютый холод, обогревает она своим трепетным дыханием. Расшалившихся не на шутку зайцев унимает ласковым предостережением. Юркие белки не отстают от неё ни на шаг, вызывая на губах добрую улыбку: их она одаривает драгоценными орешками.

Громогласный клёкот застывает у ворона в горле, когда Снегурочка, окружённая зверями, проходит по лесу. Никто не остаётся к ней равнодушным. Даже в воздухе воцаряется такая тишина, что, кажется, у самой зимы замирает дыхание: ни жива, ни мертва хозяйка лесов и полей от переживания за это юное чудо.

Короток отпущенный Снегурочке век, и оттого не успевает она состариться. Рождённая из снега, она только им живёт, и о другой судьбе не мечтает. Снеговой водой умывается, на снежной перине в зимние ночи почивает. Звёздное небо с вытканными на нём звёздами ей за покрывало, метели да вьюги - няньки сердобольные. Когда они колыбельную Снегурочке напевают, люди про себя только о хорошем думают.

К ним Снегурочка под праздники с открытым сердцем обращается: настроение одним своим присутствием поднимает, о душе, что в долгую зиму успела отчаяться, заботится. Как снег бела и чиста она в помыслах, румяна весельем. Детей медовыми пряниками да красными яблочками угощает, старших дружный хоровод водить зовёт. Взявшись меж собой за руки, люди от всего худого скоро избавляются, за всё доброе её благодарят.

Сдержанно и мило несёт Снегурочка через всю зиму свою сказку. Жизнь в ней катится волшебными салазками по жемчугам и золоту, молодцы с девицами встречаются там пригожие да весёлые. Кому эта сказка достанется, тому неминуемо сбудется жить богато, ходить молодцом!

Сама же Снегурочка после Рождества всё больше в лес глядит, хотя и норовит меж людьми подольше остаться. Хочется ей ещё немножко людского веселья и радости попытать, с горочек покататься, в снежки поиграть: больно охоча она до всякой забавы.

Но людям свои заботы творить приходится, и Снегурочка возвращается в ледяную избу батюшки до самой Масленицы. Только на пороге весны покажется она всем ещё раз, чтобы заронить в сердца людей, птиц и зверей трепетное воспоминание о себе до будущей зимы.

Потом самая прекрасная «Снежинка» зимы уснёт заколдованной царевной. Серебряный дворец отца-воеводы будет сон её охранять, пока солнечные лучи не растопят его стены. И тогда Снегурочка превратится в нежное облачко, и тихо поплывёт над землёй, незаметно осеняя всех и каждого своей недолговечной любовью и лаской.

ПОД СЕНЬЮ НАШЕГО ДЕТСТВА

Думая о зиме, нельзя не упомянуть и такое чудо, как новогодний праздник с жарко дышащей хвоей ёлкой, украшенной гирляндами разноцветных лампочек и игрушками, с Дедом Морозом и Снегурочкой, с повизгивающими на морозе вёрткими салазками и стремительными коньками, с искрящейся от радости зимней сказкой. Совсем недавно появившись на свет, ты словно рождаешься заново, потому, что именно в детстве каждый день происходят огромные перемены. И каждый день ты становишься новым, тебе уже никогда не быть прежним, а радость существования заключена в том, что жизнь дарит волшебные ключики к её тайнам, и если ты по-настоящему любишь эту жизнь, то она открывает перед тобой путь ко всем секретам. И тогда ты - настоящий царь, обладающий и радостью, и любовью, и свободой, готовый парить в небесах: что ещё может подарить тебе этот чудесный мир! И разве можно желать чего-то большего?!

Ёлка... Не раз уж я писал об этом новогоднем чуде, и как оно близко именно детству, и вот когда вспоминаю о нём, об этом самом зимнем волшебстве, то всегда думаю о детстве, а уж потом о новогодней ёлке, что растёт себе спокойно в лесу, усыпанная серебристым воздушным снегом, и даже не помышляет, как через каких-нибудь пять-шесть часов окажется в городской квартире, наполнив её скрытой от людей тайной. В чём она?

Дети хорошо представляют себе эту сказочную тайну! Для них она не только в конфетах и мандаринах, подвешенных на веточках загадочного дерева. И не в разноцветных лампочках, попеременно подмигивающих им зелёными, синими и жёлтыми огоньками, кажущимися на ёлочке какими-то особенными. Даже - не в подарках, разложенных взрослыми накануне праздника, у её подножия, а в том, что чудесное дерево, растущее в лесу, вот прямо сейчас находится у них дома.

Быть может, совсем недавно, вокруг этой ёлки водили под луной свои хороводы милые зайцы! Ёлка радуется детей своим ароматом, тотчас уносящим их в таинственный ночной лес, и тогда уже живое воображение детей переносит зайцев под украшенную ёлку, в уютную городскую квартиру. И дети, конечно, искренне верят в происходящие в жизни сказочные перемены, ещё больше любят зиму, и с нетерпением заглядывают в замороженные окна, ожидая прихода Деда Мороза.

Казалось бы, всем давно известное, и потому чаще всего неприметное в обычное время, даже - наскучившее, к тому же - с такими колючими иголками дерево, под Новый год вдруг обретает в своём лице скрытое до сего мига обаяние, начиная излучать его повсюду. И тогда гостиная

наполняется чудесами, превращая самые обычные предметы - в неподражаемо прекрасные, и даже старый потёртый шкаф с бабушкиным фарфоровым сервизом начинает, как будто, приплясывать, залихватски подбоченившись, исподтишка подмигивает тебе, а часы в углу вторят ему более оживлённым, не наскучившим, как обычно, звучанием.

Да и вся комната принимается от радости ходить ходуном, люстра на потолке чуть покачиваясь, отбрасывает на стены весёлые отблески, тяжёлые бордовые портьеры на окнах стараются не отставать от всеобщего праздничного оживления и принимаются еле заметно колыхаться, будто форточка от ветра отворилась, и они от этого сразу воспрянули, пробудившись. Во всей домашней обстановке, действительно, воцаряется настоящий праздник, и всё это - из-за присутствия маленькой пахучей ёлочки. Не чудо ли?!

Кажется, каждый год ожидают дети новогоднюю ёлку, хорошо известную им и любимую, но потом, когда новогодний праздник минует, надолго забывают о ней. А как придёт опять зима, и они увидят ёлку, занесённую в комнату с мороза, колкую и холодную, вроде бы, совсем не живую, то вновь вдруг открывают для себя, как она им желанна. Дети с радостью узнают свою старую знакомую!

Пока они пускали в весеннем ручейке свои хрупкие кораблики, летом, в гостях у бабушки, ловили в деревенском пруду юрких пескарей, а осенью собирали в парке золотые букеты красивых кленовых листьев, ёлочка росла где-то в потаённой лесной чаще, и никто о ней не вспоминал... И вот, теперь, ёлка вновь заглянула к ним в гости, и дети застыли в очарованном оцепенении. Как они могли забыть про эту лесную красавицу, что так же, как и в прошлом году, вмиг захватила их сердце?

Драгоценное дерево вновь с ними, готово спокойно и щедро дарить свою лесную душу, не прося ничего взамен. И это несмотря на то, что вскоре оно окажется уже никому ненужным, почти осыпавшимся, очутившись в сугробе, под дворовым забором. Но пока этого не произошло, ёлка любима детьми, они понимают её сокровенную тайну, и лелеют каждый день нахождения возле неё.

Жизнь так устроена, что всё в ней нужно понимать, в том числе - и разукрашенное под Новый год лесное дерево! Оно, вы не поверите, ждёт этого, иначе, зачем вы привезли его в свой дом? Но, к сожалению, только детям суждено разгадать его хвойную ароматную суть.

Весёлый новогодний праздник без ёлки, без этого замечательного пахучего торжества, не праздник, и кому это лучше знать, как ни детям. Они принимают ёлку всей душой сразу после того, как её переносят через порог дома, внимательно наблюдают, как ёлку устанавливают в углу комнаты на заранее приготовленную папой деревянную крестовину, и потом, вместе с родителями, наряжают её, развешивая на пахучих ветвях разноцветные бусы, золотые орехи и фонарики. Ёлка все эти украшения великодушно принимает, будто берёт на память, неся в себе и тихонько переживая, а дети каждый

праздничный день радуются её присутствию, ощущая даже ночью, когда волшебное дерево неслышно обнимает их своим душистым облаком, будто убаюкивая, и они, улыбаясь, счастливо засыпают в его чудесном еловом раю.

Когда комната притихает в ночной предновогодней темноте, и, еле ощутимо покручивая шарами, укромно дышит в углу невидимая, но сильно угадываемая ёлка, к тебе вдруг приходят забытые детские образы. И тогда сладкая печаль околдовывает твоё сердце, и на душу ложится удивительная примирённость с ушедшими годами и уже никогда невозвратимым детством, со всем, что приносит с собой наша сказочная зима.

Из далёкого далека вспоминаются девочка и мальчик, что решили убежать из дому и жить совсем одни, в глухом конце старого парка. Девочке было интересно всё, что говорил и делал этот мальчик, и она сразу согласилась, когда он предложил ей бежать с ним. У неё не было оснований не доверять ему, потому как мальчик никогда никого не задира, не ябедничал и не жаловался, да к тому же был большим выдумщиком. Из всех мальчишек ей нравилось играть только с ним.

- Спорим, нас здесь никто не найдёт и будут думать, что мы похищены, - заявил он тогда торжественно ей, с восхищением оглядывая их будущее жилище – снежный дом в глубинах заброшенного парка.

- А бабушка? Она будет волноваться, наверное? – заметила осторожно девочка. – И папа тоже... Мы даже не попрощались с родителями.

- Не думаю, чтобы наша затея пришлась им по вкусу, - уже «спускаясь на землю», серьёзно подытожил мальчишка. – А как было бы хорошо пожить здесь неделю-другую!

- Да, пожалуй, - робко отвечала девочка. – Только чем бы тут занимались всё это время?

- Скучать бы нам не пришлось, - убеждённо загорался опять малыш. – Нет на свете ничего лучше вот такой жизни на собственный лад: ни родителей тебе, ни их поучений.

Этот мальчишка был неисправим, и он очень желал чего-то необыкновенного. При этом он так славно улыбался, а глаза его излучали неудержимые огоньки.

- Мне интересно будет всё это увидеть, - соглашалась она. – Жаль только, что сейчас не лето, а то бы можно было бегать босиком, наблюдать, как растут деревья и распускается зелень. Летом тепло и нет простуды.

- Не беда, что сейчас зима, - говорил мальчишка. – На деревья приятно смотреть в любую погоду, даже когда они укутаны снегом. Он всегда такой светлый, и от него можно больше увидеть вокруг. Скажешь, нет?

Девочка радостно кивала ему в ответ.

- Значит, останемся здесь? – Глаза его опять лучились весёлой небесной синевой.

- Если и вправду тебе этого хочется.

- Подожди, и тебе захочется, как только узнаешь своё счастье! – смешно беспокоился мальчишка. – Никакой тебе суеты и заботы, незачем подниматься рано поутру и идти в садик, валяйся до обеда, сколько душе влезет, руки не надо мыть и никто не одёргивает тебя за столом, так что не поговоришь никогда. Смело делай то, что вздумается, чем не жизнь! И ещё вокруг такая белая зима...

Девочке и в самом деле эта жизнь начинала представляться необычной. Зима и снежный дом в конце парка не казались ей уже холодными и неуютными. Лето, наполненное свежим воздухом и светом, улетело куда-то далеко-далеко, а перед ними расстилались только снежные, туманные дали.

- Смотри, что покажу, - неожиданно тронул её за рукав мальчик, и протянул на ладони что-то гладкое и прозрачное.

- Ледяшка-а, - разочарованно заметила она.

- Леденец это! – с сожалеющей укоризной торжествуяще воскликнул он. – Сладкий. Хочешь кусочек?

Девочка отрицательно помотала головой.

- Может, ты их любишь, только сама не знаешь, - сказал мальчик, облизывая порядочный кусок.

- Я люблю бисквиты, и ещё - фигурный мармелад... Грецкие орехи вот тоже очень вкусные. Да много всего, - немного подумав, мечтательно улыбнулась она. - Сразу не перечесать.

- Смотри, не забудь что-нибудь самое вкусное.

- Ой, снег пошёл, снег пошёл! - радостно закричала она, увидев, как в воздухе закружились пушистые охапки снежного конфетти.

И действительно, на улице валил мягкий снежок, пахло яблоками, и было тепло. А в их ледяном домике с совершенно гладкими стенами и маленьким круглым окошком было неуютно и холодно. Девочке не хотелось покидать родителей навсегда: вот если бы ненадолго... Ей вдруг стало грустно.

- Я хочу есть, - немного погодя сообщила она.

- Пей компот, - произнёс многозначительно мальчишка, придвинув к ней большую синюю ледышку.

- Это ... не компот, - опустив голову, проговорила она.

- А что же это такое?!

- Всё равно, я не хочу такой компот.

- Тогда ешь печенье. – И он сунул в её руку застывшую яблоневую хворостинку.

Плотно сжав губы, девочка трогательно посмотрела на мальчика. Она изо всех сил старалась не расплакаться, но слёзы уже навернулись у неё на глаза.

- Когда ты будешь есть, тогда и я, - еле слышно проговорила она.

Мальчишка пожал плечами.

- Что же, мы больше уже никогда не вернёмся домой? - чуть сдерживая себя, тихо спросила она.

- Конечно, нет. Мы будем...

Но, взглянув на свою подружку, мальчик понял, что случится через минуту, если они тотчас не отправятся домой. Достав платок, он помог утереть ей слёзы и высморкаться.

- Тебе здесь совсем не нравится?

Девочка только всхлипнула.

- А хотелось тебе хоть раз уехать или уйти далеко-далеко?

- Куда?!

- Ну-у, куда-нибудь, - опять заволновался он. - В неведомые края, в чуждадельные страны...

- Не знаю...

Мальчик ничего не сказал. Постояв немного, он взял свою подружку за руку, и они побрели по узкой, вытопанной в глубоком снегу дорожке, а укутанные снегом деревья молчаливо сомкнули свои мохнатые ветви над их головами.

Изредка улыбаясь друг другу, они ещё долго бродили по высоченным сугробам, вытапывая следы неведомых животных, и ему всё время приходилось завязывать ей длинный красный шарфик, который постоянно развязывался под воротничком её потёртой шубки.

Румяные и свежие, как сказочные гномы с рождественской ёлки, прибежали они домой.

- А ну, пострелята, живо раздеваться, - встречая их у порога, ласково приговаривала бабушка. - Ух ты, снегурочка, насквозь промокла. Где ж это вас носило?

- Он хотел, чтобы мы совсем-совсем убежали и жили без вас.

Бабушка присела на табуретку, и, положив руки с маленьким шарфиком на колени, посмотрела с интересом на мальчика.

- И что же было дальше?

- Нечего сейчас об этом, - пробормотал он.

- Я нисколько сначала не боялась, - расстёгивая крючки на шубке, продолжала девочка. - Было так интересно, и домой ни чуточку не хотелось. Но потом мне стало страшно, и я заплакала.

- Ты не заплакала, - сказал мальчик.

- Ещё чуть-чуть, и я бы разревелась, наверное. А он взял меня за руку и сказал: «Покажи свою солнечную сторону, а грустную спрячь». Я всё равно знала, что мы когда-нибудь вернёмся. Правда?!

Мальчик, молча, кивнул.

Бабушка посмотрела на него, а потом тихо сказала:

- Послушай, малыш. Обещай мне одну вещь.

- Какую, ба?

- Когда ты вырастешь, и будешь уже большим и самостоятельным, ты никогда не обманешь никого. То есть, я хотела сказать ... женщину, которая будет с тобой.

- Обещаю.

- Фу, я готова, - стащив, наконец, мокрый ботик, пыхтя, проговорила девочка.

- Ну, вот и хорошо, - сказала бабушка. - Поухаживай-ка пока за дамой, мой дорогой, а я пойду, и кое-что приготовлю для вас.

Когда им надоело швыряться подушками, они ещё играли в такую игру, когда нужно постараться загнать в лунки сразу несколько шаров, а потом, удобно устроившись на старом мягком диване, разглядывали отцовские книжки из большого картонного ящика в кладовке. Особенно - толстую, с занятыми рисунками и приятно пахнущую пожелтевшей бумагой книгу про одного кита, который был совсем белый, а звали этого кита - Моби Дик. Это уж потом мальчик прочитал, а тогда они только картинками любовались.

Прижавшись лбами к холодному стеклу, они долго глядели сквозь намёрзшие на нём узоры во двор, на перелетающих птиц, пока не начинало холодить в висках кровь. Звуки с улицы, словно крохотные хрустальные молоточки, еле доносились до слуха, и таяли в снеговом обрамлении зимы. Через тёмно-синие гладкие проталины, что оставались ото лба, носа и щёк, в комнату втекал ласковый зимний свет. Отпечатки же маленьких воздетых ладоней быстро утончались по бокам и леденели.

Там, за окном, морозная душа зимы неслышно витала в своих неудержимых и таинственных мечтах, восторженно вспыхивая искрящимися блёстками. И снег был увлечён только собой: кажется, он не замечал, как делает живыми деревья, улицы, дома... Печальный и задумчивый, опускался он с небес, и обнимал всех своей белой любовью.

Мальчику очень хотелось поцеловать эту девочку, но он никак не мог собраться с духом. А когда решился, то услышал рядом голос бабушки: «Ишь, пострел, везде успел! От горшка два вершка, а без проказ не оставишь и на час! - И уже улыбаясь: - Яблоко моей яблони». В своём старом потёртом фартуке, толстая и уютная, она сгребла их в охапку большими тёплыми руками, принесла в чистую кухню, и дала по куску сочного яблочного пирога. В меркнувшем свете зимнего дня они слушали её очередную историю.

Вечером, когда весь дом спал, мальчик лежал в своей кровати и глядел, как переливаются в темноте ёлочные игрушки. Тонкие прозрачные шары, словно диковинные южные плоды, тихо покачиваясь на ветвях, манили своей свежестью и сказочностью форм. Густота елового облака дурманила и обволакивала с ног до головы. В нём можно было парить, как в заветной мечте.

Игрушки загадочно посверкивали, отчего начинало казаться, что стеклянная скрипка издаёт мелодичное звучание без скрипача, а тускло-оранжевое окошко одинокого лесного домика мигает в мягкой синеве сгущающихся зимних сумерек, отчего в душе воцарялся покой. Его дарили обыкновенные ёлочные игрушки, что в темноте становились волшебными.

Уже засыпая, мальчик решил, что обязательно подарит завтра девочке своего любимца - тряпичного медведя с плюшевыми лапами и ушами. Ему хотелось, чтобы медведь был первым, кого она увидит в резком зимнем свете рождественского утра, обрамлённого пухом белоснежного инея, густо настывшего на окнах. Как и все, обласканный щедрым благословением зимы, мальчик верил в то, что когда-нибудь можно будет изъездить страну сказок взад и вперёд...

Зима из далёкого детства, несмотря на свой холод, до сих пор не перестаёт будить твоё воображение. В ней так же, как и летом, и весной, хочется мечтать, переживая все радости жизни. Зима лишь затаилась и по-прежнему ждёт внимательного прикосновения к себе детей, что всегда были самыми желанными её гостями.

Только в детстве просыпаешься утром от счастья, и весь предновогодний день оказывается заколдованным царством, в котором непередаваемо хорошо и радостно быть, и хочется, чтобы он никогда не кончился. Счастью не мешают даже морозы, что к Рождеству становятся ещё крепче, отчего деревья за окном изредка постреливают, даже - трещат, но в доме тепло, в углу гостиной ярко сияет нарядная ёлка, и предощущение скорого праздника непередаваемо чудесно. Скоро ли и на самом деле настанет вечер?

От незнания - чем бы заняться, ходишь из одной комнаты в другую, подолгу смотришь в замороженные оконные стёкла, но там ничего не видно, и уже не в силах куда-либо себя деть - заглядываешь на кухню, где бабушка стряпает пироги, выставляя их потом «доходить» на своей кровати, в спальней, укрывая накрахмаленными полотенцами. Вот-вот должны прийти гости, а пока в доме только слышен размеренный бой часов, вечер же, кажется, не торопится наступать, и сиреневые сумерки будто замерли над заснеженной землёй, не желая превращаться в долгожданную новогоднюю темноту, что принесёт много радости и подарки.

«Ах, как всё хорошо вокруг устроено, - тихонечко произносишь ты про себя. - И всё стало бы ещё прекрасней, если бы мне сегодня преподнесли футбольный мяч и лыжи!» И тут в прихожей раздаётся звонок, и мы с сестрёнкой устремляемся в коридор, где в растворённую дверь, вместе с клубами морозного пара, вваливается ... Дед Мороз! Как такое возможно?!

Поначалу немножко оробев, мы оба замираем, не в силах поверить в происходящее, но Дед Мороз как будто нас не замечает. На нём - долгополая красная шуба с белоснежными отворотами, подпоясанная золотым кушаком, такая же красная, вся в серебристых блёстках шапка, а за спиной, перекинутый через плечо, виднеется внушительных размеров мешок, весь усыпанный искромётными снежинками. Видно, как Деду Морозу нелегко удерживать этот сказочный мешок на себе, он даже немножко согнулся под его тяжестью.

Мы, конечно, сразу догадываемся - что в нём находится, только виду не подаём, потому что опешили на время от происходящего. Уж больно неожиданно появился этот волшебный старик, про которого, в течение всего года, и думать забудешь. А он возьмёт и объявится вот так, неизвестно откуда, да ещё с подарками, и постепенно ты всё-таки придёшь в себя, и обрадуешься. В морозных узорах, за окнами, наконец-то, затеплился долгожданный праздничный свет, и на небе, в восторге от всего этого торжества, заиграли разноцветные звёзды!

Новый год опять пожаловал в гости к детям, и вместе с ним - чудесное настроение и незабываемые игры! Мы с сестрой приготовили для гостей свой подарок - театральное представление, но это - потом, сейчас всё наше внимание устремлено к сказочному Деду Морозу, которого можно даже потрогать. Он склонился над нами с ласковой улыбкой, и я осторожно коснулся рукой его колючей белой бороды. «Неужели она настоящая?» - промелькнуло в голове. А Дед Мороз вкрадчиво спрашивает: «Это здесь проживают мальчик Боря и девочка Лёля?»

Какое-то очаровывающее оцепенение нападает на нас с сестрёнкой, и мы слова не можем произнести. Бабушка, почтительно обращаясь к дорогому гостю, будто предупреждая его следующий вопрос, очень учтиво произносит: «Весь год, дорогой дедушка, ребятки старались, вели себя исправно». И дедушка, в мгновение становящийся для нас, действительно, дорогим и желанным, снимает свой волшебный мешок с плеча, варежки на его руках тоже алые, отороченные белым мехом, и вынимает кудрявую красавицу-куклу, альбом с коробкой цветных карандашей, и ... футбольный мяч! А ещё - маленькие снегурки, загадочный калейдоскоп и пластилин. Как тут не удивиться и не воскликнуть от несказанной радости: уф!

Чудо новогоднего праздника несравнимо ни с чем. Это, конечно, можно почувствовать только в детстве, тем более, когда над тобой склоняется с праздничным приношением сам Дед Мороз, и воображаемая, до сей поры, сказка оборачивается восхитительной былью. Правда, быль эта тоже сказочная, даже - волшебная, но всего этого, разумеется, не осознаёшь в пять-шесть лет, зато очень остро чувствуешь и переживаешь.

Только какая-то безудержная внутренняя чистота, присущая детству, поможет тебе, наверное, сохранить всё это счастливое переживание до зрелого возраста. Вот бы так случилось!

Да только в детстве об этом не помышляешь: ведь скоро новогодняя ёлка зажжёт все свои чудесные огни, и на верхушке её торжественно возгорится главная праздничная звезда! Произойдёт, наконец, что-то удивительное, то, без чего не случается ни Новый год, ни Рождество, и всё это чудесное таинство ещё будет жить с тобой долго, может быть, до самой весны...

А Дед Мороз улыбается нам с сестрёнкой сквозь седые усы, глаза его искрятся каким-то внутренним здоровым светом, и мы просим его, чтобы он

погостил ещё немножко, и посмотрел нашу кукольную постановку. К всеобщей радости - Дедушка Мороз соглашается!

Как потом выяснилось - «Дедом Морозом» оказался наш папа. Он переоделся у соседей в праздничный наряд, и потом уже появился у нас с мешком подарков. Но это никоим образом не утеряло произведённого им впечатления. Наоборот, мы с Лёлей гордились папой, способного перевоплотиться в сказочного старика, и когда он им стал - мы верили, что так оно и есть, и забывали, что Дед Мороз - это папа, воспринимая его за хозяина далёкой северной страны вечных ветров и льда, где, между тем, живёт добро. Добро с радостью и в нашем доме: скоро - Новый год!

Никакой детский праздник не длится так пышно и радостно, как новогодний. Пышно, быть может, не совсем верное слово, но иначе ничего не приходит на ум. Ощущение того, что за окном ветер и мороз, а ты можешь погреться у праздничного огня, ни с чем несравнимо.

Уютно и хорошо бывает душе в эти незабываемые новогодние дни, когда, кажется, с небес само божество. Как самый ценный подарок зимы осеняет оно людей, и между ними появляется любовь. Зима более, чем какое-либо другое время года, располагает к этому: так у неё заведено.

Новогодний праздник - самый любимый у детей, и его невозможно представить без сказки. Попадая в неё, ты начинаешь верить в происходящее, замирая от счастья. Уже тогда, в детстве, ты умел чувствовать окружающую тебя жизнь, и безошибочно угадывал в ней всё доброе. Сказки были ближе всего твоему восприятию, с ними тебе было легче познать самого себя. Иногда казалось, что взрослые этого не понимают, может быть, только догадываются...

Одна бабушка никогда не вызывала сомнений - она всегда находилась рядом, и несла такую же радость, что и зима. Не раз слышанные сказки в её устах становились ещё более необыкновенными, как название самой любимой - «Конёк-горбунок». Так славно и сладко никто из взрослых его не произносил, и звёздный мир, к которому бесстрашно взлетала маленькая лошадка, казался ещё лучезарней и родней. Про себя твёрдо верилось, что этот мир недоступен для страха и жалких обид.

Поздним вечером хорошо было ощущать бабушкино присутствие, когда она ложилась рядом с тобой и вкрадчивым шёпотом отворяла дверцу в неведомую тайну. Всё увиденное за день тогда отступало, в душе воцарялись удивительный покой и тихая радость. Как будто сказочная луна заглядывала к тебе в окно, и вместе с тобой чему-то улыбалась. В новогодние дни даже она выглядела праздничной, и это было очень приятно.

С утра в доме обычно начиналась радостная суета. Перед долгожданным торжеством настроение у всех было приподнятое, праздничное. Бабушка чистила столовое серебро и открывала свои старинные сундуки, откуда

вытекал запах нафталина. Он приятно щекотал воображение, и как будто напоминал о чём-то знакомом, отчего ещё больше хотелось любить бабушку.

Иногда бабушка давала заглянуть внутрь сундука, и темнота неведомого дна становилась ещё более привлекательной. Пересматривая кое-какие вещи, бабушка раскладывала их на диване, и после долгого лежания они казались совсем новыми. Она почти никогда ничего из них не надевала, только разглядывала, а потом опять аккуратно складывала и запирала до будущего года.

После полудня по всему дому начинало жарко пахнуть ванилью и куличами. Сытный дух от них также приятно бередил воображение, пробуждая желанный аппетит. К вечеру на бабушкиной постели уже лежали, отдыхая под чистыми полотенцами, душистые пироги и печенье.

Играя во что-то своё, конечно, незаменимое и очень важное, можно было без конца сладостно утопать в этом предпраздничном ощущении, и с трепетом ожидать, когда все усядутся за стол. Сердечное простодушие детства тогда приобретало ещё более очарованный лик, но его скрывали под диковинные костюмы и маски. Наряжая ими себя, ты будто бы избавлялся от чар, что насылала в эти дни нечистая сила. Всю неделю после Рождества рыскала она по улицам, терзая и увлекая с собой встречаемых людей, а маски отпугивали её.

Так говорили взрослые, но от этого почему-то не было страшно, и радовала больше всего сказочность происходящего. Маски лисички или волка, когда ты надевал их на себя, сладко пахли картоном, и сразу вынуждали быть каким-то другим, может быть – таинственным зверем, пришедшим из заснеженного леса на новогодний праздник, и всё окружающее тогда, действительно, становилось похожим на добрую сказку. От этого разукрашенные в пух и прах ребятишки выглядели загадочно, не замечая, с каким умиротворением взирает на них свысока синяя крона ёлки. Скрытый в пушистых ветках ствол источал вокруг благолепный ладан, с мягким удовольствием позвякивали золотые шишки... Прославление же той звезды, что была водружена на самой её вершине, предполагало особое настроение духа, и нужно было ещё дожить до него.

Новогодняя ель в углу комнаты дарила необъяснимо радостное ощущение, что в её хвое можно затеряться. Ёлка притягивала к себе исходящим от неё ароматом, выглядела необыкновенно приподнятой, будто там, в лесу, она всё время оставалась в тени, и лишь здесь, в доме людей, наконец, обрела свою истинную жизнь, радостно засветившись бенгальскими огнями, и, поразив на миг воображение, будто успокаивалась. Было видно, как ей приятно находиться среди детей, на их празднике, и всё это новогоднее торжество представлялось незабываемым.

А за окном сияла тихая луна, и сердце вновь сладко замирало от предощущения этой таинственной морозной темноты. Крадущийся свет неслышно резал рождественский снег на праздничные ломти, украдкой повизгивали где-то санки. Вот пробежал запоздалый прохожий, и весёлый

смех рассыпался из-за угла, а потом опять всё стихло. Только побелевшее лицо зимы заглядывает к тебе в дом и, кажется, ждёт чего-то. Оно совсем близко, и от него хочется на время убежать в тёплую глубину дома, в комнату бабушки.

Накануне празднования Нового года, как всегда, появлялись близкие знакомые и родственники, которые приносили с собой наряды и подарки, и гостили долго – до следующего вечера. А если не пригласишь гостей – нечего и самому куда-либо ходить: ожидай Новый год дома.

Люстра под потолком освещает всю комнату ласковым тёплым светом, ей вторят мигающие на ёлке огоньки, а мы с сестрёнкой сооружаем театральный занавес из составленных в ряд венских стульев. На их спинки навешивается «занавес» - бабушкино цветастое одеяло, а в гостиной, что служит нам «залом для представления», расставлены кресла и табуретки. Мама принесла из детского сада, где она преподавала музыку, несколько кукол - героев русских сказок, которых нужно было одевать на руку и разговаривать за них сказочными голосами, и мы решаем устроить для взрослых спектакль.

Взрослые, обычно, играют в карты, кошка - с мышкой, солнышко - лучами, а дети - в куклы, и в их руках они становятся живыми... Вот и у нас с Лёлей Емеля из сказки «По щучьему велению» выходил совсем не ленивым, а весёлым и находчивым удалцом, и сказка представала в нашем воображении в совершенно ином свете. У детей, известное дело, затейливый ум.

Для гостей заблаговременно приготовлены входные билеты, у входа в гостиную их продаёт сестрёнка, а я слежу за тем, чтобы каждый из зрителей занимал указанное в них место, и если кто-то усаживается не на своё - строго ему замечая: «Будьте так любезны, пересядьте, пожалуйста!» Гости послушно следуют моей просьбе, все проникнуты торжественной обстановкой подступающего праздника, и в благостном настроении замирают на местах в ожидании, когда раскроется занавес. И тут мама усаживается за пианино, наигрывая какую-то весёлую новогоднюю песенку...

А воздух в комнате густеет от запаха хвои, пирогов с конфетами, и мандарин. Потрясённые воцарившейся умиротворённой атмосферой, в душе мы, дети, трепещем от переживаемого новогоднего чуда, с волнением начиная представление. Всякая душа празднику рада, а уж у ребёнка, да ещё под Новый год, тем более, и потому с самым дорогим событием зимы жить необыкновенно хорошо, и на сердце становится покойно и счастливо.

Мы с младшей сестрёнкой любили украшать ёлку, с нетерпением ожидая того волшебного вечера, когда папа заносил её в дом. С растопыренными колючими ветвями, до головокружения пахучая и, казалось, какая-то необъятная, она еле пролезала в дверь, а мы зачарованно

стояли в сторонке, с восторгом наблюдая, как он не спеша устанавливает, кажется, совсем не подходящее для городской квартиры дерево, но такое желанное, родное. Всегда хотелось потрогать её прохладные с мороза ветви, словно здороваясь с ёлочкой.

И вот, ёлка водружена, мы осторожно подходим к ней и замираем, не в силах вымолвить ни слова, а ёлка потихоньку оживает в незнакомой для себя обстановке, и будто улыбается нам сверху, куда ещё предстоит поместить рубиновую красавицу-звезду. Это, конечно, должны осуществить взрослые, мы же, малыши, с нескрываемым чувством восхищения принимаемся украшать ёлку, осторожно вынимая из картонной коробки сказочные игрушки... Чего тут только не было!

Из Германии папа привёз много ёлочных игрушек, так искусно изготовленных, что не верилось, будто припорошенный снегом домик с оранжевыми окошками - стеклянный, скрипка со смычком и струнами - ненастоящая, и совершенно искренне верилось - фантастически раскрашенный фазан, с длинным колким хвостом, вот-вот взлетит свечой над ухоженной ёлкой, а разноцветные колокольчики сами зазвонят на всевозможные мелодичные лады, наполнив комнату волшебным звучанием... Были ещё лимоны с апельсинами - такие аппетитные, что их тотчас хотелось съесть, а огромные бархатистые шары с изображением диковинных плодов неотступно притягивали к себе заключённой в их глубине волшебной тайной. Сказочные гномы в шубках и колпачках, усыпанные искрящимися снежинками, выглядели до того живыми, что чудилось, будто они бредут гуськом по зимнему лесу, уводя тебя в его глубину, где живут неведомой жизнью звери и птицы, на которых никто не охотится, и многим из них ты – добрый друг.

Все игрушки, появляясь на праздничной ёлке раз в год, на две недели, словно ожидали, чтобы их внимательно разглядели и обрадовались такому чудесному присутствию в одном месте зайчиков и факиров, рыбок и гусей, ослепительных плодов и хрустальных сосулек. После чего игрушки, хотя бы ненадолго, почувствовали себя нужными, чтобы потом, завёрнутыми в бумагу, опять погрузиться в воздушный сон, на какой способны только невесомые, хрупкие существа, изредка пробуждаясь и тихонечко переговариваясь между собой в картонной коробке...

Новогодние игрушки, как цветы на лугу: чтобы составить чудесный букет, нужно с чувством развесить их на ёлке, выбирая для каждой свою веточку, подходящую только ей, и тогда ёлочка оживёт, обретя в себе неповторимое внутреннее содержание. На такой ёлке все игрушки представлялись живыми, их постоянно хотелось рассматривать, дотрагиваться до них, а они медленно прокручивались, переливаясь светящимися от огней боками, будто радуясь вместе с детьми и Новому году, и зиме, и возможности подарить радость другим.

Мы с сестрой даже придумали для них сказочную игру, для чего нужно было хорошо запомнить расположение на ёлке игрушек, и когда один

отворачивался - другой закрывал ладонями любую, на выбор, а кто отвернулся, повернувшись, должен был отгадать - что это за игрушка. Побеждал тот, кому удавалось это чаще, после чего игрушки на ёлке перевешивали. Такая незамысловатая игра приносила удовольствие, ты проникался предновогодним настроением, и ёлка, кажется, радовалась вместе с детьми тому, что принимает участие в этом чудесном, самом любимом для них празднике.

Хорошо быть ребёнком и слушать вечерней порой, возле новогодней ёлки, величественное безмолвие зимы. Ты будто купаешься в потоках любви, которую тебе великодушно дарует сказочная зимняя жизнь. И разве можно просить в детстве нечто большее и лучшее, поскольку хватает и того, что есть!

И действительно: первые пять-семь лет - самые важные в жизни ребёнка, и как хорошо в детстве окунуться с головой именно в этот праздник, потому как таких благоприятных возможностей для счастья уже никогда не будет. Только в эти годы ты учишься летать, обретая крылья, для чего не нужна ничья помощь, потому как всё божественное уже даровано тебе: оно живёт в твоём сердце вместе с волшебницей-зимой, чудесными детскими играми и новогодней ёлкой.

Издавна повелось на Руси, что под Новый год в доме без ёлки – не праздник. Древние люди верили, что в ели живёт дух леса - хранитель зверей, птиц и растений. Воздавая почёт этому дереву, украшая его, люди старались умиловить лесной дух. Ещё они видели в ели символ неувядающей жизни, вечной молодости и силы: изба елова - и сердце здорово!

«Ёлка чище метлы дом подметёт!» - сказывали в народе. И верно, аромат засахаренных «карапузиков», жареного миндаля и кекса, смешанный с запахом большой смолистой ели, украшенной гирляндами разноцветных лампочек и игрушек, кружил голову лучше любой, самой увлекательной игры. Шоколадные конфеты в форме сапожков, щелкунчики, гномы в серебристой фольге и прочие сказочные персонажи лишь дополняли это торжество, в котором волшебный дух зимы перемешивался с головокружительными запахами, что нёс с собой новогодний праздник, и увлекал тебя, вместе с еловым облаком, к восторженно взирающему с морозной вышины зимнему небосводу.

Наши детские мечты часто вспыхивали на нём праздничными яркими звёздочками, радостно сверкали, и, кажется, излучали тепло. Словно начищенные снегом, они гостеприимно зазывали следовать за собой, как будто там, в необозримой вышине, находился большой радостный дом для крохотных земных созданий, никогда не устающих фантазировать. Свет от этих звёзд наполнял всю комнату волшебной тишиной.

В самом дальнем от окна углу мерный бой часов никак не нарушал эту умиротворённую тишину. Гостиная была завешана гранатовыми порттьерами,

а пол был покрыт красным ковром, и этот цвет вносил в комнату ещё больше уюта. В комнате было так тепло, а за окнами так морозно, что очутиться на далёкой звезде представлялось делом поистине неподходящим. И всё же ты, не переставая, вглядывался в ночное небо, куда уносило тебя ещё не обременённое ничем чистое воображение.

Несмотря на холод, ты чувствовал себя там, как дома. Удивительная бездонность морозной ночи охватывала с головы до ног и убаюкивала неземным покоем. Сверкание заснеженных крыш внизу удивляло своей доступностью, а блеск звёзд не ослеплял, а только радовал. Закутавшись в одеяло, хотелось лететь между ними маленьким земным гостем, и не чувствовать себя там незнакомцем.

Тем временем ночные тени мягко скользили вдоль стены, теряясь в потаённых складках портьер. Детской забавой казались их новогодние ухищрения, когда они затевали только им понятную игру. Тени таили в себе много замечательных вещей и чудесных предположений, возникающих в эти предпраздничные дни, и никогда не иссякали.

В каждом углу копошилась своя, чуть настораживающая тайна, которую даже не хотелось разгадывать. Достаточно было того, что она живёт рядом с тобой, и почти осятима. Нужно лишь не испугаться и обратить к ней своё внимание: тайна наверняка окажется милым сказочным откровением.

За окошком светит яркий месяц, чуть вздрагивают от холода оранжевые огоньки фонарей. Под ёлкой, словно белый снег, вата лохматая, и в темноте кажется, будто по ней зайцы хоровод водят. Утро всегда приносит под сказочное дерево Деда Мороза со Снегурочкой, а вместе с ним - шишки золотые, отсвечивающие густым янтарём леденцы и мандарины, похожие на китайские фонарики: волшебный сон и явь, что приходят только зимой, в пору детства.

Прилетая на упряжке, увлекаемой четырьмя парами белоснежных коней, Дед Мороз по дороге заберётся вдруг к кому-нибудь в сани - не спасают даже рукавицы и меховые шубы! Развеселившись от собственной удали, он забирается всем под полушубки, пробирая до костей даже самых удалых молодцов, больно щиплет за бока молодых девушек, а ребяташек хватает за нос и уши. Дерёт так, что прямо за душу берёт!

Разукрашенные озорником Морозом, и переполненные восторгом от его игры, дети вбегают возбуждённо в дом, а ёлка тут и обдаст своим душистым теплом! Все снежной изморосью, словно сахарной пудрой, усыпаны, радостно зардевшиеся здоровым румянцем щёки пылают здоровьем, и дети сами становятся похожими на сказочного Деда Мороза, заражая своим весёлым видом родных и близких, и тогда каждого тянет поскорее на улице оказаться, добрую силу зимы на себе испытать.

Но праздничная ёлка уже никого из дому не пускает: верховодит весь вечер своей невидимой хвойной рукой. Каждый за приятными заботами её как будто не замечает, и всё же с затаенной радостью ощущает живое присутствие дорогого для себя дерева. Трудно не почувствовать излучаемый

ёлкой восторг, и кажется, что только волшебному яблочку на ней не расти, да в Новый год и это сбывается. Так всякий думает про себя, надеясь, в скором времени, обрести своё счастье.

А Дед Мороз, пролетая в своей упряжке над человеческим жильём, заглядывает в окошки, и стёкла их тогда покрываются ледяными узорами. Облако ослепительных снежинок тянется за ним по небу нежнейшим шлейфом, оно будто соткано из сверкающих звёзд. Дед Мороз кажется таинственным и недостижимым, и всё же - он свой, дороже его для ребёнка никого не отыскать.

Глаза Деда Мороза сияют холодным блеском и теплотой, от него веет неудержимым порывом и покоем. Он сдержанно улыбается про себя, и кому-то машет рукой. Маленькие дети иногда угадывают сквозь замороженные стёкла окон его лучистый взгляд, и восторженно рассказывают об этом взрослым, подтягивая их за рукава к окнам.

Но взрослые им не верят, и только ласково усмеваются, поглаживая по голове: они уже забыли, что и сами когда-то с нетерпением ждали Деда Мороза под Новый год. И как желали получить от него волшебные подарки, и тоже радовались зиме...

А дети ничего не боялись, и были только тихо очарованы невидимым присутствием Деда Мороза. И ещё они знали, что Дед Мороз обязательно придёт, чтобы порадовать их самым настоящим зимним праздником: с новогодней ёлкой, запахом снега и мандаринов, бесконечными зимними играми. Славный и добрый Дед Мороз всё долгое зимнее время без устали листал перед ними необыкновенную книжку со сказочными картинками.

Но при этом не всегда доверял взрослым, и был с ними холоден, часто подвергая испытаниям. Крался, то и дело, по пятам, передразнивая походку, пугал своим заунывным воём. Дед Мороз отлично умел выставлять напоказ странности и недостатки взрослых, которые они приобрели за свою жизнь, пока успели разувериться в ней. К детям же он благоволил своим величавым почтением и лаской, укрепляя в их маленьких сердцах веру в великую сказку зимы - её непрекращающееся волшебство.

Днём Дед Мороз приглашал детей поиграть на свежавыпавшем снегу, когда он красиво сверкал и искрился на солнце. На нём для всех хватало места, и так приятно пахло свежими яблоками, что трудно было не выбежать на улицу. Там, повсюду, обнажённые деревья и кусты были припорошены искрящимся пушистым снегом, а вместо плодов с них свисали сосульки...

Каждого из малышей, закутанного в шерстяные куртки и шарфы, Дед Мороз наделял крепким поцелуем, от которого розовели здоровьем щёки. С раскрасневшимися задорными лицами барахтались дети целый день в наваленных им за ночь сугробах, и не было предела их веселью!

Верные Деду Морозу снежинки без устали затевали в воздухе неудержимый пляс, подбрасывая на радость ребятишкам больше снега, чтобы те могли на лыжах ходить и на санках кататься, снежные крепости возводить. Сам владыка подбавлял мороза, чтобы по замёрзшим речкам и

прудам пели всю зиму, не переставая, звонкие коньки, весело летели друг в друга снежки. Весь седой, Дед Мороз становился таким же молодым, и при этом напевал свою искрящуюся зимнюю песенку: «Я - Мороз Красный Нос! Выше ёлок и берёз, я добрее всех, веселее всех. Борода моя седа и в снегу ресницы, если я пришёл сюда, будем веселиться. Я на речку ходил, речку я остановил, я в лесу блуждал, снегом ёлки укрывал. Метели выюжные и ветры вам шлют сердечные приветы. Привет вам от берёз и елей, что на морозе поседели. А ещё - от всех лесных птиц и зверей!»

Благодаря Деду Морозу в зимний холод всякий становился молод, но именно для детей с его ласковой улыбки начинался лучший в жизни праздник. В огромном, кованном из серебра и золота сундуке, что хранился в его ледяных хоромах, весь год копились подарки, один другого краше. Когда год заканчивался, Дед Мороз перекладывал подарки в свой волшебный мешок, и приносил ребятам.

Исстари существует в народе поверье, по которому Деду Морозу приписывают его сказочное доброхотство. Объезжая однажды дома в сопровождении своих верных слуг, он будто бы случайно выронил несколько драгоценных камней. Они провалились в печную трубу, и попали в детский чулок, сушившийся у огня. С этого случая повелось вывешивать в праздничную ночь у печки чулки с носочками, и оставлять на подоконнике башмачки, чтобы найти в них под утро подарок.

Но главным его подарком был Новый год. Светят в бархатном небе чистые звёзды, а самая большая, по повелению Деда Мороза, медленно опускается на верхушку ёлки. Красногрудые снегири витают над его головой, беспрестанно перепархивают с плеча на плечо, и неожиданно превращаются в яркие пунцовые шары, весело крутящиеся на ветвях. Раздольно и неописуемо прекрасно устроена Дедом Морозом удивительная сказка зимы!

Дети же не в силах сдержать своей радости: их желания должны вот-вот сбыться. Какие подарки принесёт им Дед Мороз и откуда, будут ли они чудесны, как наступившая рождественская пора, или окажутся уже когда-то виденными? Нет, конечно, этого не должно случиться, и дети знают, что всё будет так, как они мечтали.

Однажды, в облаке морозных грёз и искрящихся дуновений, войдёт к ним в дом этот волшебный старик, и озарит всех добрым, радостным светом. Под ёлкой, непременно, окажется и лошадь-качалка в алых яблоках и с золотой уздой, и тёмно-синяя матроска с белоснежным гюйсом, и бескозырка с шёлковыми ленточками... Ещё воображение живо рисовало маленькое ружьё, свисающую на боку саблю и коробку с красками. До умопомрачения сладко было представлять, что там может находиться кожаный футбольный мяч, коньки и лыжи.

Никто лучше Деда Мороза не мог слепить любимое развлечение малышей - волнистые горки. Санки сначала спустятся, поднимутся и вновь

ухнутая вниз: высота первой горки гораздо круче второй. А если дедушка смастерит горку, похожую на хобот слона, кататься будет ещё веселей!

Забрался на самую вершину, а потом летишь, сломя голову, вниз. Обхватив друг друга руками, можно съехать всем вместе, шумною гурьбой! Сказочные горки леденеют за ночь, и под утро вновь ждут ребят.

Ещё у Деда Мороза хранились волшебные часы, у которых вместо стрелок – хрустальные сосульки. В новогоднюю ночь они издавали мелодичный звон и тикали мягко, неслышно. Весной становилось теплее, и они таяли, а детям оставалась на память их чудесная зимняя песенка.

Если бы взрослые поверили, что Дед Мороз незаметно растворяется среди людей! Прислушиваясь к разговорам и узнавая, что кому нужно, он исполняет их маленькие желания. Нужно только очень сильно ждать его прихода, и надеяться. Особенно по ночам, когда нет рядом никого, кто бы успокоил твоё взбудораженное пришедшей зимой маленькое сердце.

Во сне Дед Мороз всегда представлялся добрым: это можно было определить по его взгляду. Даже не верилось, что он весь соткан из ледящего холода. Деду Морозу хотелось рассказать всё самое дорогое, что ты накопил в душе за целый год, а он только довольно улыбался в ответ. Но при этом тебе начинало казаться, что на самом деле ты ещё ничего толком не видел, и совсем мало знаешь.

Ты был необыкновенно доволен и счастлив от того, что Дед Мороз просто посетил тебя, и ты думал, что лучше этого ничего и быть не может. И ещё ты желал попросить у Деда Мороза маленького конька, желая улететь на нём в неведомые края. Конечно, не насовсем, а только чтобы убедиться, какой замечательной может быть наша зима, когда ты ненадолго оставил её, но всегда можешь вернуться в радушные объятия доброго дедушки Мороза.

Ни с чем не сравнить тот искренний порыв, с каким мы в детстве пытаемся сотворить из зимы чудо. И даже не представляем, что оно уже рядом с нами: снисходит неслышно с высоких небес, устилая собой замершую землю. Создавая из снега сказочные существа, мы даже не замечаем, какие они холодные, согревая своим теплом.

Воплощением радостной мечты были для нас все снеговики и снегурочки, слепленные из первого, самого желанного снега. Казалось, что они сами вырастают под нашими руками, а мы лишь забавляемся неведомо откуда родившимся в себе искусством. Тогда, в детстве, это несколько не удивляло, а только радовало.

Весёлый гомон ребячьих голосов, доносящихся с улицы, должно быть, помогал и взрослым с большим удовольствием воспринимать зимнюю жизнь. Им отчего-то становилось легко на душе, и они обретали в душе доброе настроение. Вот для чего нужен был чистый снег, только что упавший с неба, и сама зима, наполняющая этой чистотой наши души.

И дети, и взрослые достойны были иметь в лице чудесного снега настоящего друга. Забавляющийся с людьми и убажывающий их души, снег

старался никого не разочаровать. Он не переставал обновляться в себе, как бы ни развеивал его временами холодный безудержный ветер.

Долгожданную снежную бабу не уставали лепить и играть с ней всю зиму. А впрочем, хватало и других снежных забав, чтобы зима вызывала умиление, и долго не надоедала.

Всю свою жизнь зима проводила с такими маленькими созданиями, как дети. Иногда она сама была похожа на ребёнка, готовая добродушно рассмеяться и тут же заплакать, а через минуту, забыв обо всём, нестись, сломя голову, с ледяной горки, и кричать что-то необъяснимое, смешное и радостное. В зиме было достаточно и детской простоты, и веры в свою чистую хрустальную судьбу.

Перевалянные в снегу с головы до ног, дети не обращали внимания на протесты родителей, чьи взволнованные голоса умоляли их не резвиться так долго на холодном ветру. Им было до безумия хорошо в обнимку с зимой, и дети не желали ничего знать, пока она их не отпускала. Зима шаловливо увлекала малышей туда, где снег был всего глубже, а значит - теплей.

Если кто-то из детей оступался и падал в снег лицом, он сам становился похож на снежную бабу. Сладкое оцепенение сразу охватывало его лицо, руки и глаза, а в груди всё замирало от ощущения немислимого полёта в какую-то завораживающую на миг студёную бездну. Зима, тем временем, наблюдала: заискрится ли малыш весёлой звёздочкой или же это ледяное прикосновение застигнет его врасплох? Она многое знала про каждого ребёнка, но никак этого не выказывала. Зима ждала, как маленький человек примет её тепло.

Когда бедный носик, ухо или щёчка на глазах белели и казались совершенно отмороженными, зима замирала от нетерпения. Ей очень хотелось видеть на лицах малышей улыбку, чувствуя их непрекращающееся веселье. А ещё больше зима желала испытать любовь детей к себе.

Но, несмотря на холод, они никогда её не боялись, и всегда знали, что всё будет в порядке. И тогда ледяной холод зимы преображался в самое доброжелательное расположение к ребёнку, и она, преисполненная лучших намерений, брала его за руку, и отводила к родному дому.

Слегка поникнув, малыш неохотно ступал за ней, а вокруг яснил морозный звёздный вечер. Насквозь промокшие варежки только приятно горячили руки, и смёрзшиеся ресницы переливались искрящимися огоньками. Сердце у малыша гулко ударялось в груди от того, что зима была похожа на маму, и всё время находилась рядом. Она была заботливой и доброй, укрепляя ребёнка в чём-то важном, что могло ему когда-нибудь пригодиться.

Хорошо было ощущать внимание зимы на себе, и жить всем, что она несла с собой. Зима излучала какой-то особенный свет, которым не обладало никакое другое время года. Иногда она сверкала какой-то большой невиданной звездой, что каждый год зажигалась на небе. А порой это был морозный блеск одной единственной льдинки, освещённой солнцем или

луной. Не замечать ничего необыкновенного в богатом убранстве зимы - значило не чувствовать её тепла.

Проводив по домам малышей, зима тотчас приходила в себя, словно избавляясь от временного забытья. Обращаясь в лютую непогоду, она засыпала белой крупой дорогу под окнами, злою вьюгой билась в каждую дверь, уносясь на крыльях метели в мерцающие небеса. Поднимая туманное облако снежной пыли, зима уже не оставляла за собой ни единого доброго следа, и тогда меркли звёзды и лунный свет, а у теплящейся жизни напрочь перехватывало дыхание.

Но для детей она всё равно оставалась самой близкой и дорогой. Они засыпали в своих тёплых кроватках под любовное завывание вьюги, и с удовольствием вспоминали, как великодушно вела себя с ними матушка-зима.

СЕРДЦЕ ЗИМЫ

Зимой нужно умудриться хоть раз подсмотреть восход солнца, а увидеть это по-настоящему можно только в лесу. Подглядев же восход однажды, непременно будешь околдован его зимним светом и постарайся сделать так, чтобы видеться с ним чаще. А потом захочешь почувствовать его и понять, и тебе, конечно, придётся обратиться к народным поверьям, связанным с именем солнца. Они тоже очаруют тебя своей сказочностью и красотой, и ты откроешь для себя иной мир.

Солнцу всегда дела много: оно и снег сгоняет, и хлеб растит, и цветы раскрывает, и людям пропитание даёт. Ничего не страшно, пока солнце светит и греет. Но и в холодное время от него есть польза: за солнцем следят и определяют по нему приметы зимы.

В неписаном народном дневнике совершенно особыми приметами отмечен день Спиридона-солнцеворота. Это время, когда, по старинному преданию, солнце поворачивает на лето, а зима - на мороз. «После солнцеворота хоть на воробыный скок, да прибудет дня!» - говорил деревенский люд.

Эти же самые наблюдения заставляли его повторять каждый Петров день близкую примету: «С Петра солнце идёт на зиму, а лето - на жару». Солнце с этого дня укорачивало свой ход, а месяц шёл на прибыль. С Иванова же дня, наступающего вскоре за летним поворотом, совершался первый торжественный выезд солнца в далёкий зимний путь: дни с этой поры начинали уменьшаться, а ночи - всё заметнее прибывать.

Выехавшему в зимний путь солнцу предстояло теперь, что ни день, терять свою плодотворную силу и блёкнуть. И вот уже вскоре матушка зима появлялась на земле в своём суровом одеянии, с заметающими сугробами, да трескучими морозами. Нечистые силы, что забирали в свои руки всю власть, затемняли свет драгоценного солнца, вынуждая всё живое хорониться в глухие норы. Неприветливо смотрело на землю небо, всё реже освещаемое солнечными лучами, как будто и само красное солнышко собиралось в эти покорённые зимой угрюмые дни навсегда забыться томительным сном.

Выезжающему же на летний путь солнцу было до лета ещё очень далеко, потому как расстилалась перед его огненным взором бесконечно заснеженная дорога, что, кажется, вела под самое небо, к недостижимо далекому Господу Богу. Пропадала тогда в душе людской надежда на светлые дни, но чарующие алые зори каждое утро умывали солнце прозрачной чистотой, и оттого оно постепенно возрождалось. Правда, пока это была только робкая улыбка живительного света.

По не отжившему ещё до сих пор на Руси поверью, солнце, в предвкушении лета, обстоятельно рядилось в праздничные одежды, убирало свои волосы золотым кокошником и усаживалось в сани, запряжённые лихой тройкой коней. Серебряный, золотой и алмазный - они выворачивали светило к жизни, и чем ретивее погоняло оно своих коней, тем скорее наступал конец наскучивших демонов мрака. Солнце, круто поворачивая с зимы на лето, возрождалось к жизни с новой силой, уже в первые дни своего небесного пути переходя с воробьиного шага на шаг куриный.

Для долгой русской зимы это было немало, и люди всегда отмечали предстоящее солнечное торжество: разжигали по горам и пригоркам жаркие костры, варили чудное пиво, а начиная со Спиридонова дня, откладывали ежедневно по одному полону дров, чтобы накануне Рождества с благоговейною молитвою затопить печь на святой вечер. Ведь жар огня в доме предвещал ещё скорые холода да лютую стужу.

Не зря, по крылатому замечанию старых людей, зима со дня поворота солнца начинала ходить в медвежьей шкуре, стучать по крышам домов и будить по ночам баб-хозяек - топить печи. Если заглядывала она в лес, то непременно осыпала деревья богатой куржевиной; когда же ступала по рекам и озёрам - под следом своим сковывала воду в два аршина.

Но радостно было от холода зимы у человека на душе: её бодрило восходящее по утрам, на востоке, солнце. «Красное солнышко, разожгись! На жаркое лето повернись! Да в дорогу выезжай, зимний холод забывай!» - наговаривал про себя каждый. Весёлая детвора - мал мала меньше, всей гурьбой отправлялась на самую высокую гору и начинала катать с неё колесо - прообраз солнца, которое, наконец, сжигали под радостные возгласы на реке. Чуяла ушлая детвора скорый для себя праздник солнечного света, и по всей Руси приветствовала его.

А солнце ровно слышало забаву малышей, и от их непоседливости само начинало приплясывать своими лучами. Недаром деревенские люди издревле примечали: на Спиридонов день солнышко играет, быть всем дням на Святках ясными. Так солнце весёлым светом освещало грядущую жизнь.

Знали день Спиридона-солнцеворота и животные. По деревням в эту студёную пору часто ходила такая присказка: «Спроси у волка: когда самые сильные холода? Скажет: на солнцеворот». Хоть серому и была зима за обычай, а никто лучше его не ведал о предстоящей непогоде: волк от своей обездоленности зиму на месяц вперёд предугадать мог.

Ещё меж людьми водилось поверье, что на Спиридона-солнцеворота медведь в берлоге на другой бок поворачивается... Будто бы не лежалось ему уже к тому времени, как солнце совершало свой поворот на лето. А медведь, ровно зная, сколько ему зимовать осталось, ненадолго пробуждался, и ещё более сладко засыпал. Представлять это для людей было, наверное, очень приятно, и они оттаивали душой при мысли о тёплом медвежьем убежище. Обаяние сказочного леса тогда входило в их обустроенную зимнюю жизнь, и ещё более её согревало.

Иногда народ олицетворял солнце с собою, придавая ему человеческий образ. Зимой от солнца идут лучи - ноги вниз пучками, к вьюге. Руки солнечные человек одевал в рукавицы, и было такое солнышко к морозу. А если около солнца вдруг появлялись уши - будет очень холодно.

Солнце было многообразно и непредсказуемо, и ему хотелось внимать всю зиму. Порой вокруг него мог возникнуть туманный круг, после чего следовало ожидать продолжительной метели. В редкие дни на небе выступало сразу три солнца - к лютым холодам. А то ещё утренняя заря возьмёт и осыплет мужика золотом - вспыхнет так, что ослепит. Да только будет ли она краше зари вечерней?!

Известно, что первый луч солнца ещё дня не делает. Утренние зимние зори быстро перегорают - к морозу, вечерние - к оттепели, багровые же - к ветрам. Но чаще всего красный закат сулит зимой ведро, правда - иногда с ветром.

Обожествляя пресветлое солнце, приписывая ему замечательные свойства, русский народ величал его самыми ласковыми и отеческими именами. «Солнце - князь, луна - княгиня, - торжественно и непреклонно превозносили его, и тут же добавляли. - Ты - наше перекатное красное солнышко, кормилец и благодетель, радость и надежда». Его называли «золотым хозяином», «наливным сладким яблочком», «красной девушкой», да «родимым батюшкой».

«Солнышко-вёдрышко, выгляни в окошечко!» - кликали солнце во время затянувшегося надолго ненастья. В лютые глухозимье обращались с трогательной ласкою: «Солнечко родненькое, отомкни зимыньку студёную, растопи её, соболюшко». Или ещё так, изрядно истосковавшись в длительной кручине: «Ты заря ль моя, зорюшка, зорюшка вечерняя, солнушко восхожее! Высоко всходило, далеко светило - через лес, через поле, через синее море». А иногда весело, зазывисто: «Солнышко, пеки! Золотеюшко, пеки! Нам на радость пироги!»

Солнце было добрым и многомилостивым, праведным и лицеприятным охранителем всего земного. Ниспосылая тепло и свет, оно являлось, в тоже время, грозным судьёю нечистой силы на земле. Могло солнце осчастливить, но в его власти было и обездолить засухой или какими-либо иными тёмными поветриями.

Не было для солнца ни бедных, ни богатых - всем одинаково раздавало оно свои дары. Самой верной клятвой преданности Богу была такая: «Красна солнышка не взвидеть!»

«Солнышко для всех равно светит, но и ему на всех не угодить», - примечали между собой люди. Издалека оно не только свет, но и теплоту даёт. Хорошо, что не достать его, а то бы кому-то и в темноте пришлось сидеть. Впрочем, кому нет доли, для того и луна не светит.

Одно красно солнце на небе, один царь на Руси. Не было для человека ничего его дороже. «Грело бы красное солнышко, а месяц - как себе знает!» - с почтением молвили всегда в народе. Не прельщало даже богатство: «Что мне золото - светило бы солнышко!»

Без солнышка нельзя было пробыть, как без милого прожить, в особенности зимой. «Все мы растём под красным солнышком», - то ли утвердительно, то ли с какой-то горечью говорили о нём. В долгие зимние сумерки и вечера хорошо было подумать о солнце да помечтать, чтобы оно вошло и над твоим двором.

Какая свеча могла светить против его луча?! Солнце всем здоровье приносило, при нём никакого лекаря не нужно было. Знали люди, что светит оно всегда, даже за тучами, а случившееся в зиму ненастье не бесконечно - проглянет когда-нибудь красное солнышко!

От солнечного света никому не спрятаться: оно всё обнаружит. Солнце осветит даже то, что под снегом сокрыто и луна припрятала. На гору оно зайцем бежит, наверху - зорким соколом любит, а вниз тройкою коней летит: ни за что от него не утаиться!

Воображение людей всегда отводило солнцу особое жилище, куда оно удалялось на отдых после дневных трудов. Оно располагалось на востоке, в стихии зарождающегося живительного света, и было схоже с дивным дворцом, построенным из чистого золота и разноцветных камней. Вокруг дворца рос сад с волшебными яблонями, и все плоды в нём были драгоценными. Распевали в этом саду невиданные жар-птицы.

В самой глубине сада покоилось алмазное ложе, покрытое пурпуром, где и отдыхало красное солнце. Каждое утро садилось оно в свою лучезарную колесницу и, светоносное, полное жизни, выезжало на белых огнедышащих конях ко всему свету. Отдохнувшее, оно было способно озарить его своей великой радостью. И ещё - мудростью: ни одно земное дело без него не обходилось.

«На солнышко, что на смерть, во все глаза человек не взглянет!» - замечали люди меж собой. Когда подсмеивались над чьей-либо излишней осторожностью или неказистостью, лукаво отпускали: «И сокол выше солнца не летает!» Народному простодушию оставалось, махнув рукой, промолвить: «Солнышка в мешок не поймает!» А горькому бобылю приходится кручиниться по неудавшейся доле, как и по недостижимому солнцу: «Солнышко с золотом рядом садится, ловишь его - в карман положить норовишь, а всё, братец ты мой, ни гроша в мешке не шевелится!»

Наученный вековой нуждою, русский крестьянин домочадцев своих всегда наставлял: «Когда солнышко закатилось, новой ковриги не починай: нищета одолеет!» «Отколе ветер на солнцеворот, оттоле будет дышать до Сорока мучеников», - гласило народное поверье. Оно же осмотрительно предостерегало: «Как солнышко зайдёт, не заводи ни с кем спора!» Да всех народных примет о батюшке солнце и не перечесать!

А загадки?! Простонародные, яркие, живые, они немало прославляли досточтимое светило, и как бы заботливо уберегали его. Хорошо было, особенно зимою, внимать им и незлобиво потешаться: «Кто ни взглянет, всяк завянет?» «Не стукнет, не брякнет, ко всякому подойдёт?» «Летом греет, зимой холодит?» А то вот так красиво и сказочно: «Красно яблочко на синей тарелочке катается?» И тут же: «Что на свете всего резвее?»

Заблаговременно радуясь недосыгаемости солнца, знающие люди с затаенным духом загадывали: «Вертится вертушечка, золотая коклюшечка, никто её не достанет: ни царь, ни царица, ни красная девица?» Про неудержимые солнечные лучи говорили: «Барыня на дворе, рукава - в избе?», или: «Чего ни в избе не запрёшь, ни в сундуке не схоронишь?!»

Утреннюю зарю с вечерней, обычно представляли сёстрами, что будили красное солнышко и спать укладывали. От их присутствия ему ещё уютнее жилось. На зорьке вспрыскивали ключевой водою больных - для излечения от тяжких недугов. По цвету зорь гадали не только о погоде, но и о судьбе: и в том и в другом случае слишком яркий, багряный цвет не предвещал добра.

Зимние красавицы зори несли истосковавшимся по теплу людям радость и счастье. «И на нашей улице будет праздник, и над нашей крышею займётся заря!» - с надеждой восклицали они. Долгий зимний день денежку забирал, а холодная заря её опять ковала. Драгоценным золотом осыпала она мужика, если не ленился он её каждодневной работой предварять. «До утренней зари не гляди в окно, - молвила пословица. - Вспыхнула же заря - вставать пора!»

В природе ничего лучше солнца народ не знал, ничего выше солнца на небе не ставил, но в мире духовном ценил он нечто ещё большее - правду. «Правда краше солнца», - говорил русский мужик, и желал, чтобы её лучи так же великодушно освещали русскую землю, как солнце озаряет поднебесье, изгоняя мрак ночи. Верили, что как и от лучей солнца, от правды никуда не укроешься.

Слово «солнце» у многих народов означало одно и то же: небо и свет, первозданный покой и жизнь. Даже в крестьянской избе отделение для женщин называлось «солныш». Солнце оказывалось под стать человеческому сердцу, и было им - сердцем зимы, что светило, спасало и наделяло человека жизнеутверждающей надеждой.

Родное, воспетое в песнях, дарующее силы в благом стремлении к ликующему свету, и ещё прозванное в народе светозарным и сияющим, могучим и животворным, ослепительным сердцем мира, - солнце всегда было почитаемо.

Катится солнышко по небесному кругу и творит на земле чудеса. Без солнца ни весны, ни лета, ни осени не было бы. И даже зимы. «Будет всё - было бы солнце», - говорят в народе.

Солнце вращается вокруг звезд, медленно, в течение всего года, переходя от созвездия к созвездию. Скучно ему, должно быть, или, может быть, солнце, как и человек, любит путешествовать. И тогда, подходя к какой-нибудь звезде, оно радостно освещает её ослепительными лучами, словно обнимает.

При встрече с человеком солнце его тоже обнимает и несёт на своих ласковых лучах. Как это бывает удивительно хорошо! У человека тогда открываются глаза и вырастают крылья.

Если у солнца есть своё лицо, то оно каждый раз меняет выражение. Лицо может быть смущённым, колючим или просто безоблачным. Отчего оно меняет настроение? Что обескураживает его и беспокоит?

Часто солнце подобно самому человеку, что поднимается ранним утром и неумоимо ходит весь день по своим неотложным заботам. Одетое в пурпур и сверкающее алмазами, оно всюду чтимо и ожидаемо. Теплота и свет его глаз как никогда дороги именно зимой.

Целый день солнце полно огня для других. Вселяя в сердца людей надежду, солнце, утомившись за день, возвращается вновь к своему царскому ложу. В ослепительно белом ночном колпаке, в ярко-желтой ночной пижаме засыпает оно, никогда не потухая, и, как и людям, ему, наверное, снятся сны.

Что может быть лучезарней их! Даже невозможно вообразить эту недостижимую ослепительность и сияние, и ещё дремлющие силы, способные испепелить и воскресить. Каково самому солнцу одолевать такую пламенную судьбу, и как не устаёт оно хранить в себе это огнедышащее чрево?! Самоотвержен бесконечный путь солнца во имя всеобщего блага и света, и только зимой ему удастся немножко передохнуть.

Ведь зимнее солнце – это обещание для всех будущей жизни, что таится в нём. Но облака его растворяют, тучи пытаются заслонить от земли своими тёмными боками, а ветер уносит солнечный свет, желая зажечь там, где ему вздумается. Мрак скорой ночи подкрадывается к солнцу, кажется, только благодаря его доверию...

Солнце есть – и его нет, и так продолжается вечно. А человек всегда ждёт от солнца добра, и не устаёт на него надеяться. Душа его, наверное, обретает желание жить благодаря именно солнцу, особенно – зимой, и ещё всему, что несёт с собой необыкновенное зимнее время. В эту умиротворяющую пору, как никогда, хочется строить планы и осуществлять их, бороться за что-то очень важное в своей жизни, в самой глубине зимы, не переставая думать о солнце.

Каждый год летаем мы вокруг солнца и порой не замечаем, какой удивительной бывает окрашенная им зима. «Хоть ненадолго бы выглянуло

солнышко, озарив тоскливый зимний день, и то ладно», - думает про себя отходчивый русский человек. Ему невдомёк, что солнце за ним наблюдает исподтишка всю зиму, и если показывается однажды, то неспроста: норовит оно отчаявшегося человека подбодрить, да недостающей краски в природу добавить. Мол, так истосковавшейся по живому цвету душе легче будет!

А душе от солнечного прикосновения и в самом деле теплее становится. Она будто отмякает от скупого белого света, и даже при малейших розоватых бликах оживляется. Хочется человеческой душе незатейливый короткий день прожить со смыслом.

Ещё только зардеется восток над дымящимися избами, а мужик уже переживает в себе приподнятое настроение: блеск красивой надежды уготовит ему сегодня пока скрытое от него зимнее солнце! И так радостно сделается у мужика на сердце, хорошо, заветно. С нескрываемым восторгом поглядывает он на небо, переделывая свои неотложные утренние заботы. А небо молчаливо наливается многообещающим свёкольным светом, тяжелеет.

И вот, словно брызнуло по небу накопившееся в солнце томление от переполняющего его радостного жара, обагрило небесную твердь пламенным соком. Капли его стекают на заснеженные верхушки деревьев, дома и заборы. Несмотря на неземную красоту, какое-то неясное чувство гнетёт сердце: будто уже не выкатиться солнцу из-за багровых туч, ровно как лопнуло оно от переполнявшей его чудодейственной силы. Но, умывшись нетленной утренней чистотой, солнце всплывает так неожиданно быстро, что ты теряешься в охватившем тебя восхищении от его ухоженности и красоты.

Переболев бурным восходом солнца, трудно уже ожидать от него чего-либо подобного, такого же яркого: солнце постепенно теряет свою красноту и становится розовато-кремовым, неброским. До самого заката суждено ему жить целый день почти никем не замеченным, влияя на всё происходящее в природе. Человек на него даже не взглядывает: катись, хозяйюшко, подбру-поздорову, а у меня своих забот хватает!

Будто обидевшись, солнышко и в самом деле как будто растворяется в скованных зимой небесах. Тонкой ниточкой, еле угадываемым проблеском просачивается оно сквозь облака, на миг опаляет что-то в душе, и вновь притихает.

К вечеру только почувствуешь солнце сердцем, а потом оно и само себя покажет. Выкатившись из-за облаков, усядется удобнее над дальним лесом и, зардевшись довольным светом, удовлетворённо вздохнёт. Словно промолвить хочет: «Перед тем, как окончательно на покой удалиться, я ещё немного людям посвечу, чтобы они мне доброе слово промолвили».

Людам от того опять маленькая зимняя отрада: на солнце перед долгой ночью полюбоваться, да о чём-нибудь хорошем помечтать. Так, глядишь, и день прошёл, а солнце его своим теплом обогрело. В круг свой заветный взяло и никого не отпустило, за то ему добрый поклон и уважение.

В очень морозные дни, поутру, всё вокруг будто пронизано его будоражащим светом. И хотя не разливаются по небу ослепительные алые

отсветы, и не горит восток, чувствует душа, что нарождается за тёмным лесом что-то большое, необычное. Только неуловимая розоватая паутинка опутывает воздух, и всё замирает от мороза. Вот-вот вспыхнет солнце из-за поворота укатанной дороги и поразит!

Ещё несколько шагов совершаешь ты навстречу солнцу, чтобы вострепнуться вместе с ним, пусть не на всю зиму, а на одну зарю, но с каким затаенным желанием! Будто перевернёт оно в тебе всё доселе живущее и не дающее покоя, великодушно озарит и наполнит до краёв. И как бы ты ни ожидал с ним встречи, ни представлял себе его яркого света, ни за что не угадать его истинного лика!

Огромным наливным яблоком, резко очерченным и не дающим вокруг красного цвета, вывалится вдруг солнце из-за горизонта, и остолбенеешь! Как может быть оно таким желаемым и недостижимым?! Как не хватает его этим бесконечным снегам и застывшему лесу, что умер бы, наверное, в сиром забвении зимы без такого солнечного восхождения. Как в сказке взгромождаясь в белесое зимнее небо, солнце всё вокруг наполняет каким-то замечательным и ласковым смыслом.

И сразу отчего-то радость сменяется тихой грустью, когда ярко-красный круг всплывает над лесом и караулит начавшийся день, что рождается и живёт под его неусыпным оком. Сменив свой восторженный кафтан на более спокойные одежды, светило уверенно взирает с неба, и ничто не может от него укрыться. Солнце думает, должно быть, о чём-нибудь далёком и великом, и никак, вроде бы, не может привыкнуть к нашей русской зиме. Оно только в меру освещает её потаённую жизнь.

Порой солнце как будто спохватится и нежно овеет сусальным золотом всё вокруг. Окрасит им синие тени, пушистые ветви ёлок и шишки на них. Шишки от того оденутся в благородный пурпур, станут вдруг игрушечными и родными, как на новогодней ёлке, так что захочется, во что бы то ни стало, ими завладеть.

Эта уютная золотистость оттенит во всём какую-то неприметную ранее новизну, и ты вдруг почувствуешь к солнцу благодарность. За подаренные им чудесные краски, душевное расположение к тебе самой зимы... Золотым покажется само солнце, воскресшее благоуханным светом чудесной зимней сказки, и оно останется навсегда таким в твоём сердце, как бы долго ни завывала потом жгучая метель.

Случается зимой увидеть солнце и с радугой... Оно неизменно содержит в себе все цвета, и в полной мере даёт ими насладиться. Происходит это благодаря мельчайшим кристалликам льда, расположившимся в воздухе вокруг солнца. Выгнувшись над землей, солнечная радуга коромыслом понесёт по ней своё разноцветное тепло, да расплещет у чьих-либо ворот. Ляжет тогда на сердце сладкая отрада.

А ещё зимнее солнце бывает, как слюдяная бумажка. Неярко и ровно расправит свои слегка золотистые края по небу, не претендуя на какую-либо красоту. Оно какое-то плоское, ничего не обещающее. Поблескивает себе

низко над лесом, вроде бы, неловко ему отчего-то, и оно как будто улыбается...

Лукавым его назвать нельзя, но и обыденности в нём немного. Что-то держит оно про себя, а сказать не хочет. Нравится ему порой побыть таким загадочным для неискушённого человека. Кто часто смотрит на солнце, понимает его бесхитростную игру и улыбается в душе. Хорошо и просто становится тогда жить, несмотря на суровую зиму.

Часто солнце как будто умирает, а если и появляется на небе, то лишь неутешительным бельмом. Выходит оно тогда невесело, ненадолго показываясь из-за рваных туч, и опять быстро исчезает. Солнце кажется просто круглым и бездушным, словно жёлтое око невиданной хищной птицы, такой же равнодушной ко всему живому, и немой.

В полях тихо, но ещё тише в лесу. Чем дальше углубляешься в чащу, тем выше кажутся деревья, и ты устремляешь свой взор к их верхушкам, пытаешься разглядеть в редких просветах именно солнце: затянутое серыми облаками, неживое.

Но именно такое солнце чем-то неотступно манит к себе, и ты подолгу вглядываешься в его блёклое мерцание, и ничего не можешь с собой поделать, не в силах понять что-то в собственной душе. Не можешь разобрать и в самом солнце, мутно вззирающем на тебя со своих высот. Невыразительное, то и дело меняющее цвет и очертание, солнце, тем не менее, притягивает и не отвечает, зачем оно это делает.

В самом начале зимы солнце запекается кровью, будто обогрившей снежное крошево пустынных русских дорог. Это волки, сбившиеся в стаи, надкусили ему края...

Увидишь такое солнце, и вспоминаешь зимний лес и тот день, когда натолкнулся на проторенную волками тропу. И страшно, и хорошо тогда становится на душе. Страшно оттого, что может быть пролита кровь людская, сладко на душе от сознания, что не твоя.

Холодок вспыхнувшего на мгновение эгоизма застудит истинное восприятие жизни, а цвет выглянувшего из-за туч солнца вновь его озарит. Спит солнце, в душе всё трепещет, и до умопомрачения охота жить. Идешь ему навстречу через сугробы, и не боишься предстоящей долгой зимы.

Ещё зимнее солнце напоминает иногда на славу испечённый каравай: он окроплён потом крестьян, и обласкан их мозолистыми руками. Жито, взлелеянное сотнями поколений, плод их нелегких чаяний и тревог. Это солнце хочется лелеять в собственных думах, воображая, как оно нарождалось на божий свет.

Ближе к середине зимы наливается такой плод румяной корочкой, хорошеет. Будто сердобольная хозяйка только что достала его из печи, да ещё толком остудиться не дала. Раскрасневшийся от удовольствия каравай разудало выкатился колобком на мороз, и на небо прямиком угодил. Сладко рдеет в вышине крутым бочком - не достать!

Солнце - это память, что входит в душу каждого. Память людей, когда они гляделись в него тысячелетиями, прося защиты и снисхождения. И в поминовении усопшего оно вместе со всеми взгрустнёт, и в свадьбе улыбнётся, не обойдёт и детские забавы. Какой без солнца праздник?!

От Филиппок до Масленицы радует солнце русского человека, как может, и тот ему за это в своём почтении благодарен. В солнце - старинные предания русского народа, его сказания и дела. Солнце - это живая вода его нетленной огненной души.

А иной раз солнце - словно само по себе что-то празднует. Может быть, устоявшуюся зиму, а может, приближение весны. Вместе с морозом они так захороводят, что день весь сверкает! Бесполезно тогда к нему на поклон идти...

Красно солнце своими невидимыми пирогами да пивом. Шутка у него - ряд делу, а ещё и на язык остро, спуску никому не даёт. И так, бывало, разойдётся, только держись! Захмелеешь от одного его прикосновения - и в пляс пойдёшь. Не унять тогда разошедшуюся душу до самой вечерней зари.

В ветреную морозную погоду солнце - что пирог с малиной, приготовленный бабушкой накануне. Схоронённый под узорчатым полотенцем, он разомлел и сделался ещё вкуснее. Ждёт в нетерпении, когда его откроют и примутся нахваливать. С чаем да приятным настроением, пирог этот уж ни за что не позабыть!

Порой солнце охватывает необъяснимое благодушие, и оно растекается по небу на весь день. Радостное, до конца непонятое никем из-за видимой доступности, оно кажется таким разомлевшим и ленивым, что на него даже не обращают внимания.

А солнце пуще того благоденствует... Возьмёт и раскинет свою огненную шубу: полы её завёрнуты кверху, воротник задран и распахнут - всё наружу, в достояние живому и людям. Будто говорит неслышно: «Бери меня, впитывай всей душой, но смотри не обожгись, я – солнце!» В каком бы настроении солнце ни находилось, оно очень часто разговаривает с людьми, особенно – зимой.

Тихо в лесу, сеет мелкий снежок, всё в природе спит. И небо, кажется, спит, но что-то живо: это свет нежно просачивается сквозь низкие облака. Его и нет, и он ощущается. Виновник тому - невидимое и упрямое солнце.

Солнце не хочет уходить от человека, оно рядом, и так и норовит сказать: «Я с тобой. Посмотри на небеса, обрати свой взор к ним - и ты увидишь, как всё вокруг живо. Это только кажется, что зима усыпила деревья, небо и поля: нет, я здесь и никогда тебя не покину.

Я летаю с небес вместе со снежинками и несу тепло. Ты впитывай его, если сможешь, а я постараюсь светить. Я - солнце, и не могу этого не делать. Я умру, если не передам своего тепла земле, и я так радуюсь, когда люди ловят мой свет и ждут его. В такие дни я, как никогда, хочу объять всех.

Я бываю разным, но иногда просто замираю от зимнего холода. И тогда во мне просыпается что-то необыкновенное и живое, и я хочу открыть людям глаза. Я хочу открыть им свет в дальний путь, и я становлюсь белым, как зима.

Пусть туманная пелена порой скрывает моё тёплое отношение, это ничего не изменит. Я и белое, и распахнутое для всех: сквозь меня можно глядеться в дальние миры. Я - как окно в бескрайность: за мной только беспредельное торжество всего сущего.

Я очень старательно соблюдаю очертания, но дальше своих границ расступиться не могу: я окно в другой мир, и этим живу. Дальние миры, я знаю, указывают такие же прекрасные звезды, я же должно насыщать светлым теплом дыхание всего живого здесь. Но я не грущу, и тоже мечтаю о недостижимых далях».

Вслушиваться в душевные излияния солнца человеку приятно, и оно за это никогда не останется у него в долгу. Славное и умное, оно всегда оказывается безмерно щедрым. Не уставая, солнце изливает свои нескончаемые дары: чарующий блеск изумрудов и рубинов, серебряный иней, золотое вино...

Им полон воздух, его можно пить жадными глотками и наслаждаться. Игривое, лучезарное, солнце веселит так, что хочется взлететь к нему, и там, в вышине, охмелеть от счастья. Но, не в силах взобраться в небо, человек протягивает к солнцу руки, ловит его скупой зимний свет в ладони и целует...

Под вечер, когда солнце напоит своей любовью всех, насытит так, что в этом счастье забывают про всё звери, птицы, деревья и люди, оно вдруг решается ещё огорошить свет своим неподражаемым блеском, и расправляет над лесом жаркие крылья... Огненные блики от них ложатся на небо и землю, всё как-то незаметно переворачивают в душе и озаряют. Обращаясь ко всему живому, солнце, словно в последний раз, всех любит и хочет обнять, а прощается, кажется, с одним человеком: «Помни меня, но наслаждаясь моим теплом и светом, задумайся и о своей жизни».

ЗЕРКАЛО ДУШИ

Издавна люди обожествляли не только солнце, но и месяц. Месяц в ночном зимнем небе всегда представлялся им всевидящим оком: иногда лукавым и предупредительным, но чаще - открыто взирающим с недостижимых небес. Месяц в эту пору был очень живой, может быть, даже более игривый, чем само солнце.

Часто месяц воображался людям то супругом солнца, то его супругой, когда появлялся на небе луною. По одному забытому поверью, некогда луна-богиня со своим повелителем солнцем сияли в небе ослепительным брачным союзом, а вокруг роились их невинные чада - звёзды. Но злая клевета будто разделила лучезарную пару, и теперь в одиноком величии по небу днём

ходит солнце, а ночью взбирается в вышину луна. В безмолвной печали светит она на землю.

Несмотря на разлуку, луна по-прежнему любит красавца мужа незлобивым и кротким сердцем, и часто под вечер, дрожа и бледнея, выглядывает из-за лёгких туч. Скорбным взором провожает она его и, кажется, хочет позвать. Но упрямое солнце при бывшей возлюбленной лишь вспыхнет пурпурным румянцем и исчезнет, оставив её в обездоливающем неведении.

Так и по сию пору сходит огненно-красное, нахмурившееся солнце вглубь своей одинокой страны, а вслед ему грустно смотрит мёртвенно-бледная луна. Какое-то время она ещё молодится, умываясь ночной прохладой, но с появлением чистых зорь бледнеет и поспешно бежит, наверное, переживая свою невозвратимую утрату. Опечаленная луна как будто всё время взывает в душе к недостижаемому даже для неё Богу, чтобы вернул ей утерянного когда-то супруга, но не находит ответа...

Другая легенда объясняет причину потускнения месяца его игрой со злыми духами, оттого он становится временами более блёклым, нежели прежде. А колдуны безжалостно портят его за то, что месяц светит ночью и мешает им вершить свои злобные таинства.

Кто-то считал, что обходить небо в тёмное время подобает именно мужчине, и потому месяц сменяет солнце ночью. В этом нелёгком пути он поддерживается святым духом и иногда сходит для отдыха на землю. Перед рассветом солнце с месяцем встречаются, и месяц рассказывает солнцу, как прошла ночь.

В то, что показывают пятна на луне, каждый народ веровал по-своему. По одному сказу, глядя на луну, можно дознаться, как Каин убил Авеля. По другому преданию - как Бог первых людей готовыми хлебами кормил. По третьему же - что два кузнеца для неба звёзды куют. Но все почитали луну как око божье.

Люди верили, что луна каждый месяц рождается, растёт и умирает. После своей смерти она нисходит в вечную темноту, перетапливается там, очищаясь, и опять нарождается. А может быть, старую луну Бог на звёзды крошит, думали люди, и она не истаивает бесследно, а несёт свой свет в веках. Так, расходясь к ночи с солнцем, луна, всё же, светить ему помогает, незаметно в свет дневной переливаясь.

Какое-то древнее сказание представляло божеством небесных пределов уже солнце: поворачивая с зимы на лето, оно наряжалось в цветной праздничный сарафан с разукрашенным самоцветными камнями кокошником, и выезжало из своих золотых палат навстречу супругу месяцу. Солнышко плясало, играло лучами от радости, в предчувствии желанной встречи заливая всю поднебесную даль золотыми волнами счастья. С первыми заморозками разлучалось оно со светлооким своим супругом вплоть до самого возвращения весны: муж - в одну сторону, жена - в другую.

Всю долгую зиму они в разлуке жили, на долгожданное свидание, втайне, надеясь, а как только встречались, на радостях всё без утайки друг другу выкладывали. Правда, могли, сгоряча, и поссориться, и тогда люди по их встрече примечали: добрая она - дни будут ясные, худая - наведёт погода хандру плакучую. Но чаще всего, солнце с ясным месяцем своей любовью всех заражали, обновляя тем лик земли.

А ещё их называли сестрой и братом. Луна к солнцу в гости идёт, а оно от неё прячется. Только любо солнцу сестре, и не убежать ему ни за что от этой любви, какую оно в себе, кажется, ещё не обрело. Луна его в этом превозмогла, но никак не может пока достигнуть. А когда солнцу, наоборот, не достаёт сестры, она куда-то исчезает, по-видимому, переживая его отсутствие. В такие моменты человеку хочется, чтобы брат с сестрой, наконец, обрели свою любовь, и светили на небе вечно.

Испокон веков существует в народе вера в полезное и вредное влияние месяца на всё живое. По народному поверью, от рождения молодого месяца до полнолуния - счастливые дни, а как пойдёт месяц на ущерб - выплывает всякое несчастье на белый свет. Если кому посчастливится увидеть с правой стороны от себя народившийся месяц, да спохватится увидевший показать месяцу хоть копейку медную, то перевода деньгам у того не будет. Слева покажется - надо поклониться месяцу в пояс, чтобы защитил он от всякого недуга.

В старых русских календарях приводились указания, что всё растущее над землёю надо сеять и сажать тогда, когда луна стоит над нею, и, наоборот, всё то, что растёт в корень, надо сажать, когда луна под нею. Засеянное в новолуние поле даёт густой и частый хлеб, созревающий на диво скоро; в полнолуние посеешь - медленно станет расти хлеб, да зато умолочено будет много зерна. Хочет хозяйка, чтобы лён уродился белый и волокнистый, сей его, баба, на молодой месяц.

Знающие люди не начинают строить новой избы на лунном ущербе, ни леса не рубят, ни печей не кладут. Всё это ждёт своего черед в плоть до нового месяца. Захочет молодой мужик выделиться из большой семьи, своё хозяйство повести наособицу, тоже поджидают счастливого новолуния. Только тогда, говорят старики, и можно поручиться за доброе житьё-бытьё в новом доме.

Влияние таинственной луны отмечали и на животных. Так, утверждали, что родившиеся на молодом месяце поросята составляют собственность ведьм, поэтому их надо резать, если же хотят сохранить, то хозяйка должна сама откусить зубами кончик хвоста у поросёнка. По другому поверью крестьян, родившиеся на молодой месяц телята принадлежали волку, а потому их не выращивали, а резали на мясо или просто гнали со двора. Животное же, что выросло исправно, лучше было колоть в полнолуние, потому как в ущербный месяц скот с тела спадал и был не увесист.

Оказывая свое действие на всё живое, луна предопределяла родившемуся в новолуние человеку живучесть, а появившемуся на ущербе - недолгий век. Особо поберечься следовало человеку в новолуние от порезов, поскольку раны не скоро заживлялись, и нельзя было ложиться спать лицом против луны. Если же месяц высвечивал малое дитя в люльке, то оно надолго теряло покой, изводя всех в исступлённом крике. Ещё на своём исходе месяц сводил людей с ума, но иногда ему приписывалась и целебная сила, к ней обращались в разных заговорах и притчах.

Раньше по луне предсказывали также погоду. Если рога луны были ясны и резко очерчены - это предвещало холод зимою. Если же рога луны были тупы, то это сулило ненастье. Когда они глядели вверх, можно было ожидать вёдро.

Очень важно было не пропустить лунную окраску. Месяц большой и красноватый означал, что погода в скором времени испортится. Луна бледнее, чем обыкновенно, и с разноцветными полосками - будет буря со снежной метелью. Жёлтый и толстый месяц готовил в течение всего месяца оттепели, а очень белый и блестящий - холод.

Кольцо вокруг луны тоже имело немаловажное значение: когда оно было ясным - это обещало мороз. Туманный круг около месяца был к метели, красный же - к снегу.

По некоторым поверьям, особенною бедою грозило людям лунное затмение. Оно якобы происходило от нападения на луну колдунов, упырей и вурдалаков, возжелавших полакомиться ею. Овладев луною, нечистая сила поедала её начисто, и тогда зима будто бы приносила небывалые холода. Чутко реагируя на происходящие в себе перемены, луна заблаговременно предупреждала об этом всех живущих на земле.

Месяц на Руси всегда находился в особом почитании. Сказки, сказываемые бабушкой перед сном детям, начинались с его незапятнанного имени - «под светлым месяцем, под белыми облаками, под чистыми звездами». Девуцу, мечтающую о пригожем добром молодце, завидующие подружки так подзуживали: «Ещё какого захотела: во лбу - месяц, а в затылке - ясные звезды!» С месяцем весёлую игру затевали, приговаривая: «Месяц, месяц, где ты был? - В лесу. - Что делал? - Лыки драл. - Куда клал? - Под колоду. - Кто взял? - Родион. - Поди вон!» На месяц всегда было любо-дорого смотреть, и когда родился он, значит, это число в святцах!

По народному представлению, посреди заснеженного двора зимы три терема сказочных стояли: в первом жил светел месяц, в другом - красно солнце, а в третьем - часты звёзды. Недаром и в колядках к долгожданному Рождеству говорилось, что хозяин - ясен месяц, а хозяйюшка - красно солнышко! Месяц представлялся людям молодым царевичем - расписным красавцем, луна же - прекрасной царевной-лебедью с бледным лицом. Всегда

незримо и нежно плыла она над лесом холодной зимней ночью, а месяц весело вторгался в человеческое жильё.

Обращались в народе к нему уважительно, по-доброму. «Месяц ты, месяц, золотые твои рожки!» - как бы собираясь у него что-либо выпрашивать, причитали докучливые хозяйюшки. Молодые бабы, не без лукавинки, уговаривали: «Месяц, месяц молодой! Тебе рог золотой, тебе на увеличение, а мне на доброе здоровье!» Пастухи перед первым после зимы выгоном овец на пастбище, на траву-мураву зелёную, приговаривали: «Месяц, серебряные твои рожки, золотые твои ножки! Паси-береги овец моих, как пасёшь-бережёшь свои звёзды частые!»

А месяц светил себе на небе и ничего не боялся: ни холодной зимней тьмы, ни жестоких буранов, ни волчьего воя. Всю ночь, бывает, волчья стая на месяц провоет, а он никак на землю не падает. Не ведает месяц и про то, что его за это люди «волчьим солнышком» кличут.

Редко, когда что-либо значительное в природе олицетворяет собой одного зверя или птицу, а вот волки удостоились целой луны, прозванной народом в их честь. Луна, кажется, и горит по-волчьи, наполненная неведомым звериным молоком, которым волчица вскармливает своих детёнышей, и они вырастают с присущей только им – непостижимой лунной мастью.

Ласково, с любовью относились в народе и к луне, и к волкам: ничто лучше не выражало зимнюю ночь, как тени сидящих на освещённом луною снегу зверей, с задранными мордами взирающими в холодную высоту. Им, видать, лунный свет не был за счастье: он тревожил зверей в их и без того беспокойной жизни. Им некуда было от него деться, и волки отводили мятущуюся душу в своей неприкаянной зимней песне.

Чистый месяц, взбирающийся поутру на небо, называли серебряным петухом. Больно люб он был человеку - не всегда замечаемый, но такой ощутимый! Не заставив себя ждать, скромно возвестит о приходе нового дня и незаметно исчезнет, только его и видели!

Загадки разудалые народ про него будто из мешка тряс, сыпал, словно звёздами: «За новым за двором стоит чашка с творогом?»; «Идёт лесом - не треснет, идёт полем - не плеснет?»; «Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка: хочет есть старуха, тянется, а всё не достанет?»

Душу эти загадки разуверившемуся в жизни человеку веселили, от занудных неурядиц очищали, раззадоривали на добрую и строящуюся судьбу! Ладно, по-хорошему тогда становилось на сердце, и все беды незаметно ускользали. Месяц любезное к себе обращение никогда без внимания не оставлял, был хорош собой и светел.

Морозной зимней ночью, когда слышен каждый шорох и сон не идёт, а ясный месяц так весело заглядывает к тебе в окошко, ты постепенно обнаруживаешь в нём, помимо приевшегося всем куска сыра, ломтик сочной дыни, дольку лимона или озорную улыбку прекрасной лунной девушки. Ещё месяц представляется изящно изогнутой щёлочкой, через неё можно

глядеться в звёздные миры, сказочной хлебной краюшкой, что вот-вот зацепится за угол бабушкиной избы, или рожками чёртика, убежавшего от старого чёрта и взявшегося развеселить всё звёздное небо.

А разыгравшееся воображение уже рисует хрупкую материнскую ладошку, будто поддерживающую головку ребёнка, колыбельную люльку этого загадочного младенца, в окружении бесчисленных звёздных нянек не ведающего своего небесного возраста, и, конечно, волшебное коромысло, что наклонилось от обилия ещё не просыпавшихся на землю драгоценных подарков для всех людей.

Уже засыпая и находясь в сладостном полузабытии, когда лунные образы незаметно сменяют друг друга, вдруг увидишь в месяце обгрызенный волками бочок ночного солнышка, что, всё же, не пожелало быть до конца съеденным, в последний миг взметнулось от зверей на небо, и замерло в довольной улыбке. И всё это – проделки ясного месяца!

Иногда месяц незаслуженно обижают, утверждая, что он хоть и светит, но не греет, а потому напрасно у Бога хлеб ест. Его за это называют только серебром, красное солнышко же - золотом! «Как месяц ни свети, а все не солнышко!» - досадливо говорят про него. Или ещё хуже огорошат: «Лунная ночь - что ненастный день, грело бы красное солнышко, а месяц - как себе знает!»

Месяц, конечно, солнцу не чета, но и от него можно извлечь пользу. Как и солнце, он в небе над землёю ходит, покой и мирную тишину для людей сторожит. Когда он это делает, люди спать должны.

Сколько заблудших путников он на путь истинный наставил, от судьбы лихой отворотил. С затаенным восхищением взираешь посреди зимней ночи на его лик, и никак не нарадуешься. А что sluкавит он, бывало, тёмною порой, так от того только слаще сердце в груди замирает: до жути хорошо и интересно становится с ним тогда жить.

За долгую зиму месяц не успевает наскучить, поскольку бывает разнолик. То он сияет полным соком огромного круглого шара, то является изящно источенным серпом. Временами же месяц совершенно невидим, и ты подолгу всматриваешься в морозную черноту, пытаешься хоть что-нибудь различить.

Терпеливо переживаешь его отсутствие перед вынужденной сменой одежды: месяц набирается нового целительного света. Как это бывает у самых добродетельных людей, он в свой день рождения остаётся для всех невидимым. И хоть говорится, что нет толку в месяце, когда он тучами покрыт, однако месяц тучи своим светом рано или поздно разгоняет.

Бывает, в метель луна проглядывает сквозь туманную мёрзлую дымку, и лик её бледней снегов, свет которых она отражает. Луна таинственна и кротка, как прекрасная девица, что не знает себе цену. Её лицо, сокрытое небесной кисеей, хоть и кажется недоступным, но такое родное и близкое.

Порой луна высунется из-за туч - будто уголок небесной монетки: архангелы, наверное, потёрли её, чтобы лучше было наблюдать за тем, что

происходит внизу. А иной раз луна - словно кто серебряную монетку уже на земле обронил: всю зиму под снегом пролежала, да под самую весну вытаяла. Не начищенная, неброская с виду, монетка словно радуется своему благополучному освобождению.

Хочется тоже потереть её между пальцами, ощутив приятную прохладу, а потом подбросить на руке и положить в карман, чтобы тут же позабыть и когда-нибудь приятно обнаружить. Так и луна: удивив человеческое сердце, вдруг нечаянно исчезнет, а когда ненароком появится, все ей опять рады. Она от этого словно перерождается и ждёт, чтобы её вновь кто-нибудь потерял.

Порой луна бывает несколько удивлена оказываемым ей невниманием. Она тогда растворяется в небесах, и мы её подолгу не видим. Там, в своей таинственной темнице, луна переживает нанесённую ей обиду, тихо кручинится, и ещё более хорошеет. Сладка её печаль, туманны грёзы...

Но вскоре она опять яркой звездочкой возникает в душе человека: забыты бывшие тревоги и огорчения. Красоваться в небе перед всеми - вот её улада, и людям она всегда желанна. Необъяснимая, прекрасная, печальная.

Кто ухаживал за ней, во имя чего лелеял: до сих пор остаётся для неё неразгаданным. Всё куда-то незаметно удалилось, а напоённая добрым светом луна осталась. Взращённая, наверное, самим Небесным Отцом, обласканная его вниманием, она однажды Им же, на всеобщую любовь, была лишена памяти, чтобы только светила в небесах человеку, ни о чём не тревожась.

Луна, несомненно, существует для людей, но не перестала быть загадкой для земли. Луна призвана проливать свет на ночную землю, она зовёт людей к себе. Привлечённые ее притяжением, мы хотим знать о ней всё, несмотря на расстояние. Нас не пугает это путешествие, так же, как не страшат уносимые небесными ветрами другие миры, и звёздный дождь, и нескончаемо прекрасная вечность.

Мы смотрим на луну и пытаемся её понять, а помогает нам в этом зима. Зимой луна, как никогда, содержательна и открыта. Луне хочется, не переставая, внимать, мучиться её отражённым от солнца светом и тянуться к нему.

Кто живёт в более тесном общении с природой, тот имеет большую возможность и радость наблюдения за луной. Есть в ней в зимнюю пору нечто притягательное и необъяснимое. Луна словно создана для этого времени, так что ты не в силах отвести от неё взгляд.

Зимой луна омывается её загадочным светом, и сверкает чище. Морозный воздух её бодрит: луне хочется выглядеть очаровательной, непревзойдённой. Ей хочется нравиться и увлекать. Возможно, она даже способна потерять голову.

С чем схожа непревзойдённая краса луны? Кого готова она ей повергнуть? Может, оттого она дарована Богом человеку такой близкой и

недосягаемой, чтобы только любоваться ею и быть её вечным рабом, не знающим утешений?

Но иногда человеку начинает казаться, что луна есть нечто большее, чем мы привыкли её считать. Она - недооценённое человеком таинство, влияющее на всё живое на земле, и мы её скорее чувствуем, нежели видим. Тот, кто хоть однажды подсмотрел её ночную работу, не забудет этого никогда. Луна произведёт на него неизгладимое впечатление: она откроет ему доныне неведомую жизнь.

Человеку сразу захочется узнать, о чём молчит луна, и от чего порой таится? Какие настроения переполняют её, когда она с безоблачных небес наводит на всё живое своё томное сияние? Ведь человек так до сих пор и не знает, откуда вообще взялась луна?

Иногда луна бывает совершенно безжизненной, равнодушной. И тогда в лунном свете зимнего леса лицо человека превращается в застывшую маску, что кажется неестественным на фоне непередаваемой ночной красоты. Трудно не впустить в себя выхолащивающего лунного сияния, не испытать его безжизненной оголённости.

Но, отдав себя однажды на волю безучастного ко всему лунного света, знай: тебе уже не будет так, как если бы ты ещё не входил в ночной лес, и смотрел на него только со стороны. Соединившись с ним, ты остаёшься наедине с не знающей преград луной: дикой, неживой и властолюбивой. Лишь на мгновение повеет она своим бесчувственным холодком – и раз и навсегда осадит все твои желания, растворит их в околдовывающем безразличии. Пусто станет тогда на душе, так что даже жаждущий добычи зверь равнодушно пройдёт мимо, не обратив на тебя внимания.

Прозрачные лесные призраки насторожатся, выступят из-за деревьев, и ночное забвение постарается навсегда прикрыть твои веки, остудить сердце и сомкнуть уста безжизненной улыбкой. Только неясные пятна, чёрные тени, и вечная безысходность лунной тьмы окутают собой всё вокруг.

Так коварно может вести себя зимней ночью равнодушная луна, что никуда не спешит и равномерно льёт на синие сугробы свой холодный, безучастный свет, а человек, если он неравнодушен ко всему, что его окружает, впитывает этот свет, незаметно полнится им, но не замерзает душой, становясь ещё более сильным.

А то увидишь где-нибудь в ноябре, по первому снегу, огромную красную луну, и она поразит тебя своим зловещим ликом, с какой-то отрешённой неукоснительностью провозглашая надо всем земным миром своё небесное превосходство. Долго ещё потом вспоминается, как луна, будто хищная и лукавая рыба, неожиданно выплыла на чёрное небо, завалилась вдруг на бок, и так, остановившись в своём завораживающем восхождении, очень пристально и совершенно открыто заглянула тебе в душу. Но ты перед ней почему-то не раскрылся, как раскрыл бы душу перед любой, даже самой крохотной звёздочкой, а только стоял, и, не отрываясь, любовался.

Правда, чаще всего лунные ночи тревожат сердце: они почему-то оказываются мучительными для человека. По ночам от мороза трещат стволы и ломаются ветки. На чёрном, скованном звёздами ночном небосводе безмолвно светит, словно начищенная снегом, луна. Кажется, что мороз от её света становится ещё крепче.

В такую пору пребывание в лесу для человека представляется неуместным. Он старается не думать о нём, преспокойно забываясь в расслабляющем тело и мысли домашнем тепле. А тем временем, под холодной луной, выходит к своей потаённой жизни из глухих буераков зверьё. Лесные обитатели живут не по-нашему: обедают по ночам, днём же таятся.

Зверей не страшит блуждающий лунный свет. Он зачарованно манит их к себе и не даёт уснуть. Звери не умеют думать, и только стремятся утолить неотступно настигающее их под утро чувство голода. С робким зарождением дня жизнь в глубине леса уже почти не сопротивляется смерти...

Если слово «солнце» подразумевает саму жизнь и сердце, то луна - лишь отблеск на небе. И это верно: не обладая собственным светом, она только отражает чужой. Ей трудно тягаться с таким могущественным соседом, и луна, ни на что великое не претендуя, тихо изливает свою мудрую печаль. Она достаточно пожила, чтобы чувствовать себя просто обделённой.

Когда-то луна жила одна, вдали от земли, но потом они соединились. Может быть, земля пригласила её к себе в гости, а может, луна сама нашла себе подругу. Однажды обретя друг друга, они уже больше не пожелали расставаться.

С давних времен люди принимали луну за зеркало, в которое глядятся солнце, земля и они сами. Какое наслаждение было наблюдать все эти красоты, зная, что луна, между тем, несёт и что-то своё. Может быть, былую историю о том, как когда-то была молода и полна жизни, все те темные пятна на её поверхности были морями, по берегам возвышались горы, склоны их устилала трава и цветы. Луна была жива и не предполагала, что когда-нибудь будет служить лишь отражением чужой жизни.

При этом она не потеряла собственного достоинства, скрывая печаль в укромной тени. Обратная сторона луны - это всегда её непревзойденное мужество и стойкость. И ещё - тайна, что она хранит для человека: за долгие тысячелетия луна научилась ценить жизнь.

Она скромна в собственном понимании жизни. Ей довольно того, что в ней нуждаются и ждут. Луна - отражение души человека, она зеркало его сокровенных и самых непостижимых желаний.

Часто луну сравнивают и рисуют с человеческим лицом, так как расположение пятен на ней в достаточной степени соответствует положению глаз, носа и рта. Луна на таких рисунках всегда улыбается и выглядит, скорее, внимательной к людям, нежели загадочной. Ей непременно хочется

доверять и надеяться на её защиту: человеку кажется, что луна ласково оберегает землю от чёрной тьмы.

Когда луна дрожит на небе, полном неясной тревоги, зимняя дорога человека ясна, и страх не одолевает его сердца. Он идёт, свободный и счастливый в ночи, в восхищении замирая от наползающих теней и звуков. Лунная тишина объемлет его вместе с ночным лесом, потаёнными зверями и птицами, неведомыми тропами. Лунный свет проникает сквозь его тело и делает самым собой.

Торжественно сияет луна в вышине, наполненная соком неистраченных вожделений. Не миновать её всепроникающего влияния, что неслышно прокрадывается между деревьями. И человек постепенно смиряется с её проникновенным светом, и тихо наслаждается случающимся единением с луной. Луна - в нём и вокруг, она - его долгожданный покой.

Притяжение луны тем сильней, чем чаще человек взглядывает на небо. Частые звёзды перемигиваются меж собой, как будто отвечая на её безмолвные призывы, и человек понимает, что они тоже зависят от неё. Вернее, звёзды благоволят луне.

Сам человек воспринимает ощущаемую тягу к луне как нечто замечательное и таинственное, и ничего не боится. Не то чтобы ему хотелось взлететь на луну и соприкоснуться с её светом: ему просто очень приятно находиться в ночном лесу, под сияющей луной, не чувствуя себя одиноким. Человек почти уверен, что луна всё время наблюдает за ним и не упускает из виду ничего, что бы могло разъединить их. Делает она это ненавязчиво, с любовью.

Впрочем, всё это, быть может, только кажется человеку, и луна, на самом деле, ничего не замечает. Она лишь льёт свой холодный свет, и не ведает числа поклоняющихся ей влюбленных. Но блаженны волшебные помыслы людей, что возмечтали одухотворить небесное присутствие луны.

Для волков - «солнышко», для людей - зеркало души, луна, между тем, остаётся самой собой: загадочным небесным телом, что неслышно ходит вокруг земли, отражая душевные устремления равнодушного человека. За то его, наверное, зеркалом души в народе и прозвали, чтобы люди в него гляделись, различая в себе божественную чистоту.

РОЗОВАЯ, ГОЛУБАЯ, ЗЕЛЕНАЯ

Ничто не может передать красоту звездной ночи. Один древний мудрец сказал, что если бы звёзды были видны только в каком-нибудь одном месте земли, то к этому месту непрерывно бы шли толпы людей, жаждущих полюбоваться великолепным зрелищем. К счастью, звёздное небо видно повсюду и доступно каждому.

Каждый вечер вспыхивает на нём звездный занавес, и мы зачарованно внемлем предстоящему великолепию и торжеству. Звёздка, звёздочка, звездушка, звездинка загораются на небе, одна за другой, но каждая светит по-своему.

Вот неподвижная звезда: она не изменяет своего места на небе, и мы принимаем её за солнце других миров. Эта - блуждающая, что, не мерцая, обращается, как наша земля, вокруг своего солнца. Звезда хвостатая, с огненным опухалом, называется кометой. Лучезарная вечерняя звезда - Венера. А ещё есть Полярная звезда, самая известная...

Зимой на выстуженном небе неизменно появляется Большая Медведица, и среди всех звёзд в этом необозримом ночном пространстве она – самая заметная. Всегда непроизвольно поднимешь голову к небу, будто желая услышать от неё какое-то долгожданное откровение, адресованное именно тебе, а небо только подмигивает яркими звёздочками, что, кажется, всегда желают оделить любознательного человека чудесными знаниями. От присутствия в морозном небе Большой Медведицы на душе становится необыкновенно хорошо, и весело искрящиеся звёзды удивительно завораживают, хотя ничего и не обещают. Не покидает ощущение, что Большая Медведица знает, для чего ты смотришь на неё, живя своей неведомой звёздной жизнью.

Полярная звёзда – самая главная в этом созвездии, сверкает из небесной глубины какой-то особой красотой, как драгоценный камень, что, кажется, становится всё ярче и ярче. Она подобна твёрдому свету, щедро излучаемому из сокровищниц Вселенной именно для людей, чтобы они любовались этим живительным светом и тянулись к нему, обновляя свою душу для осознанного пребывания в теле.

Приятно сознавать, какое большое место занимают в твоём маленьком сердце далёкие от тебя звёзды, и ты, не отрываясь, вглядываешься в их мерцающую красоту, а звёзды блещут ярко, будто приоткрывая всем свои неоценимые богатства. Из своих сказочных пределов они посылают на окутанную снежной пеленой землю богатые дары, и люди верят, что если кто-то, глядя на звёздное небо, что-нибудь загадает, и звезда улыбнётся ему, всё сбывается, как по писанному.

Медведица сияет в бездонных небесах, и все её звёздочки представляются чудесными фонариками, подвешенными на невидимых нитях. В морозную ночь, кажется, зажигаются все звёзды Вселенной.

Небо высоко и торжественно, и сколько бы ни заглядывался на него – всюду звёзды. Яркие, крупные, есть просто ослепительные, иные – поменьше, что то и дело вспыхивают и на время куда-то исчезают. Все они будто подыгрывают друг другу, устраивая в восторженной вышине волшебную кутерьму, и всё это головокружительное движение не прекращается до самого рассвета. Звёзды и тебя приглашают в свой сказочный хоровод, и разве можно оставаться к ним равнодушным и не смотреть на полное звёзд небо?!

Звёзды горят в нём многоцветными камнями, а ночь радостно внимает их очаровательному блеску. Звёздное небо зимой – это выгнувшийся, во всю свою прекрасную ширь, хвост павлина: всё в нём возвышенно и волшебное. Видится там, в вышине, ещё и зимний чум из звёздной россыпи,

перехваченный алмазными нитями, и завораживающие вспышки яхонтов, и мягкие жемчужные отсветы... Глядишь на это переливающееся звёздное небо, и представляется, что всё в мире удивительно божественно.

Верится, что пленительный сонм звёзд – это не неведомые светила, а те огни, что освещают человеческие пути. Их далёкий свет – свет немеркнувшей жизни, в которой угадывается возрождение недостающих человеку знаний, тайн и замечательных событий, а перламутровая пыль от них – непередаваемая красота самой Вселенной. Величественной и прекрасной бабочкой возникает она из каких-то неведомых космических глубин, и все звёзды, кажется, прилипают к её бархатным крыльям, что несут на себе рисунок неугасимой жизни.

Там, в этой божественной вышине, один за другим вспыхивают бесчисленные изумруды, сапфиры и рубины иных миров, и хочется отправиться к ним, не теряя времени, какими бы недостижимыми они ни казались, потому что звёзды представляются живыми. И ничего, что ты – ничтожно маленький человек в сравнении с этими огромными небесными пространствами: тебе нравится обращать свой взор к звёздам, как бы бесконечно далеко они не находились, и ты веришь, что обязательно когда-нибудь отправишься к ним в гости, ничто тебя не удержит, и непременно их достигнешь.

Ведь звёзды существуют для того, чтобы мы обратили к ним свою душу, и когда это произойдёт, они, наверное, замрут от счастья в своей волшебной вышине, а затем – возрадуются, и в восторге соприкосновения со звёздным миром душа человека рано или поздно преодолеет любую беду, и тоже обретёт, наконец, недостающее внутреннее свечение.

Невозможно представить себе нашу зиму без притаившегося ночного леса со сверкающими на небе звёздами и выгнувшейся над головой Большой Медведицей. Кажется, что именно из её волшебного ковша рассыпались в вышине все эти драгоценные жемчуга и камни. Ковша, из которого не пьют, не едят, а только на него глядят, не в силах оторвать взгляда. Так, наверное, когда-то всматривались в ночное небо древние звездочёты, что для облегчения своих наблюдений разделили бесчисленный сонм звёзд на созвездия.

Самые заметные и яркие звёзды они соединили воображаемыми линиями, будто рисуя по небесному своду, а потом смотрели – на что похож рисунок, кого он напоминает: зверя, птицу, человека или, быть может, какой-либо предмет. Так появился на небе целый зверинец, и самым крупным зверем в нём оказалась Большая Медведица. Впрочем, оставались ещё Большой Пёс, Заяц, Козерог, Лев, Телец с Овном, Орёл и Лебедь, и многие из них были гораздо крупнее её, но всё же Большая Медведица была самой приметной только потому, что рядом находилась ещё и Малая, в хвосте которой сияла Полярная звезда.

Прекрасным ориентиром служила она путешественникам, которые отправлялись в дальнюю дорогу. Чтобы отыскать Полярную звезду, надо найти созвездие Большой Медведицы, которое напоминает ковш из семи широко расставленных довольно ярких звёзд. Через две крайние звезды этого ковша мысленно провести прямую линию, примерно в пять раз большую, чем расстояние между звёздами, и тогда можно увидеть звезду, которая и называется Полярной. Она находится в хвосте другого созвездия, именуемого Малой Медведицей, и тоже имеет форму ковша. Чтобы получить направление на север, нужно стать лицом к Полярной звезде.

Но почему-то никогда сразу не замечаешь Малую медведицу, а определяешь для себя именно Большую. И уж только потом, если возникает потребность отыскать Полярную звезду, обнаруживаешь Малую. Полярная же звезда светит как бы исподволь, из небесной глубины, и не блистает при этом особой красотой. В ней скрыта недоступная для всех тайна, которую она заслуженно откроет только достойному.

Небесный ковш Большой Медведицы – ковш особенный, с какой-то сказочной задумкой и такой же притягательной тайной. Он только на первый взгляд представляется обычным, на самом же деле в нём угадываются волшебные свойства. Ковш так притягивает, что другие звёзды, может быть только кроме Венеры, заметно блёкнут в сравнении с ним. Семь самых заметных звёзд, все вместе и каждая по себе, вырисовывают в ночном небе нечто, в высшей степени, неопишное и, между тем, очень доступное, простое.

А ведь кто-то первым разглядел в этих звёздах Ковш и Большую Медведицу, и для всех это стало понятно и близко. На веру и радость взяли люди чьё-то меткое волеизъявление, и никто не усомнился в истинности этого откровения. Звёздная линия, вовсе, оказывается, и не напоминающая могучего зверя, всё же была принята за такового.

Может быть, вслед за первооткрывателем всем тоже захотелось видеть в большом красивом созвездии что-то удивительное и родное, мать-медведица, всегда близкая народу, как никто лучше олицетворяла эту чуткую догадку. И так, самое заметное созвездие северного неба, к всеобщему согласию, постепенно обернулось самым заметным зверем.

В большом доме, говорят, чего нехватишься, всего нет, но только не у Большой Медведицы, у которой вдосталь и воздуха, и неба, и неисчислимого звёздного богатства, что никогда не переводится. Это неправда, что большому больше и надобно: небесная медведица, сияющая над головой каждого и видимая отовсюду, ни в чём не нуждается. Но если это, действительно, медведица, то чем она на небе занимается?

Рыбу не ловит. Не охотится. Следы свои не скрывает. От врагов не обороняется. Сладкой ягодой не лакомится. Ни от кого не хоронится, берлогу не копает и сало не копит.

Может быть, тепло неведомое хранит? Иначе, зачем ей обладать этой необъятной, отливающей серебром невесомой шубой, в которую она,

наверное, всех незаметно укутывает и, неслышно урча свою звёздную колыбельную, ласково усыпляет?

На первый взгляд холодно светят её звёзды и ни на кого не заглядываются. Века веков их нескончаемому блеску! Порой они даже могут исчезнуть, никто, должно быть, и не вспомнит. А затем опять повиснет над землёй бесконечная зимняя тишина, загадочно чернеющая высь и смёрзшийся хрустальный воздух. Ночь постепенно оборачивается волшебством, что, оказывается, всегда находится совсем рядом. Но что настоящему завораживающего таит в себе Большая Медведица?!

Лишь иногда, в какие-то особенные моменты жизни, проникновенное молчание Большой Медведицы вдруг достигает твоей души, и в ней будто просыпается непередаваемая радость. Та земная и небесная радость, которую Большой Медведице надо в людских сердцах пробудить, а она одна на всё небо! Недаром ей поэтому Господь помощницу определил в лице малой сестрицы, что и медвежат-звёздочек понянчит, и морозным ароматом душу исцелит, и путь заблудшему укажет.

Главное достоинство Большой Медведицы в том, что она есть. Никуда не убегает, не торопится, знай – вспыхивает осторожно каждый вечер, ласково переливается... И всё это в ней невероятно манит, так что ничего больше не хочется желать.

Только смотреть, впитывать её неясный свет и тихо умиляться. Умиляться, наверное, тому, что и Медведице хорошо там, в морозной вышине, где ей не холодно, и она совсем не стремится на землю.

Господь создал это созвездие только для того, чтобы привлекать и озадачивать людей. Будить их способность и желание так выстраивать свой жизненный путь, чтобы не было скучно. И ещё, чтобы они были готовы, как и Большая Медведица, поделиться многим, из чего складывается, горит и не угасает её звёздное сияние.

Неописуемо радостно почувствовать в себе и Большую Медведицу и Малую, и остаться при этом просто человеком. Вот если бы самому обернуться маленькой звёздочкой, что загорается не сразу, а постепенно, из жизни в жизнь, тысячелетиями копя в себе волшебное свечение!

Какое торжественное чудо эта Большая медведица! Яркими брызгами изумрудных камней искрятся все её семь звёзд, и тишина стоит восторженная, морозная. Небо над Медведицей выгибается тёмным куполом, откуда просачивается глубинным светом драгоценная россыпь, чёрно-фиолетовый бархат ночи усеян ею, а созвездия блистают на нём, будто подвески и броши.

Вся бездонная вышина представляется тончайшей вуалью, сотканной из восхитительных кружев, где множество бриллиантов сливаются в бесценную божественную пыль, прозрачный жемчуг мягко лучится, а звёзды напоминают рождественские свечи на ёлке, которую, как куклу, укутывают серебристые нити и золотистый шёлк. Невозможно описать это

восторженное смятение от всего увиденного, и всё это неизмеримое звёздное пространство, кажется, спокойно уместается в твоей душе.

Сменялись царства и народы, преображалась человеческая душа, но Большая Медведица светила неизменно, ни на секунду не угасая. Её несметное убранство всегда было великолепным, а ночное безмолвие красноречивым. Звёздная ночь хранила какую-то тайну, что неотступно манила к себе своей неизвестностью.

Всегда хочется смотреться в неё, и, поднимая голову к небу, в первую очередь, почему-то обращаешь свой взор именно на Большую Медведицу! Никогда не приходится искать её, как другое созвездие, она у всех на виду, и всеми любима. Сдержанно сверкает в морозной вышине, рождая только светлые думы и сладкие грёзы. Как много снов осенила она своим ненадоедливым присутствием, сколько милых догадок и самых серьёзных вопросов появилось благодаря ей!

В сильный мороз Большая Медведица забирает обычно хвостом книзу, выгибаясь ещё круче, и от этого становится похожей на молодую и сильную кобылицу. Почему её называли Медведицей, если она её совсем не напоминает? А звёзды в ней всегда яркие, добрые, итак ненавязчиво заглядывают в душу, будто желают предупредить о чём-то.

Они словно переговариваются между собой: «Смотрите, человек зачем-то пришёл к нам ночной порой, но ничего не предпринимает. Разве это не странно? Может быть, он чего-нибудь ищет?» Но хорошо просто сидеть или стоять под звёздами, не спрашивая у них какого-либо совета.

В их сиянии много покоя, ласки и вдумчивого свечения. Не верится, что это только холодные бездумные миры, равнодушно простирающие свои лучи через бесконечные пространства. Хочется, молча, вглядываться в их незатухающие образы, в каждом угадывая его характер и внимание к человеку. Настоящий волшебный полог раскидывает звёздная ночь прямо над твоей головой, и все звёздам там очень просторно и уютно.

Иногда, кажется, что звёзды точно тают в сумраке ночи, куда-то ненадолго исчезают, но затем вновь появляются, только уже обновлённые, как будто умытые. А может быть, они и в самом деле приводят себя в порядок, тогда как другие за них светили? Нужно очень пристально смотреть на небо, чтобы различить незатейливые звёздные ухищрения, но это никак не влияет на всеобщую переливающуюся радость.

С каждым мгновением становится всё светлее и светлее, и некоторые звёзды кажутся величиной с хорошее яблоко. Они так ослепительно сверкают, что порой приходится опускать глаза, с удивлением разглядывая безжизненные снега и застывшие ели. А взгляд опять неудержимо поднимается к звёздам, и нет желания противиться этому нахлынувшему чувству.

Даже присмирившие ели будто пробуждаются на время ото сна, вытягиваются верхушками к небу, и стоят вокруг, как почётные стражи.

Похоже, и они готовы неумоимо переживать в этом ослепительном ночном мире всё то, что переживает человек.

Звезда - это всегда блеск, сверкание, сияющая и загадочная новизна. Ею в народе называли белое пятно на лбу коровы или лошади, а потом и само животное. Господь Бог, каждодневно облачаясь в небеса и подпоясываясь зорями, застегивался яркими звездами...

Представление людей о ночном зимнем небе и звёздах всегда было волшебным и сказочно. Все люди жили под его бесконечным господством, и впитывали в себя его неиссякаемую энергию. Даже не глядя вверх, можно было ощущать звёздное присутствие, быть очарованным им и желать чего-то несбыточного, но очень манящего.

Умиротворенной зимней порой ночное небо казалось бархатным, и звёзды на нём сияли озорно и зазывно. В рождественские морозы весёлые блёстки от звёзд прилетали на землю и усыпали деревья, дома и дороги. Кажется, они даже празднично хрустели под ногами, и сами собой несли тебя к какой-нибудь радостной зимней встрече.

Втайне встреча эта всегда ожидалась, и ты знал, что она лежит за пределами дома, где-нибудь там, в замершем лесу или заснеженном поле: зимой ей почему-то не было места среди людей, и восторженное ожидание какого-то чудесного открытия происходило именно от звёздного света. Только с него начиналась добрая сказка зимы, и за ней хотелось следовать до самой весны.

Но о весне пока ещё не думалось, потому как вела тебя по жизни зимняя дорога. То проторённой санями сверкающей твердью, то убаюканной метелями тропой среди величественных сугробов. И всегда ты непроизвольно поднимал голову к звёздному небу, как будто желая услышать долгожданный ответ.

А небо многозначительно молчало, подмигивая тебе яркими звёздами, и всем своим видом будто намекало поторопиться до грядущей непогоды: ведь зимой тебе, как никогда, желалось настоящей сказки. Без неё не жить русскому человеку посреди зимы, и не мечтать о празднике света. Только звёздная сказка могла открыть человеку его непостижимое будущее.

По одному старинному поверью, звёзды золотым зерном по ночному бархату неба рассыпал ясный месяц, когда они с красным солнцем свадьбу справляли. Были там невероятной красоты алмазы, яркий яхонт да крупный жемчуг: в них невеста, выходя к жениху, облачалась. А гости гребли драгоценности целыми лукошками, и никто при этом не жадничал. Всем ночного золота хватало: бери - сколько вздумается!

Каждая звезда, будто жемчужина самородная сияла, и как им было тоже не закатиться в карман любознательного человека! Он их, не ведая страха или корысти, собирал и другим раздавал, а люди оттого его благодарили. Хорошо, если им было - куда их девать, и люди знали, чего в жизни хотят.

Ведь звезда от долгого раздумья и недоброй воли теряет свой блеск и взлетает обратно, в уже недостижимые для человека небеса, так что в руках его остаётся только её тень. И ещё ощущение навсегда утерянного тепла, что могло принести удивительное одухотворение.

Другая легенда гласила, что сам Бог золотое монисто по небесным закромам разбросал, ровно не ведая, кто его собирать будет. Такое оно волшебное, что, кому вынется, тому сбудется, а сбудется - не минуется. Хорошо, если отыскал это богатство, размётанное Господом в божественно прекрасной вышине...

Ещё люди представляли небо светлым теремом Божьим, со звёздами вместо окон. Из этих окон смотрят на белый свет ангелы Господни, и несть им числа. У каждой живой души на земле свой звёздный ангел-хранитель.

Народится человек, и Бог назначает ему ангела - стеречь, чтобы не совершал он каждодневного греха, не устояв от ухищрений дьявольской силы. Откроет тогда ангел своё окошечко, сядет да и смотрит с небесной высоты на подопечного ему сына земли. Каждое дело, совершаемое на земле человеком, в книгу особенную записывает, только успевает страницы перелистывать: людям же внизу чудится, будто звёзды переливаются.

Умер человек - и захлопывается окно невидимыми ставнями, а звезда падает на грудь земную. Кто увидит такую звезду, да успеет загадать желание, у того всё непременно сбудется.

А кто-то воспринимал небесные звёзды Божьими очами, беспристрастно всеведущими и всевидящими. Так же, как и ангелы, наблюдая за всем миром, Бог не допускал себе вольности и следил за справедливостью. Вспыхивая радостным блеском - звёзды отмечали на земле праведность, когда же светила тусклые и еле мигают, сожалели о совершаемых человеком грехах.

Люди всегда стремились охватить собственным знанием звёздное пространство, и не пугала их эта бесконечная тьма. Так увидели они ту, самую главную звезду, что показала волхвам путь к Христу. Когда родила Дева Мария Иисуса, то и звезда родилась на небе, а остальные, словно свечи Божией Матери, загорелись. Как будто за всех людей радуясь и провозглашая начало новой, более светлой и благостной жизни.

Не зря издавна повелось поверье, что звёзд на небе столько, сколько людей на земле. Но бесконечны силы Вселенной, и звёзды, как и люди, нарождаясь одна за другой, отличаются по своему блеску, величине и окраске. Согласно характеру - звёзды получают себе имя, и каждая несёт в себе какое-то особенное значение: звезда от звезды разнится в своей добродетельной славе.

Самые дружные звёзды образовывали между собою созвездия, поражая своей красотой любознательное человеческое восприятие. Звёзды управляли целыми народами, а звёздами - сам Бог. Так божественному небу было удобно удерживать жизнь на земле в необходимом для неё мудром равновесии.

Но как бы высоко не распростёрлось над людьми звёздное небо, оно, по народному поверью, всё же, концами в землю упиралось. Человек, при желании, мог на него взобраться и достать свою звезду. До того места, где небо сходится с землей, добирался только тот, кто был исполнен премудрости.

Каждый живущий на земле способен был стать им, потому как самая родная звезда всегда стояла у него над головой. Он мог обратить лицо к её свету, и она это замечала. Всякая звезда радовалась оказанному ей вниманию, и рано или поздно приветствовала человека. Нравящиеся людям к собственной жизни постепенно открывало им всё более ясное звёздное небо.

Но больше всего привлекали к себе падающие в ночном небе звезды. Люди тогда о смерти думать забывали, и у каждого из них в сердце новая мечта зажигалась. Очень ей хотелось ещё одной звёздочкой на небе загореться, просить на нём долго и, опалив на прощание кого-нибудь добрым светом, радостно погаснуть. Так звёзды, вспыхивая друг для друга, никогда на самом деле не умирали.

Звёзд на небе больше было зимою, в отличие от страдного летнего времени. Именно тогда падало наибольшее количество звёзд: так повелевал Господь. Как только душа человека прилетала на небо, Бог заставлял ангелов сбросить одну звезду, чтобы все люди знали о кончине человека и помолились за него. Зима же, как никакое другое время, предполагала к накоплению необходимых жизненных сил и воли.

Кто-то искренне думал, что в виде падающей звезды Бог свергал с неба нечистую силу, и во время падения звезды надо креститься и произносить слово «аминь». Чем большее число раз успеешь его произнести, тем глубже сатана уйдёт при падении в землю.

Ещё существовало мнение, что падающие звезды - это свечи, поставленные сатаной по какому-либо из подвластных ему чертей... Но Бог видит его хитрости, и чёртову свечку немедленно сбрасывает с небес. Она и летит вниз в виде падающей звезды.

Все падающие звёзды красивы, и хорошо, если они сыплются с неба только к снегу, не предвещая ничего, кроме радости их неземного озарения. По мнению некоторых народов, звезда всё же могла причинить вред, если падала на ничего не подозревающее животное или человека. Когда пострадавший сильно заболел, и никто не мог определить причину его болезни, то говорили, что на него звезда упала: на человека словно ложилась печать непоправимой обречённости, и не было ему тогда спасения.

А ещё говорили, что все звёзды не стоят одного месяца, ибо он по упавшей звезде не тужит. Даже вместе взятые, они не составят его блеска и силы, и не смогут светить так зазывно и ярко. Свет, испускаемый звёздами, как, впрочем, и у месяца, холодный, не согревающий всю земную природу. Но разве сравниться им с его, словно начищенной снегом красотой?!

Сквозь безграничную даль пространства бледные лучи звёзд пронзают ночную темноту, и не в силах разогнать её. На это способен только месяц, что копит в себе животворный сок очаровывающего свечения. А может, это звёзды собирают его своим невидимым трудом, и благословляют месяц на всеобщее радостное обозрение?!

Месяц за то относится к звёздам с уважением, и всегда привечает их, но нелегко ему расточать своё красочное великолепие. Хотя у него его много, сорвавшихся с неба звёзд он провожает чуть с сожалеющей, но доброй улыбкой, как ещё одно воздаяние человеческим судьбам, что неотделимы от божественного неба. Месяцу хочется позабавить и мир людей, и всё небесное пространство, особенно – зимой, потому как живёт он отражением их соединенной жизни, черпая в ней неиссякаемую радость.

Про звёзды, так же, как и про солнце с луной, в народе сложили немало замечательных поговорок. «Не считай звёзды, а гляди под ноги: ничего не найдёшь, так хоть не упадёшь!» - советовали рассеянному человеку. Верхогляду приговаривали: «Жить - живи, да решетом звёзд в воде не лови!» Обманщика и льстеца можно было, не без успеха, так подзадорить: «Часты звёзды, яркие звёзды, да рассыпчаты; сладки речи, звонки речи, да обманчивы!»

Звёздные загадки звучали весело и живо, они были полны незатухающего огня. «Рассыпался горох на тысячи дорог? - выпаливали вмиг, ровно сами звёзды покатались по сказочному небосклону. Или так сочно, по-народному: «Полно корыто огурцов намыто?» А ещё - с замиранием духа, красиво, да вкрадчиво: «Поле не отмерено, овцы не считаны, пастух рогатый?»

Многие люди не склонны верить ночному зимнему небу, но именно вид звёздного неба и самих звёзд породил немало добрых примет. Блеск звёзд и их чарующее мерцание предполагало ясную погоду, и хоть нельзя было рассчитывать на её постоянство, зимний холод не был обузой. Чем темнее ночь, тем ярче звёзды, и даже когда на облачном небе звёзд совсем не видно, ты знаешь, что они из-за этого светить не перестают.

Зимой звёзды ярко блещут, посылая лучи во все стороны, - к сильному морозу с ветром. В какой части неба звёзды засияли сильнее - оттуда непогоду надует. Если же у звёзд лучи тёмные - ожидай скорой метели.

Разные предсказания строили по кажущейся величине звёзд, а также по их движению на небе. Звёзды маленькие, словно затерянные в бесконечной вышине песчинки, предвещали снег. Звёзды яркие и пляшущие - лютые морозы. Когда казалось, что звёзды на небе как будто бегут, - будет ветер. Те звёзды, что забирались высоко, а светили тускло, обещали оттепель.

Звёзды, как солнце и луна, бывают иногда окружены туманными кругами, предвещающими либо ветер, либо снег, либо ясную погоду. Белые и красные круги около звезды - к вёдру, круги тёмного, зелёного и бледного

цветов - к ненастью. Дурную погоду также предрекала большая звезда, появившаяся вблизи лунного диска и следующая за ним, как цыплёнок за наседкой.

Звёзды тоже, как и месяц, по уверению умудрённого жизненным опытом народа, влияли на урожай. Ясная звёздная россыпь в ночь под Рождество - значит, поджидали красные девицы изобильного урожая ягод да грибов. Яркие звёзды во все святочные ночи - так и урожай хлебов будет добрый, и пчела хорошо роиться станет, и гречиху сеять можно без опаски перед градом, а овцы примутся ягниться дружнее дружного. Яркая игра звёзд перед яровым севом обещала богатые яровые.

По девичьей примете, звёзды падали к девичьей судьбе: в какую сторону на Святки звезда упадёт, когда на неё смотрит загадывающая девушка, в той стороне и суженый живёт.

Старики утверждали, что у того, кто часто смотрит на звёздную россыпь, у того глаза будут зоркие. Каждая звезда ровно проникает в человеческую душу, зажигая в ней необыкновенные знания. Недаром, прося благословения у Господа, от синего моря желают принять силу, от буйного ветра - храбрость, а от частых звезд - зрение.

Также и накануне Рождества: запасшись всем, что даст Бог к этому празднику, с благоговением ждёт человек появления на небе первой вечерней звезды. Верует он, что это загорается та самая звезда, что более двух тысячелетий тому назад возвестила волхвам о рождении Сына Божия в Вифлееме иудейском. Целый день постятся благочестивые люди в Рождественский сочельник, не принимая «до первой звезды» никакой пищи. Только духом святым сыты в ожидании её, что завещал им сам Господь Бог.

Наступает праздничный вечер, бережно покрывает синими тенями пушистые снега: сплошное благолепие вокруг и тишина. Всё торжественно напряжено в ожидании святого предзнаменования. И вот, вспыхивает на востоке трепетной свечой долгожданная звезда...

Взоры всех верующих людей, как близких по крови, так и далёких между собой, устремлены на неё. «Христос родился!» - раздаётся радостный их голос, что разносится вместе с колокольным звоном по всей Руси Великой. Над замолкшими лесами и полями, через города и сёла, по всему неоглядному простору русских дорог плывёт он свободным волеизъявлением, и всякий его слышит, понимает и впитывает в себя.

А звезда светит мудро, ещё более набираясь соком волшебного причастия, так, что каждый может ей открыться, любовно исповедуясь. «Празднуем, звезда, вместе с тобой нашу долю людскую, с небом праведным единую! Славься свет твой божественный, и да пребудет он долгие веки и многие лета!»

Спокойно внимает звезда людскому обращению и зажигает в доме всяких доброхотных хозяев свой проникновенный огонь. Огонь этот привлекает к себе колядующих, благочестиво отстоявших всенощную и заутреню, а хозяева их заслуженно одаривают. Больше всего достаётся

малым ребятишкам, один из них несёт на палке зажжённый фонарь в виде звезды, а остальные бегут за ним на каждый двор, куда только их пускают. Звезда никого не даёт в обиду и всех оберегает, кто благодарен ей за её загадочное появление.

Сами слова «рождественская звезда» - кажутся сказочными и желанными. При первом её блеске старший вносил в дом связку сена, устилал им лавку в красном углу и накрывал чистой скатертью... Затем на неё, под божницу, ставили не обмолоченный сноп ржи и кашу с плодовым взваром. Так начиналась эта «звёздная вечеря».

За вечерю вкусно ели, гадали о будущем урожае и не забывали думать о непрекращающемся свете любимой звезды. В самую полночь она должна была растворить небесные врата, и с заоблачных высот сходил на землю Сын Божий, открывая взорам праведных все неопределимые сокровища. Из своих сказочных пределов звезда посылала на одетую снежной пеленой землю богатые дары, и, если кто о чём-нибудь загадывал, всё непременно сбывалось.

Многие могли увидеть люди, достойно ожидающие свою звезду, да только с каждым годом труднее это делать из-за затемняющих небо нераскаянных грехов человеческих. А как ни смотри на небо грешная душа, ничего, кроме синего полога туч, ей не увидеть в эту великую ночь откровений. Надёжно хранит от них звезда свои неизъяснимые тайны и счастье.

У каждого человека свои звёзды. Одним они указывают путь в их бесконечных странствиях. Другие видят в них счастье своей единственной любви. Третьим звёзды кажутся удивительными мирами, каких они достигают в мечтательных снах. Звездочёты разбирают по звёздам великие загадки Вселенной. А кому-то звёзды - просто холодные и недостижимые огоньки, от которых нет никакой пользы.

Для обыкновенных людей звёзды веками стоят над землёй недвижно, и смотрят друг на друга с холодной тоской. Но на самом деле отношения их богаты, звёзды говорят меж собой на прекрасном языке любви, и он известен только влюблённым. Как кто-то кого-то разлюбит - звезда их падает с высот, и уже больше ей не взойти. Одинокaя ночь тогда принимает тебя, а возшедшие звёзды кажутся опять печальными и безликими.

Кто добр сердцем и замечает звёзды, тот взирает на них с глубоким уважением: звёздное небо - есть великая мудрость. Оно даровано человеку в наследство от далёких миров, чтобы, не переставая, гляделся он в карту своего будущего. Звёзды великодушно освещают ему отмеченные на ней непроторённые пути в бесконечность. Ещё звёзды предсказывают человеку его счастье и беду, оберегая от земного лиха. Только достойному доверчиво дарят они свой свет, и он чувствует его и принимает.

Наблюдая звёзды, мы уносимся в далёкое прошлое, потому что видим их не такими, какие они есть в момент наблюдения, а такими, какие они были в тот момент, когда попавший в наш глаз луч звезды покинул их. Там, в

невообразимой бесконечности веков, они родились и освещали собой иные миры. На заре своей горячей юности звёзды сверкали в вышине голубыми фонариками, и прошла, наверное, целая вечность, прежде чем они превратились в белые, желтые и, наконец, самые холодные - оранжевые. Именно такой цвет зажигали они в себе напоследок, возвещая человеку о своей прекрасной кончине.

Даже невероятно представить себе эти расстояния, что соединяют нас с давно минувшим. Звезда уже погасла, а свет от неё до сих пор остаётся в пространстве. Мы видим его, и нам кажется, что звезда жива: каждый вечер она ласково приветствует нас своим тихим мерцанием и оберегает сон. Прошлое не расстанется с нами: оно смотрится в будущее.

Где-то там, в небесной вышине, сияет, наверное, и твоя звезда - холодная хранительница судьбы, вечная спутница и подруга. Восхитительной надеждой горит она одна, пленяет взор, рождает мечты. И ещё зовёт с высоты к себе, не в укор злополучной человеческой судьбе, а во имя утверждения в своём сердце справедливости и добра.

Далёкая и желанная, сражаясь с вечной темнотой, она несёт исстрадавшейся душе покой. Когда её нет и небо подёрнуто облаками, заставшими весь горизонт, тебе бывает так одиноко, и ты вспоминаешь её, и думаешь: уж не оставила ли она своего слугу?! Но звезда молчит, и ты понимаешь, что надеяться стоит только на самого себя.

Рано или поздно звезда возвращается, неслышно всплывая над твоей головой, и ты радуешься, что она не бросала тебя, а только предоставляла тебе право собственного выбора. Звезда охраняла тебя на твоём пути, гордилась тобой, и, может быть, ты был ей дорог. Она любила тебя только ей присущей любовью, потому что ты заслужил её, ты - человек.

Вволю насладившись её присутствием, ты вдруг открываешь для себя, что если и завидовал кому-нибудь в жизни, так только ясным звёздам. Не для того, чтобы занять их место, а чтобы лишь взирать с заснеженной земли на вспыхивающие алмазы звёзд, и восхищаться их умудрённой поступью в ночи, умирая от сладостной тоски, что не придётся самому, хотя бы однажды, взлететь в восторженные небеса. Вознестись в божественную вышину, чтобы засветиться там розовой, голубой или зелёной надеждой зажечь, наконец-то, по-настоящему, открыто и празднично, как сверкают звёзды к богатому урожаю, когда усыпанное ими небо щедро раздвигает надо всем миром свой волшебный занавес, а не так, как это водится у человека: словами назвежит, но на деле – ни с места... Свет же звезды – её незатухающая душа, благочестивый навет для досужего человека, что и сам готов, не уставая, трудиться душой и светить.

Не зря по звёздам корабли ходят, и человеку надлежит учиться у неба бесконечному терпению, постигая, что вся ширь и глубь Вселенной призывает и его душу раскрыться для неё так же смело, без страха, как и она

с надеждой взирает на нас из своих неведомых глубин, которые, конечно, прекрасны. Иначе и быть не может при той сказочной глубине звёздного неба, что ненавязчиво, из века в век, указывает нам верный путь.

Душа человека неудержимо стремится к небесам, и он не чувствует в них никакого отказа: величественный небосвод готов разговаривать с человеком обо всём, даже - о самом сокровенном. Вознося его во снах и мечтах, казалось бы, на недостижимую высоту, небо обещает там ему блаженную вечность.

Все мы под звёздным небом ходим, и не боимся, что оно провалится. Небо для нас облачается в чудесные одежды, подпоясывается ослепительными зорями и застёгивается яркими звёздами. Небо – нетленная риза Господня, престол Бога, а земля – его подножие. И всё-таки, небеса проповедуют нам не только славу Господню, но и простую истину: в небо приходящим – отказу не бывает, и о чём открытому небу помолишься, то сбудется. Если бы не мороз, то и овёс бы до неба дорос!

Звёзды призывают нас мечтать, играя нашим воображением, и человек представляет себе жизнь достойную и праведную, что не минует его, если не считать счастье несбыточным. Мечтать о настоящем и осуществлять его, значит, утверждать на земле божественные наказы – любить и радоваться, а помогают в этом человеку разноликие восхитительные звёзды. Звёзды заповедуют ему своим таинственным свечением ясную дорогу к самым заветным истинам Божественного откровения.

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Сказать, что зимний вид великолепен, значит, просто неумело оговориться: он сплетён из невероятного числа еле ощутимых, но удивительно жизненных построений. Все они слагаются, как ни странно, из снега, то отражающего, то скрывающего их.

Медленно кружась, плавно опускается снег на землю, как будто чему-то радостно улыбаясь. Час от часу он становится гуще, приятно околдовывает, но не утомляет. Наверное, ему хочется достичь в самом себе всеобщего умиротворения, и это у него, несомненно, получается.

Всегда интересно смотреть на тихое падение снега. Небеса будто переполнены сказочным пухом, воздух весь дышит невидимым движением, и слух поражает необыкновенная тишина. И вдруг, с какой-то томительной, но приятной болью, постигаешь, что наступают бесконечно длинные снежные сумерки, способные застить от тебя суть земной жизни. Но ты не боишься ничего, а только сопереживаешь этому умиротворяющему желанию природы.

По-своему снег хорош для всякого времени года. От него избавлено только лето...

Ближе к весне снег превращается в настоящую укатанную дорогу. Эта надёжность пусть кратковременной, но кажущейся бездонной под ногами

опоры очень приятна. Уже основательно просев, и гулко ухая в разбуженной лесной глуши, он сладко пугает взбудораженное весной сердце.

Любопытна ещё подвижность снега, какую он порой создаёт в апреле, когда, кажется, плывут над землёй целые поляны вместе с застывшими от счастья берёзками... А как чудесна радость переживания от его нарождающегося повсюду необыкновенного света!

Осенью снег – Божья благодать. С каждым днём укутывая землю пуховым покрывалом, он оберегает её от замерзания, а животных и птиц – от голода. Доступность вкрадчивого проникновения снега в любые уголки леса кажется удивительной.

Весь засыпанный снегом, теперь зимний мир становится удивительной картой скрытой лесной жизни. Зайцу, белой куропатке и горностаю снег даёт ощущение безопасности. Его используют для укрытия необыкновенные лесные птицы - рябчики, тетерева и глухари. Холодный на ощупь, он обогревает их всех, даря укромное тепло, покой и благо.

Для человека же снег - особое знамение, порождающее в душе предощущение чего-то значительного. Всегда невероятно близкий ему, он в то же время остаётся пришельцем из иных далёких времен. Снег приносит с собой мудрую, какую-то нужную правду, и окутывает собой всю русскую землю, оберегая её от одолевающих сомнений.

По мере того как исчезают под снегом земля, кусты и деревья, всё больше появляется следов птиц и животных. Следы оживляют однообразную зимнюю картину и зовут за собой.

Трудно удержаться, чтобы не отправиться в эту пору в лес, разгадывая скрывающуюся за следами тайну. Следы несут в себе много интересного и увлекательного, они открывают человеку то, что он никогда бы не увидел осенью или летом.

С началом зимы всегда чудится, что всё живое исчезло из леса. Заметив же следы, ты приятно удивишься и обрадуешься, словно встретил давно забытое, но такое родное. Оказывается, следы жили в твоей памяти, и ты только ждал случая встретиться с ними. Зима великодушно предоставила его...

Опомнившись, поспешишь разглядеть их пристальнее, всё ещё не веря в реальность существующей поблизости сказки. Какой зверь и куда пробежал, и что он тут делал? С замиранием сердца оглядываешься: может, зверь затаился где-то здесь и вот-вот выскочит из чащи?

Но нет, осталась только снежная память, истаявший запах меха и обаяние зверя. Его нарисовало тебе живое воображение, освежённое зимой. В долгий путь отправилась она, и ты с головой отдался её следам, и ничего тебе стало не страшно.

С каким-то безоглядным восхищением окунаешься ты в эти неизвестно куда уводящие хороводы зимы, превращаясь то в лису, то в волка, то в мохнатого филина. Сказки леса неотвратимо подступают к тебе, влекут и не отпускают. Они западают в твою душу следами невидимых животных.

Первая страница зимы открывается с первой порошей, и автор этой белой книги - природа. Как много в ней записей, и сколько удовольствия доставит она любознательному читателю! Испещряющие снег строчки – это знаки удивительной жизни леса, что непреклонно увлекают за собой, открывая секреты существования его обитателей.

Выпадет снег за ночь, а под утро всё стихает. За окном покойно, светло, уже по-зимнему мягко тикают в доме часы. На противоположной стороне лога ребятишки скатываются на досках, и их восторженные крики вязнут в замороженной тишине. Зато слышно, как перелетают на большой берёзе сороки, осыпая снег с её ветвей.

В снежное морозное утро хорошеют замершие поля, леса, и даже птицы. Всё кажется ухоженным и уютным, так что не хочется ничего делать. Только взирать на то, что происходит в природе, и быть очарованным ей.

Пороша - это ещё одна зимняя благодать, когда так хорошо и весело бродить по снегу, разгадывая свежие звериные следы. В порошу свежо и холодно бьётся сердце, и хочется объять весь мир, словно ты идёшь навстречу своей свободе, чтобы творить только радость.

Медленно и незаметно входит в тебя чистейшая снежная тишина, и нет никаких плохих мыслей. Всё дело в пороше, её ровном, ненавязчивом свете. Чуть волнуясь, идёшь и не боишься, что радость исчезнет.

Вся эта чистота белеет так нетронуто, что страшно ступать по ней. Страшно нарушать её невинность. До боли приятно пронизывает она затаившееся в преддверии зимы сердце.

Ты идёшь, думаешь обо всём этом, и ещё о том, как сейчас светло и покойно в лесу. Что набегали там за ночь зайцы и белки, где рыскала лиса и отчего на окраине старой большой поляны изрыт в грязь весь снег. Ведь следы на снегу - это не только примета или признак угасшего прошлого, но и отпечаток проскользнувшей мимо тебя жизни. Зимой в лесу не пропадёшь из-за множества следов на снегу. Пойдёт снег, говорят, оставишь и след, а снегу нет - и следа нет.

По следу до всякого зверя можно дойти, и всякий след в народе имеет своё имя. Заячий - малик, лисий - нарыск, волчий - сакма, медвежий - переступы, след такого мелкого зверька, как горностай или ласка, побежка, а хорошо заметные кресты, уводящие в заснеженную хвойную глушь, принадлежат глухарям. Торный же след выдры или ондатры, протянувшийся сплошной полосой от одной излучины реки к другой, зовётся лазом. Все они друг на друга не похожи, как и звери, что оставляют о себе на снегу хрупкую память, и всю зиму безуспешно от неё убегают.

Для домашних животных зима начинается с заботы о них человека, с заботы о их сытости и тепле, потому что от этого зависит добро хозяина. Тёмно-синими вечерами скот спокойно дремлет под неторопливые женские разговоры во время их привычной вечерней работы. В уютном тепле замкнутого парного хлева животные чувствуют себя до дурноты

безропотными, какими-то очень близкими, родными. В них сосредоточены доморощенность зимней деревни, её сирое обаяние и крепкий быт.

Лесным же обитателям приходится позаботиться о себе самим, и с того, как это делают многие из них, начинается главная сказка русской лесной жизни.

Наступает на лес трескучий холод, земля ещё больше покрывается снегом, и мороз надёжно скрепляет её белые одежды. Незаметно подкрадываются бесноватые силы тьмы, ночи становятся длиннее, а свет короче. Зима залегает всё глуше и глуше.

Замирает повсюду лесная жизнь: для многих птиц и зверей она на неопределенное время отступает, потому что не может быть ещё между ними любви, как у человека. Но не все лесные жители забывают в эту глухую пору о продлении рода и жизни. Зима для них оказывается богатой на труды, что предшествуют приходу весны: это время невидимо зарождающихся для человека лесных свадеб, как это происходит у воронов или клестов, а у медведицы в январе появляются в берлоге медвежата.

Неслышно течёт зима для кого-то из зверей в предвкушении будущего рождения, а для других, что пока и не мечтают о продолжении рода, она холодна и страшна неумолимым инстинктом выживания. В этом заключается её сокровенный смысл: белёсое солнце и горячая кровь, напрягшиеся от мороза звёзды и закипающее в остервенелом беге зимы дыхание... Всем и каждому, в меру отпущенных природой сил.

Так, видно, угодно невидимому лесному богу, круглый год правившему зверьми и стерегущему их. Не боится он, что снег зверям беду накличет, а наоборот, сбережёт и успокоит. Следы же на снегу - утеха тем, кто без сказки жизнь свою не представляет, находя удовольствие в том, чтобы бесконечно распутывать клубок неизгладимых лесных впечатлений.

Переступы

Движения медведя всегда выглядят неторопливыми, даже с виду подавляющими. В этой ленивой поступи лесного исполина сразу угадывается его громоздкость и неповоротливость. Нехотя переваливаясь, медведь как будто тотчас забывает о том, что минуло на его жизненном пути, и ни о чём, кажется, не заботится.

Медведь и не шагает, как лось, и не бредёт, как волк, и не рыщет наподобие того, как это делает лисица с росомахой, а именно размеренно ступает, неприхотливо, но с достоинством неся своё могучее тело. Вернее даже — переступает, потому как косолапый, и так ему удобнее всего переставлять лапы, передвигаясь по лесу. Ступает медведь неуклюже, будто ему берестяные лапти на лапы надели, а он никак не может к ним приноровиться.

Идёт себе неспешно куда-то, словно утопая в своей безмерной звериной мощи. Некого ему страшиться в лесу, и оттого медведь горя не знает.

Обременённый силой, он безбоязненно ходит неслышно ночами, а на день залегает в разрытый им муравейник.

Ни с чьим другим следом в лесу отпечатки медвежьих лап спутать нельзя. Пухлую, широкую ступню с мякишами пальцев разберёт всякий. К тому же след медведя очень большой, а подобные ему звери в наших лесах не водятся.

Иногда следы медведя вызывают улыбку, такими они кажутся непутёвыми и косолапыми. Просто какой-то неловкий недотёпа проковылял без всякой цели по лесной дороге, и затерялся в чаще. Ровно зверь и сам не ведает, для чего он родился и что ему надлежит в жизни делать. Бестолково мотается по лесу, веселя всех своим неподражаемым обаянием.

Внутренняя лесная жизнь лучше всего отражена именно в том, как осторожно медведь переставляет лапы, неся в своей неторопливой поступи истинную сокровенность леса и его дремучесть. И тут немудрено напугаться, неожиданно натолкнувшись на недавнее присутствие зверя. Особенно когда заметишь провалившиеся в сыром снегу следы медведя после зимней спячки. Следы утопают до самой земли, и ты невольно насторожишься и присядешь перед ними, чтобы разглядеть.

Ощутимая потаённость медвежьей поступи наиболее цельно возникает именно ранней весной, когда снегу ещё много, и зверь только поднялся из берлоги. В этих зияющих снежных пустотах затаилась непредсказуемость медведя, его неограниченная свобода. Истратив за зиму часть запасов, медведь бродит по ещё не проснувшемуся лесу злой и голодный.

Любого могут устроить такие следы, грозно исчезающие в глубине леса. За каждым вывороченным бурей корнем видится опасность, а тяжёлый пасмурный воздух только усугубляет это неприятное впечатление. Вмиг разыгравшееся воображение живо рисует яростного и хищного зверя, поднимающегося перед тобой на дыбы. Не сравнить его с тем косолапым недотёпой, что впопыхах улепётывает от человека, столкнувшись с ним летом в малиннике.

И всё же хочется идти по этим следам, ступая прямо в них мокрыми сапогами. Крошащийся снег приятно холодит ноги, и в ноздри ударяет запах сырой хвои. Идти сообразно медведю очень сложно, и вскоре ты сбиваешься с ритма его шагов, а затея идти по медвежьему следу представляется пустой.

С бьющимся сердцем вглядываешься в неспешно удаляющиеся в снегу провалы, и на душе отчего-то становится хорошо и грустно, что не увидел ты медведя, но он существует. Шёл прямо вот тут глухой чашей лесной воевода, и в ней же сгинул: как будто его и не было. А следы остались приятным воспоминанием о величественном звере, в котором так много тёмного и неповоротливого, но очень милого.

Любящему лес человеку много радости приносят увиденные следы медведя. Редок этот зверь, не всякому даже умелому следопыту доступен. Да и тайга, в которую ты забрался, уже не кажется такой пустячной. Лесной

архимандрит словно освящает её своим добрым присутствием, привнося и крепость духа, и невысказанную тайну.

Но человеку на него молиться не пристало. Надлежит лишь не трогать зверя, восхищаться его силой и остерегаться встреч, осторожно постигая все секреты косолапого. Медведь тогда ответит тебе своим лесным расположением, даже - интересом, и назовёшь его с почтением - Михайло Потапыч.

Сакма

Всё в медведе кажется соизмеримым, и даже при всей его темноте как-то без страха воспринимаешь существование зверя и вероятность столкновения с ним в лесу. Силён, говорят, медведь, да воли нет: она выкована в волке, который хищник по природе, а не по зависти. И хоть известно, что всякий год волк линяет, но нрава своего при этом не переменяет.

Волка ноги кормят, и не боится он след за собой оставить. Бывает, волчья стая глубокую тропу набьёт, но с пути своего не отворотит, если добыча им дорога. Не умеет волк не прожить – и не добыть: только дураки о добыче спорят, а серые разбойники её делят.

Одиному путнику встреча с волком не сулит ничего хорошего. Ничто несравнимо с неожиданно восставшим в тебе чувством страха, когда ненароком оказываешься в зимнем лесу один на один со зверем, и обмякаешь: нахлынувшее помутнение равносильно приходящему весной теплу... Хорошо, если выскочивший перед тобой зверь напугался ещё больше, и тогда всё случившееся обретает радостный смысл.

Но вокруг залегла зима, и ты понимаешь, как восприимчив теперь волк. Зима торит ему тропку наглуую, когда волк берёт внезапностью и силой, сразу замечая, как человек относится к нему. В отличие от собаки, он более выдержан и умен: волк точно знает, кого ему следует опасаться, а кого нет.

Взгляд зверя тотчас холодеет, растворяясь в тебе тоненькой струйкой страха, и отбрасывает к чему-то давно забытому, далёкому и дикому. Когда ты не боялся увидеть чёрного ворона или встретиться в лесу с каким-либо хищником. Ты сам родился им в утробе природы и не верил, что когда-нибудь тебе суждено стать человеком. А кто-то до сих пор воеет волком за свою овечью простоту, не зная, что удача нахрап любит.

И, конечно, не дай Бог встретить на своём пути голодный выводок во главе с волчицей и матёрым!

Волков у нас никогда не любили и боялись настолько, что местами волком называть избегали, дабы встречу с ним не накликать. Оттого, наверное, в народе к нему и привилось прозвище – «серый». «Волком» же на Руси прозывали вконец посрамленного, проворовавшегося человека, которого водили по деревне в шкуре украденной им скотины, сопровождая бранью, побоями и хохотом. После того человек тот навек был опозорен.

Благодаря особой свирепости и силе, какой-то непостижимой волчьей сути, народная молва приписывала этому зверю почти колдовские чары. Зверь-оборотень, вурдалак, мог обойти любого человека, и не уйти тогда тому живым. Растворившись в серых сумерках, волк возникал там, где его не ждали, и исчезал так же незаметно, как и появлялся.

Неприхотливый, выносливый и умный, волк никогда не был прямолинеен и, кажется, хранил в себе всю звериную волю. Неутомимо и нестигаемо преодолевая бескрайние снега, он нёс для обитателей леса здоровье, прося за то совсем недорогую плату. «Упрямая овца - волку корысть», - всегда примечали умные люди, и это было мудро, потому как, по той же народной примете, добычу в зубы зверю сам Георгий давал.

Что и говорить, не про волка растут красные яблоки, и создан он таким всем на благо. Неуловимой серой тенью, существуя где-то рядом, волк учит многому, остерегая становиться равнодушным к жизни. Собаке - не ступать на волчий след: оглянется, ан тут её и нет! Человеку - не ставить недруга овцою, представляя его самим собою. Не в меру суетливому, да прыткому всегда с лихвой заметят: не суйся в волки, когда хвост тёлкин!

Кое-кому через волка следует усвоить добрый ум, скромность и честность. Если пастухи воруют, а на волка поклёп идёт, не забывают ли они о собственной душе?! И на самом ли деле ненасытный человек смирнее сытого зверя?! Всякий должен задуматься про себя: отчего он не заметил, как волк носит, а только волка понесли - сразу разглядел?

Всегда человеку было удобно свои грехи на волка списывать, вот оттого он и приучился верить зверю в тороках. Мёртвым, а не живым предпочитал видеть человек волка, не подозревая о том, что сам его к себе своим страхом привязывает. Не зря говорят: где про волка дума и речь, там он тебе и навстречь.

Но несподручно волку сеном брюхо набивать, так уж он устроен. Бояться же его зимой потому, что он больше голодом её проживает, в отличие от лисы-лакомки. И разве не поверишь тогда горьким волчьим слезам, что проливает он под ясным морозным небом?! Вот старики и считали встречу с ним к добру, как если бы то была девица с полными ведрами, жид или медведь.

Твёрдо и целенаправленно тянется через всю зиму волчий след: выдержан ход у стаи, несуетлив. Не сворачивая и не останавливаясь на мелочах, движется она в поиске желанной добычи. Кажется иногда, что и не нужна она волкам вовсе, а влечёт их какое-то неясное им самим беспокойство.

Нет в том ненасытности или какой-либо безудержной страсти, а только терпение, достоинство и воля. Так её у зверя много, что, кажется, он даже не знает, куда её девать. Может он в ней захлебнуться, как в снегах и метелях, а может, благодаря этой природной правде, спастись.

Не зря в народе поговорка ведётся: у спесивого – волчья шея, то есть – не гнётся. Но волк не глуп, и не надменен, он удивительно гибок. Оттого, наверное, неудержимо манит к себе волчья тропа, и пугает.

Обычно волки идут рысью, к поживе – шагом. От опасности же бросаются в карьер, что на них совсем не похоже. Но, как ни поворачивай судьба, а волку роль убегающего не подходит: привык он к лесу особняком держаться, как будто не замечая ни рыси, ни кабана, ни медведя. Дела волку нет до чужой силы, если она попытается дорогу ему перейти, даже если она в лесу рождена: гордо и независимо несёт он своё звериное звание.

Следы у волка, как у лисицы, ложатся ровной цепочкой. Расстояние между следами одинаковое, в отличие от собаки. К тому же у собаки след разбросан, а у волка – прямолинейен, собран.

Перед тем как лечь, он скидывается по ветру и укладывается через несколько сот метров. И всегда маскирует свой след, выбирая при этом старые следы и дороги.

Нельзя сказать, что след волка – большая редкость, но иной раз проходит половина зимы, а ты его так и не встретишь. За своими интересами о зайцах, белках и глухарях начисто забудешь о существовании зверя. Натолкнувшись же на его след, как-то необыкновенно обомлеешь и глядишь на него с замороженным интересом. Сразу готов всё бросить и идти по следу, чтобы угадывать, читать, впитывать: ведь это волк, самый красивый и удивительный зверь!

Но не угнаться тебе за стаей – волки прекрасные ходоки. Недаром говорят: волка ноги кормят. Вся жизнь зверей проходит в непрерывающемся движении, и в этом заключён смысл их жизни, приемлемый и для человека. Десятки километров преодолевают волки за сутки, оставляя за собой глубокую борозду. Кажется, что даже снег почтительно расступается под их крепко сбитыми грудными клетками, так волки в своём зверином устремлении свободны.

Ум волка хорошо виден там, где он использует в снежные зимы дороги: по ним удобно передвигаться и охотиться. Зверю есть, отчего не доверять людям, но он не упустит возможности пройтись и по лыжне. Понимает серый свою прямую выгоду так, что даже страх ему не помеха: ведь уплотнённый снег не только его самого выдерживает, но и зайцами помогает при случае поживиться.

При всей своей скрытности, волк немало интересного на снегу оставляет, если ты, подобно ему, не утомим. Вот у самой опушки березового леса два голодных зверя загнали бедного зайца. Весь снег здесь изрыт, истоптан и усыпан клюквой смерзшейся крови. Солнце высвечивает её так неожиданно на белом фоне, что закрываешь глаза и сразу представляешь, как всё это происходило...

А где-то в глухом и завьюженном метелями декабре вдруг упрёшься во взбитую стаей тропу, и войдёт она в тебя осиновым колом. Дыхание тотчас перехватит, кровь горячо ударит в виски и сердце томительно замрёт в груди,

так что не в силах охватить всего увиденного. Чудятся тебе волки где-то совсем рядом, вон за тем синеющим у лога ельничком...

Впереди волчица, за ней - прибылые, а замыкает цепь матерый зверь. И будто замер он у самой кромки леса и оглянулся, вперив в тебя холодный взгляд, но не повернул, а растворился в мгновение, ровно его и не было. Страшно и хорошо становится на душе, а низовая позёмка быстро замечает волчий след, будто всё это тебе приснилось.

Когда долгожданный март гостеприимно распахнёт перед тобой синие объятия и примет тебя в свое уютное лоно, ты отдаёшься ему с головой, и обо всём забываешь. Без памяти окунаешься в это пьянящее царство света. Все живое сейчас живет по его законам, а волки оставляют в нём свои следы. Это вытоптанные в глуши леса поляны, где совершаются скрытые от посторонних глаз волчьи свадьбы.

На них волки отрешённо предаются своей любви, и вся страсть их совокупления остаётся на снегу. Лес, кажется, расступается от присутствия возбуждённых животных. Снег у кустов окроплён мочевиной волчицы, и желтизна её сливается с солнцем и слепит. Всё увиденное поражает и повергает, и хочется жить волчьей жизнью: так же страстно и отрешённо.

Разгадывая все эти волчьи заботы, ты испытываешь незабываемые чувства, и всякий раз дивишься звериной смекалке. Хладнокровная нестигаемость ощущается в ней, каким бы волк ни был усталым. И ещё зверь без обиняков даёт понять: коли волком родился, лисой ни за что не бывать!

Волк - воплощение настоящей тайны, подаренной человеку лесом, а следы на снегу - это его незамерзающая душа. В них зверь бредёт неустрашимо через всю зиму, наверное, не очень переживая за уготованную ему судьбу. Свыкнувшись с постоянным преодолением своего жизненного неустройства, волк как будто забывается в зиме, и она его не пугает. Он удостоен такой нелегкой участи как избранный: волк очень многое пережил и знает.

Постоянно гонимый людьми, волк по натуре своей всё же не является исключительно злобным хищником. «Двуногий волк опаснее четвероногого, - не без оснований замечают в народе.— А иной раз и то бывает, что овца волка съедает». Вот и сказочный волк говорит человеческим голосом и одарен необычайной мудростью. Его даже наделяют крыльями: быстрее ветра переносит он царевича из одной стороны света в другую, помогая ему добыть чудесную жар-птицу. Да только в сказке волку праздник!

Видно, вовек не отыскать ему в лесу своей правды, а у человека тем более! Вынужден волк любить за то темноту зимнюю да долгую: в ней ему беду свою ненавистную миновать сподручнее. Воет он от голода и холода на бледноликую луну, так что в жуть людей бросает. И только Богом бережённый при этом не перекрестится, потому как знает: волк его не тронет.

Трудно увидеть зимой лося. В густой еловой тени, на фоне тёмных стволов деревьев, звери стоят такие же тёмные и неприметные. Стоят неподвижно, чуть шевеля ушами и мягкими губами.

Скупое зимнее солнце с трудом проникает в этот хвойный мрак, и лоси почти невидимы. Нужны намётанный глаз и хорошее знание леса, чтобы сразу различить этих крупных животных. Только лёгкие облачка прозрачного пара выдают зверей.

Любят лоси зимой держаться в потаённых ложках, у какой-нибудь неприметной лесной реки. Очутившись после нетронутой белизны полей в этом укромном царстве, зачарованно разглядываешь глубоко темнеющие в снегу наброды, горки шоколадного помёта, чуть подтаявшие и гладкие лежевины. Где-то здесь, рядом, слагается неторопливая звериная жизнь, и лоси представляются совершенно безобидными. В глубине зимы пыл их осенних сражений как будто начисто угасает, уступая место добродушной размеренности и покою.

В сильный мороз бывает, будто от старых берёз и елей стоит стон, и тогда лоси вздрагивают и настораживаются. Но никто их здесь не беспокоит, и они быстро успокаиваются. Получается это у них очень занятно, может быть, чуточку угрюмо, и звери опять размеренно поводят своими вытянутыми мордами, как будто недоумевая: чем ещё может удивить их зимний лес?

Не всегда удаётся встретить зверей в нём, и ты часто просто представляешь силуэты двух лосей, неторопливо удаляющихся по заснеженному взгорью твоего лесного прошлого. Лоси то останавливаются и настороженно поворачивают головы к тебе, то, вздрагивая шкурой и неловко мотнув мощно вылепленными рогами, медленно растворяются в чёрном лесу, а потом опять появляются и замирают. Нахождение этих величественных зверей в заснеженном лесу представляется каким-то волшебством, присущим только зимней поре.

Оконца их следов в подмороженном с утра снегу слегка голубеют и тоже завораживают своей глубиной. Тотчас представляются сухие, как палки, ноги лосей, очень стройные и крепкие, с массивными копытами, чуть вытянутыми в отличие от тех, что мы встречаем у лошадей. Хочется даже дотронуться до их глянцевой прохладной поверхности, и ощутить необоримую звериную силу.

Близость зверей, их совсем не кажущаяся доступность очень приятны. Чувствуешь, как и лосям приятно переживать всё то, что происходит с ними в эту непростую пору, которая и обыденна, и чудесна, включая все их нехитрые лесные заботы. Длинные ноги с узловатыми коленками, голенасто перемахивающие через синие сугробы, представляются почему-то чаще всего. Но сейчас лоси покойны: глубокие снега не позволяют им совершать

значительные перемещения, и они стоят или лежат неподвижно в глубине лесной чащи.

Несмотря на то, что из всех лесных жителей лоси - самые крупные животные, они, в тоже время, самые милые существа. Это понимаешь именно зимой. Следы их тянутся без разбору от одного деревца к другому, и только ободранная кора свидетельствует о зверином желании. Оно неизменно: лишь бы не переводилась сочная осинка да прочая молодая поросль. Лосю она - за милое дело!

Лось, вообще, во всех отношениях замечательное животное. Какой-то по-своему восприимчивый и тихий, он ничем особенным в лесу не выделяется. Живет себе мирно, ни о чём не тужит, но и радости никакой не выявляет. О чём лосю тужить, коли есть чем жить, а лосю живётся привольно среди сосенок и осин, в закрытой от ветров лесной низине, где по дну струится незамерзающий ручей. Мерно и умиротворённо протекают его лесные годы, особенно – зимой.

В синих снежных сумерках увидишь однажды понурые тени застывших у опушки леса зверей, и отчего-то умилишься. Ровно встретил старых, давно утерянных добрых знакомых, что, кажутся такими же молодыми, и ничуть не изменились. Радость случившегося откровения просто обуревают тебя, привнося в твою жизнь приподнятое настроение, и всё – благодаря милым лосям.

А звери по-прежнему стоят, молчаливо поглядывая в твою сторону, и только мягкие губы выдают напряжение. Губы изредка вздрагивают, словно звери не знают: бежать им или оставаться на месте. Забавны эти их нерешительность и простодушие!

Бывает, следы зверя говорят о нём больше, чем он сам. О его незатейливой жизни или же чрезмерной свободе. Порой они негодуют, кричат, просят пощады и милосердия. Следы вызывают, скорей всего, к человеку, к его горькому опыту и воле. Но не внимает человек безмолвному призыву зверей, а в азарте охоты бросается по их следам за ними в погоню.

Такая горькая участь уготована лосю поздней осенью, когда устанавливается снежный покров. И всё из-за того, что лось оставляет кровавые следы, по которым его несложно отыскать. С первым выпавшим снегом для лося наступает пора отчуждения: нет ему в лесу покоя. Собственные следы оказывают зверю медвежью услугу.

«Сочат» охотники сохатого по крови, оставшейся на снегу, безжалостно добирают, не думая, каково зверю уходить от такой напасти. Как несуразно для него это преследование, когда за ним пластаются, скрадывают, мытарят. Огромный и сильный зверь в агонии теряет голову, беснуется и, в конце концов, затихает. Не стоять ему больше мирно на вырубке, не подпирать собой потаённый лесной пейзаж, не обдирать чуткими губами сочную осиновую кору. Свои следы привели лося к этой обрушившейся на него кончине, и окропил он снег остатками былой красоты и силы.

Всё это налагает на лося тяжелые думы, и с ними бродит он по заснеженному лесу. Угрюмой безысходностью веет тогда от его следов, какой-то удручённостью и горем. Будто неприкаянна его судьба в лесу, им самим непостижимая.

Тянутся лосиные поволоки, как бесконечная строка в истории леса, обескураживают и почему-то не манят, даже когда лось просто бредёт по заснеженной вырубке. Бросив на них взгляд, с удовлетворением почувствуешь себя человеком, а не зверем, но непонятная тяжесть остаётся. Долго потом несёшь ее в себе, пока она постепенно не истает.

В следующий раз лосиный след уже встречаешь без интереса, даже - с неохотой, и всё же постепенно к нему привыкаешь, начинаешь опять вглядываться, изучая: куда лось шёл и зачем, какого он возраста, самец или корова? В лесу всё кажется значительным, каким-то особым.

Иногда след лося в глубоком снегу вводит тебя в необъяснимое оцепенение. Как лось, бредёшь ты по нему, утопая в зиме, ничего, кроме него, не замечая. Белый снег, белая пустота обтекают твою душу, и она начинает казаться тебе неживой, навечно уснувшей. Столкнувшись же с каким-либо ярким проявлением жизни – тетерева стремительно выпорхнули прямо перед тобой из-под снега, ты оживаешь, и заснеженный лес вновь обретает своё лицо.

Ты приободряешься и уже пытаешься взглянуть на лес глазами лося - печальными, большими. И тогда нечто загадочное начинает снедать тебя, и ты забываешься в белом безмолвии, воображая, как непостижимо и бездонно лосиное существование. Оно, должно быть, такое нелёгкое, безысходное, тупое...

Вокруг молчаливо стоит лес, и как будто ждёт от тебя чего-то. Словно не понимает, что ты не его житель: ни лось, ни медведь, ни выдра. А может, он принимает тебя за зверя, только что обрётшего свободу, и заботливо склоняет над тобой свои дремучие мысли. Ты же не знаешь: хочется ли тебе быть лосем или следует оставаться человеком?

Так, благодаря глубокому лосиному следу, оставленному зверем в муках, ты как будто заглядываешь через него в распахнутое им природное оконце, и постигаешь что-то неизмеримо большее, нежели лосиная жизнь. Может быть, это синие сумерки, что втекают в тебя холодным зимним цветком, а может, ты сам, как лось, начинаешь плыть в белом воздухе, переживая уже не боящимся сердцем всю эту занемелую зимнюю стужу. Её открывающийся безудержный простор вмиг охватывает тебя, и, к твоему небывалому удивлению, согревает.

Спасибо «оконцам», голубеющим проёмам в снегу, оставленным неторопливо бредущим по лесу лосем человеку. Они неизвестно зачем зовут за собой, будто открывая возможность заглянуть в ещё одну тайну природы, и, быть может, увидеть то, чего ты ещё не изведal.

Это укромное «оконце» в природу не сразу и заметишь: оно, вроде бы, маленькое, и всего свету в него, конечно, не оглянешь. Но если раскрыть ему

свою душу, то можно многое увидеть, и если Бог даст, то Он и в это «оконце» подаст, ибо сокровенное всегда рядом, когда ты добр к жизни и неутомим.

Нарыск

Лиса всегда считалась воплощением хитрости, но хитрость, как гласит народная мудрость, есть ум слепого, а лисичку слепой не назовёшь. Скорее, лиса по-настоящему умна, и обладает догадливостью, какой бы позавидовал любой человек. Где лисой, где волком норовит проскользнуть она, а то и семерых волков проведёт.

Весь её нрав - на свою особую статью, из-за которой лису в народе «кумушкой» зовут. «Лисой пройти» - в его устах значит сначала обворожить, а затем вокруг пальца обвести. И льстит, и манит лисье племя, не позволяя никому вовремя опомниться.

Благодаря своей повадке лиса всё равно курятины себе добудет, как ни стереги собака от неё двор. Спит лиса, а во сне кур щиплет. Видит, наверное, как нанялась на птичник беречь их от коршуна да ястреба. Что из этого получится - всякий знает.

Хитрая, проворная лисица не забывает свой хвост хвалить, потому, как он её следы замечает. Увёртливая даже в чистом поле, лиса всё хвостом прикроет и никогда на него не сядет. Оттого она всегда сытей волка и бывает, что держит свои ушки на макушке.

След лисы даёт довольно полную картину жизни зверя. Без особого труда можно судить по нему о возрасте, поле животного, где лиса была и что делала, какое у неё настроение, голодна она, в конце концов, или сыта. Даже не похоже это на изворотливого зверя, казалось бы, постоянно скрывающего свои повадки. Да только бывалый в лесу человек знает, что когда ищешь лису впереди, то она у тебя позади.

Её овальный, чуть удлинённый след знатоки называют между собой «лодочкой». Мягкость ему придаёт пяточная мозоль в форме червонного туза, выраженная не очень ясно. Да и ходить лиса предпочитает там, где мягко, в отличие от собаки, которая тупит когти о твёрдый грунт. Следы лисы легки, ажурны, словно бисер на ниточке стелются они по снежному покрову.

Обычный ход лисы - спокойная трусца, с равным расстоянием между следами, когда она неторопливо передвигается в поисках пищи. Зимой лиса быстро примечает, что ненадежно ей ловить рябчиков да тетеревов. Куда добычливей разыскивать мышей.

Бежит Патрикеевна по белой скатерти и прислушивается - не пискнет лимышь. Если следы её сближаются, значит, она перешла на шаг, сулящий скорое нападение. Заслышит лиса слабый звук - замрёт, затем подпрыгивает и крепко ударяет передними лапами по снегу. Аккуратная ямка, мгновенно

истаявшее в воздухе облачко искрящейся пыли и две капельки крови - всё, что осталось от бедной мышки.

След в гору, похожий на заячий, когда тот идёт на махах, лисица оставляет, поднимаясь наверх галопом. Так стремительно уходит она от преследования или неожиданной опасности. Вся подбирается в огненный шар - и бросается в спасительную чащу. За просто так лиса никому в ловушку не дастся: мордочкой снег роет, хвостом след замечает, только её и видели!

А ещё бывает у лисы такой ход, который не встречается у других зверей. Его можно сравнить только с куницей, но отпечатки лап у лисы расположены ближе друг к другу. Как говорят охотники, лисица идет «намётом», где-то поблизости почуяв ничего не подозревающего зайца. Словно заправская швея, намечает она неукоснительную строчку своих стежков: вот-вот несдобровать незадачливому косому.

Старая лиса, говорят, даже от свирепых собак огрызается, однако и молодой тоже доверять нельзя. Обещает лиса под конец жизни в монахи поступить, да только когда это будет! Столько коварства кума за свою жизнь хвостом наметёт, что проделки её каждому оскомину набьют, а ничему не научат. Лиса всё равно любого объегорит, и на звание не поглядит!

Изворотливость лисы простирается так далеко, что она старается по своему собственному следу передвигаться, чтобы лишних следов за собой не оставлять. Чувствует рыжая, где её меньшая беда ждёт, и старой пяты не гнушается. Облюбует какой-нибудь лесок, и живёт в нём барыней: хитрее её в округе никого не отыскать.

Меньше медведя, волка и рыси, лиса как будто замыкает в себе лесную хищность, но, не в силах сдерживать её, вынуждена маскироваться. Густой рыжий мех, симпатичная мордочка и неподражаемый хвост даны ей для красоты и изящества изощрённой природой, способной позволить себе обман ради постоянного процветания. Лиса не в состоянии быть доброй, она - разрушительница всех устоев!

Столько ухищрённого лукавства может быть заключено лишь в лисьей красоте, её никем непревзойдённых и тонких повадках. Поступь её, подобно роковой женщине, грациозна и нетороплива, а поступки чарующи и необъяснимы. Всякого околдует лиса, но при этом куска своего не упустит. Порой даже кажется, что ей самой себя опасаться приходится, до того она противоречива.

И всё же лесной дух берёт в ней верх. Возникая в самые крайние моменты, он всё-таки урезонивает своевольного зверя, и как будто ограничивает его вседозволенность. При всей своей разнузданности лиса начинает относиться к жизни с должным уважением.

Следы лисы зимой всегда попадутся тебе на глаза. Не в пример волку, лисица часто не боится подходить вплотную к деревне. Совсем близко подкрадётся, рыская лунными ночами по задворкам, накуролесит, наплетёт

свою премудрую вязь, так что плюнешь в сердцах, разбирая её следы: опять связался ты с блудной кумой, позабыв обо всём!

А лиса, хоть и в азарте охоты, идёт очень экономно. Так бережно ступает она, стараясь меньше вязнуть в снегу, что не только брюхом, даже хвостом не счертит никогда. След её аккуратен, чист: как не позавидуешь тут звериной выдержке и сноровке!

Лисичка довольно-таки коротконога, и по рыхлому снегу ступать ей несладко. В такую пору следок её тянется от ёлочки к ёлочке, где под навесом густых еловых лап снег оказывается не такой глубокий. Заметив поваленные ветром деревья, лиса устремляется к ним, идёт, насколько возможно, по стволу, а затем прыгает с его конца к подвернувшемуся опять укрытию.

Проведя всю ночь, а то и утро на охоте, лиса выбирает место для днёвки где-нибудь на возвышении. Отправляется она туда без особых предосторожностей. Хитроумных смёток и петель, как заяц, лиса не делает, а лишь иногда, сбросившись с тропы, ложится так, чтобы видеть свой след.

Свернувшись калачиком, лежит она обычно на боку, подобрав к животу передние и задние лапы, закрыв их пушистым хвостом. Хвост её от простуды предохраняет, через него она вдыхает уже отогревшийся сквозь мех воздух.

Лисьи лёжки встречаются в лесу редко, и ты с удовольствием рассматриваешь их, представляя, как лиса лежала тут, свернувшись, изредка поглядывая, да подслушивая. Кому-то такие простые днёвки, на открытом месте, покажутся простыми и неприхотливыми. Но не резон лисе устраивать в зиму меховую лавку в глубокой норе, где, застав её, мужик посмеётся. Заботится лиса о своей шкуре, которая составляет лучшее, что она имеет.

Зимой налёт всех ухищрений и безнаказанности как бы спадает с лисы, и она предстаёт просто одиноким зверем, вынужденным, по мере сил, перебиваться в уснувшем лесу. Может, оттого она и тянется поближе к деревне, где есть поля и дороги, и какое-то пропитание. Неспроста переселилась лисонька и в сказки, потому как хорошо знакома и близка русскому народу.

Никто не думает смотреть на лису в сказках с ненавистью: её находят приятной и даже красивой. Скорее, радуются в них люди ловкости, которую обнаруживает плутовка, чем негодуют, и потешаются над теми, кого она оставляет в дураках. Лиса своим присутствием и следами возбуждает в народе тонкое понимание леса и равнодушное отношение к собственной жизни и лесу.

Так однажды ночью придёт лиса и к твоему лесному дому, неторопливо обойдёт его и сядет. Затем, наверное, долго смотрит в оттаявшие стёкла маленького окна, как будто чего-то ожидая. Избушка спит, но всё в ней уже разбужено: ты чувствуешь присутствие зверя, и это не даёт тебе покоя.

Глаза лисы посверкивают в темноте холодным блеском. Чуть-чуть посвистывает позёмка, шерсть изредка вздрагивает на загровке, и скрип плохо закреплённой ставни выводит зверя из его застывшей

настороженности. Лиса так же тихо, как и появилась, исчезает, а снег глухо замывает следы, будто её и не было.

И всё же присутствие зверя остаётся... Вернее, его ночной призрак, который вернул к жизни тихий рассвет, а ещё – занесённые снегом следы лисы. Так приятно было переживание радости от ощущения близости зверя, и в тоже время – лёгкой печали оттого, что зверя этого тебе никогда не достичь и не постигнуть.

Иногда следы на снегу оживляют в памяти давно забытое, связанное с лисой... Как когда-то заколол её дед вилами на конюшне, ты был ещё совсем маленький, и стояла зима. Дедушка караулил лису три дня, а её всё не было. В последнюю ночь он задремал, и она пришла...

Это случилось за два часа до рассвета. мех остался лежать на соломе рыжими клоками, а потом дедушка с фонарём перетащил лису в дом. Запах снега и морозного воздуха принесли с собой зашедшие соседи, полюбоваться на зверя. Лиса же, казалось, заснула: она была как живая.

О многом может рассказать след, что оставила на снегу лиса - мягкий, нацеленный, не похожий ни на кого. В народе его прозвали «нарыск»: цепко тянется он по зимнему лесу, сворачивая только по надобности. Нелегко человеку угнаться за ловким зверем, которому лес оказывается родным домом.

И человек читает следы и восхищается звериным лукавством: ай да лиска-лиса, подбрюшьё лазоревое, хребет бобром! И по траве она ползком, и по воде плавком, а умом и вовсе сударыня: век ищи, а хитрее зверя в лесу не сыщешь!

Малик

Всю зиму петляет по лесу наш вездесущий заяц. Вдоль лесных дорог разыскивает осинки, что моложе и слаще, днём по балкам да оврагам скрывается, а как сумерки - отправляется к селеньям поближе: не уронил ли кто клок сена, не осталась ли беспризорной яблонька?

Пошаживает зайчика по ельничкам, погуливает серенький по осинничкам, вроде бы, и горя ему мало. И хоть складывают про него в народе загадку: «По лесу-лесу лисье жаркое в шубейке бежит», - он оттого не унывает. Заячий малик, бодрящий и приткий, вьётся себе через всю зиму, словно позёмка в полях, и никогда не истаивает. «Малик» - так прозвали охотники след на снегу, оставленный зайцем.

Следы зайца из всех зверей, пожалуй, самые запоминающиеся. Аккуратные, будто капля на каплю похожи заячьи поскоки: всякий их видал и хорошо знает. В них проглядывает скорее уверенная осмотрительность косоного, нежели издавна приписываемая ему трусость, которая, впрочем, не мешает зайцу и на свой промысел ходить.

Пуще воли своей, должно быть, любит зайка погрызть осиновую кору. Там, где лось осенью побывал, повалив рогами небольшие деревца, зимою

заяц себе обеденный стол налаживает. Вытопчет снег - что танцевать впору, а уж веточки сладкие до белизны снега источит. Чуть ли не сахарными они от этого становятся, и так безжизненно в сугроб уткнутся, что пожалеешь их даже за такое обращение. Заяц же все эти переживания невдомек!

Сил ему зимой надобно прибавлять, чтобы от опасности невредимым уйти. Рысь с лисой ему всю жизнь на зады так и насаждают, передохнуть не дают. А уж о человеке и говорить не стоит: недаром большинство поговорок о зайце сложили охотники. Заяц в них выглядит отнюдь не каким-нибудь простофилей или бедолагой, а всё больше ловким, сметливым зверьком, за которым гнаться далече, и покуда его достанешь - с пару зайдёшься!

И вот любо охотникам целыми часами тягаться с косым, да только пока они зайца убьют, целого вола съесть можно. А если за двумя зайцами погонишься, и вовсе ни одного не поймаешь!

«Коня положили, а зайца уходили!» — вот как говорят о нехитрой, казалось бы, добыче. Но не дорог охотнику конь - дорог заяц! А ведь только рубль бежит, когда его сто догоняют, и как ещё пятьсот споткнутся, да какой-нибудь неценённый убьётся?!

Что с того, что заяц мал, храбр он, видать, по-своему и удал. Живёт он в лесу на слуху - попробуй его стронь в узёрку! Задолго тебя косой угадает - и айда петлять через овражки. Вот и получается, что собака за зайцем, а заяц за волей.

В народе и с именами зайца не было никакого сладу! Покорности, какой-то смирённости со своей незавидной судьбой ни за что в них не услышишь. То его прозовут непристойно для поста, отчего пахнет не раз содеянным грешком, «скоромча», а то, хоть и не без улыбки, но с внутренним восхищением, вперемешку с добродушной уважительностью, «ушкан». Особых «профессоров», выписывающих на снегу замысловатые и недоступные строки, обозначали «кривнем», с оборотнем же, поразившим своей изворотливой изобретательностью, обходились в речах как с «выторопнем.

Всем заяц взял, и без potreбы ему быть больше, чем он есть на самом деле. В меру благоразумен, осмотрителен и быстр, он любим в народе, несмотря на то, что раньше зайчатину считали неудобной пищей. Встреча с ним якобы даже предвещала несчастье, и зайцу, перебежавшему путь, надобно было через плечо обронить: «Пень тебе да колода, нам путь да дорога!»

Всё белое, связанное с зимой, именовали не иначе как «зайцем». Так окрестили клуб белого пара, выходящего зимой из жилого тёплого строения. Это название относится в народе и к синим огонькам, перебегающим по горящим угольям. Промёрзлые, покрытые клубами инея места в углах избы обозначали тоже его прозвищем. «Зайчиком» обернулся и беглый отблеск морозного солнца в зеркале...

В самом имени зайца сразу представляется зима, которая стелет ему постельку пуховую. Мягче заячьей шубы она, чище месяца. Заяц в неё с

головой забирается, да ещё раскопает под собой осиновое поленце, и грызёт его чуть ли не всю зиму. Сладко ему коротать её в сугробе, душевно.

Заяц и летом зиму, наверное, ждёт, и осенью, чтобы спасительной белизной её укрыться. И так ему хорошо в ней, спокойно живётся, что не боится он следы за собой оставлять. Семь потов с тебя сойдёт, пока ты его петли да сметки распутываешь, а порой и хвоста не увидишь! Но и по заячьему следу иной раз доходят до медведя.

Вся сила у зайца в лапах, которые у него зимою словно лыжи. Заяц на них тихонько ковыляет, присаживаясь возле торчащих из снега веточек, и ничуть не проваливается. Страшней рыси с лисой для него в эту пору только филин да неясить, которым с воздуха сподручней за лопухим охотиться. Тут уж не спасут ни лапы, ни белая шкура, и заяц поневоле бежит, если лететь не на чем.

Бег зайца, благодаря тому, что у него передние лапы много короче задних, совсем особенный, с прыжком. По той же причине он на гору бежит гораздо легче, нежели под неё. Со стороны все эти передвижения представляются очень забавными, даже смешными...

Но если зайца выгнать с опушки в чистое поле, от кажущейся хромоты его и следа не останется. Так припустит косою по вольно раскинувшейся снежной пелене, что диву даешься - и это с лапами-то его колченогими! Чует заяц простор родимый: ни пулей, ни посвистом его не остановишь.

Бегают заяц всю зиму по лесу, ёлочки своих следов повсюду оставляя, и веселья ничуть не утрачивает. Даже отсутствие хвоста его не особо трогает: не дал Бог ему такого дара, и не надо! За то его, наверное, куцым в народе и прозвали... И даже если зайца всё-таки поймали и съели, мех его носят да похваливают.

Побежка

Когда уже изрядно уляжется в лесах снег, начинает попадаться след куницы, которая печатает парные продолговатые ямки, расположенные наискосок друг от друга. Словно в меховых башмачках ступает куница по снегу, аккуратно ставя задние лапы в лунку, проделанную передними. Но часто она «троит», вынося одну из лап слегка наперёд.

Кунице в начале зимы передвигаться по рыхлому снегу довольно уброчно, и потому она использует верхний ярус леса. По деревьям она лазить и скакать мастерица. Идёт «грядой» - с одной верхушки дерева на другую, не спастись от неё даже более легковесной белке: в зимнем лесу ей тут и дом, и пожива.

Выбрав себе гнездо где-нибудь в полости старой липы, куница держит его в чистоте и порядке. Строгая и основательная хозяйшкa, она так же строго следует всему в отыскании добычи. Не зря в старину говаривали про неё: «Кунь да соболь бежит, а баранья шуба в саях дрожит».

Всё в облике куницы соответствует её охотничьей сути. Туловище тонко и изворотливо, широкая голова на короткой шее необыкновенно подвижна. Низкие и крепкие лапы подбиты волнистой шерстью, что создает им волшебную мягкость. Хвост длиной с половину тела, густой и пушистый, служит великолепным рулём при погоне за белкой. Куница - вкрадчивый лесной хищник, призванный лесным богом беспощадно настигать.

Кунья мордочка - хитрая, цепкая, никогда своего не упустит. На любое проявление жизни в зимнем лесу она реагирует мгновенно и хватко: в охоте куница сама безукоризненность. Ни глухарю, ни рябчику от её острых зубов не будет никогда спасения: куница в лесу самочинно и властно верховодит.

Знатным зверем она всегда на Руси почиталась, дорога и богата была с неё пушнина. Куны, беличьи, да собольи меха заменяли собой деньги. Товар этот был ценнее всех иных, и чтобы умиловить кого-либо, одаривали его куницею.

Куницу, лисицу, золотую гривну да стакан вина просили обычно за выкуп невесты. При её сватанье дружки приговаривали так: «Повар, повар-батюшка, повариха-матушка, встань на куны лапки, на собольи пятки, отдай, ради Бога, за куницу красну девицу!» Слово «куничное» так и считалось исстари откупом за невесту родителям.

Именно со слова «куница» о пушных зверях, при входе их в возраст, принято было говорить - выкуниться. То есть - вступить в зрелость, перебраться в должную шерсть. Соответствовало это и возмужанию, складыванию во что-то целостное и дорогое. «Кунеть» раньше имело ещё одно значение - поправиться, выздороветь.

Сама куница - удивительно живой зверь, вынуждающий своим существованием других обитателей леса быть осмотрительнее в своей жизни. Всякому желающему продлить свой род надлежит держать с ней ухо остро, ни на минуту не теряя бдительности. Держа многих птиц и зверей в страхе, куница закаляет в них лесную волю, благодаря которой они, как и человек, выздоравливают и ещё более крепнут духом.

Вот таким безжалостным манером радуется куница из года в год за всё живое, проворство своё драгоценное попусту не истрачивая. Имеется у неё не всегда видная примета, что неожиданно показавшись, может поразить: это большое пятно на горле и на нижней стороне шеи, имеющее ярко-лимонный или даже оранжевый цвет. Куница им как будто завлекает и околдовывает, сама, наверное, не зная, для чего ей дарована такая красота.

Имея эту необыкновенную душку, куница, конечно, может собой заслуженно гордиться. Она и неотразима, и восхитительно неповторима, и чарующе коварна. Пустое желание просто нравиться – куницу, видимо, не удовлетворяет. Именно из-за способности грациозно собрать всю свою силу и довести затеянное ею коварство до конца, куницу и уважают в народе.

Лесная куница невероятно чутка, и просто так к ней не подкрадёшься. Всё новое она тотчас берёт себе на ум. Преодолевает открытые пространства

только в самых узких местах, и зачастую оставляет себе заметку для памяти: мол, можно ходить тут без опаски, коли я уже побывала.

Тянется след куницы через перелески да овражки, западая в валёжнике и завалах, и вновь впереди возникает. Меряет куница им чистые снега, километр за километром преодолевая. Редко кому удаётся вживую углядеть её непрекращающийся поиск, и если уж посчастливилось - радости с восторгом тут не оберёшься!

Но как бы человек остро не желал встречи с куницей, она соседства такого не принимает. Ей гораздо вольготнее там, где тишина да глухомань, здесь куница чувствует себя полноправной хозяйкой. Неторопливо прокладывает она цепочку своих лёгких следов, ни один ложок не пропустит. Тянет её к таким местам, которые можно с удовольствием проследживать и тут же хорониться. Кунице, по её неприхотливости, кажется, очень нравится жить, и получается это у неё с большим вкусом.

Это хорошо видно по мягкости её следов, какой-то необыкновенно уютной линии, которую она за собой на снегу оставляет. Сразу представляешь, как она передвигается вприпрыжку, пристально вглядываясь вокруг, то и дело внюхиваясь. Вроде бы, даже и сама зима ей нипочём.

Когда куница устаёт от своих вкрадчивых разбойных дел, то забирается в брошенное белкой гнездо, и, свернувшись в нём тёплым клубком, сладко забывается на время. Метель поёт ей свои заунывные песни, а мороз позвякивает волшебным колокольчиком. Куница же спит себе спокойно, ни о чём не заботясь, и, наверное, видит какие-то необыкновенные лесные сны.

Наброды

Принято думать, что большую часть своей жизни рысь таится на суку. Так и видишь, как замерла она там, ушки её наострены, и только кисточки подрагивают. Широкие баки застыли в зловещем оскале, лапы подобраны - вот-вот рысь совершит прыжок.

Но зимой можно часто обнаружить её след в лесу: рысь не прочь прогуляться по снегу в поисках добычи. Ни с каким другим зверем не спутаешь её кошачьи разлапистые следы. Вылеплены они как-то особенно красиво, легко и мощно. Словно дикой лесной кошке нравится ступать вот так, и она любит сама собою.

Взволнованно бьётся сердце при мысли о том, какой это необычный и загадочный зверь. Может, оттого, что таится она более других, существуя как-то мягко и незаметно. Рысь, кажется, соединяет в себе черты многих зверей, скрывая собственные.

Шаг у рыси всегда спокойный, размеренный, будто она никуда не торопится, избегая в своей жизни всякой суеты. Хищник редко бежит, чаще крадёт, мягко ступая крупными лапами со спрятанными когтями. Судя по следу, чувствуется, как ей это приятно, рысь полна скрытой силы и коварства, а на уме одна корысть - как бы где порыснуть.

Рыщет рысь по полям, по лесам – что-нибудь да раздобудет себе на пропитание, на то она и рысь. Лиска охотится по мышам, рысь же ищет себе поживу крупнее: то придавит лапой ночующего в лунке рябчика, то скрадёт зазевавшегося косача, отбившегося от стаи, на худой конец отобедает яйцами куропатки или поймает не пришедшую в себя со сна белку. А бывает, нападёт на рысь спесь, так не хочет и с дерева слезть. Лежит, вольно развалившись в удобной развилке дерева, да щерится в рыжие бакенбарды: кажется, от гордости своей звериной и при виде опасности не вскочит.

Часто рысь затаивается на ветке над звериной тропой или у водопоя, и бросается на жертву сверху. Несдобровать зайцу, если он попадает в когти этой кошке! Правда, долго его рысь преследовать не может: имея маленькое сердце, она быстро задыхается и всякое преследование скоро прекращает. И на её век ещё зайцев осталось!

Неторопливо бродит она всю зиму в поисках тетеревов и рябчиков, которые составляют её любимую пищу. Подобравшись неслышно к самой лунке, рысь молниеносно бросается к спящей птице: не миновать рябчику её хищных зубов.

Ещё рысь пестра шкурой, так, что не сразу заметишь посреди заснеженного бурелома её гибкое тело. Слившейся с корой деревьев тенью мгновенно проскользнёт она и тотчас истает. Будто её тут и не было. Рысь избегает попадаться на глаза человеку, и оттого поступь её бесшумна, а чутьё невероятно восприимчиво.

След рыси дышит её матёростью, какой-то спокойной хитрецей. Словно зверь наперёд знает всё, что может с ним случиться, и ничего не боится. В этом ровном и покойном поведении, рысь не похожа ни на какое другое животное: она одновременно невероятно обособленная сила и непознанная тайна.

Овальные мякиши её следов приятно вырисовываются в недавно выпавшем снеге, выдавая в звере какую-то притягательную кротость. Зверь этот, конечно, ни на кого не похож и по-особенному красив. Он замечателен в своём почти невидимом образе жизни.

Чрезвычайно осмотрительная и хитрая, рысь никогда не теряет присутствия духа. Из всякого, даже невыгодного для неё положения она старается и умеет извлечь пользу. И при этом всегда ведёт себя сдержанно, спокойно.

Зоркие глаза и острый слух позволяют ей заранее избирать необходимое поведение. Своего врага или жертву рысь встречает бодрой и собранной. Застыв, как изваяние, всматривается она в окружающие предметы и не пропустит ни единой мелочи. Замечательно восприимчива рысь к чужой слабости и силе, и невероятно сложно её саму чем-либо огорошить.

Это происходит потому, что рысь никогда не разрешает себе расслабиться, она постоянно готова к нападению, и беззаботность ей не присуща. Ей, должно быть, очень нравится всякий раз красться, как будто заигрывая с жертвой, и она беспрестанно подогревает в душе азарт охоты.

Плохо скрываемой кровожадностью пышат её расплывающиеся в злобном оскале бакенбарды, а уши с кисточками так завораживающе вздрагивают, что неприятно начинает посасывать под ложечкой. Всё в облике рыси будто наставляет: держись от меня подальше, я же буду стараться застигнуть тебя врасплох!

Любовь к охоте и прирождённая сметливость не зря снискали ей заслуженную славу, но это, кажется, ничуть не трогает рысь, и она не перестаёт преумножать в себе терпение с упорством. Рысь как будто даже становится нездоровой в этом стремлении, впрочем, бесспорно, восхитительном. Вот уж кто, наверное, не переносит неволи, обнаруживая при этом чувства, ей не свойственные. Только обаяние дикой природы пленяет рысь.

Если ты на самом деле предан лесу, то хоть раз да посчастливится тебе встретиться с рысью. Как всегда, ты не ожидаешь этого и пробираешься сквозь глухую сосновую чащу к дорогим твоему сердцу глухарям. Тут, на заснеженных вершушках мощных великанов, что успокоились между собой в глухую зиму, коротают птицы январские и февральские ночи, а сосновая хвоя в эту пору – их хлеб. Ты думаешь о глухарях, о соснах, и беспamięтно погружаешься в зиму, даже не предполагая о встрече с каким-либо лесным зверем.

И вот, когда сердце твоё совершенно забылось в этом отрешённом заснеженном мире, оно вдруг вынуждено было встрепетаться... Сначала снег тонким облачком осыпался откуда-то сверху, и ты скорее почувствовал, нежели увидел, какое-то лёгкое движение. По старому, поваленному бурей стволу, зацепившемуся вершушкой в переплетении ветвей соседних деревьев, медленно ступала крупная рыжая кошка.

Она наверняка заметила твоё присутствие, но почему-то не торопилась исчезнуть, словно знала, что ты не причинишь ей никакого вреда, а только будешь любоваться её непревзойдённой лесной красотой, теша своё разыгравшееся воображение. И действительно, ты был поражён этой завораживающей силой и негой.

Рысь ступала уверенно и осторожно, не поворачивая в твою сторону головы, и ты чувствовал её напряжённое внимание и желал одного: чтобы она остановилась и посмотрела тебе в глаза. Пусть хотя бы так, мимоходом. Тебе бы этого хватило.

И кошка обернулась, и ты понял, как дорого тебе её нахождение в этом загадочном лесу, и был ей благодарен. Она растворилась так же неслышно, как и появилась, под пологом заснеженного леса, а ты стоял, оцепенело, и смотрел ей вслед. Идти за ней было бесполезно: она уже оделила тебя своим волшебным появлением, какое-то время находилась рядом, и, конечно, оставалась к человеку равнодушной.

Рыси было достаточно своего соседства с лакомыми глухарями, о них ты совсем забыл. Забыл и о зиме, и о великих деревьях, и об этой замершей белой тишине. Рысь оставила в ней о себе только зыбкие следы и

мимолетную память, которую ты будешь бережно и долго хранить. Может быть, кому-нибудь расскажешь и чуть приукрасишь, но никогда не забудешь.

Вместе с другими зверями, оставившими в твоей душе след, рысь будет приходить к тебе всю жизнь, и всегда это разбудит приятные воспоминания. Незъяснимая печаль отчего-то коснётся твоего сердца, когда ты оживишь в памяти этот зимний день, но не расстроишься при этом, а в который раз восхитишься. Чего бы тебе это ни стоило, вновь постарайся отправиться в зимний лес, в надежде всё же увидеть мягкие кошачьи следы. А может быть, если повезёт, заглянуть великолепному зверю в глаза, и пожелать ему долгой лесной жизни.

ЗИМНИЕ СНЫ

Зима... Уснуло все вокруг... Повсюду ночь, застывшее молчание снегов и пронизанный морозным духом воздух: сквозь него человек пристально глядится в безмолвную бесконечность заснеженного мира.

Спокойно наблюдая, как протекает рядом божественное мироздание, ты понимаешь, что другого сна душа не просит: только далёкая Полярная звезда хранит сейчас твой мир. Сердце исподволь вздыхает в снежном крошечке зимы и тотчас замирает. Неслышны ни шорохи, ни стуки, ни вскрикивания птиц: что может быть прекраснее этой отрешённо-заораживающей зимней нескончаемости?!

Все спят, рассвет ещё не скоро, и потому можно целыми часами недвижно сидеть у окна, устремив взгляд в белеющую зимнюю даль. О чём твои думы, к чему эта тайная зимняя грусть, и что ожидает растревоженную за год душу в безвестном будущем? На всё есть воля Господня и благословение зимы, что дана человеку, наверное, для того, чтобы он отдыхал от своих праведных трудов и лечил душевные раны.

А из окна видна закованная в лёд река — совсем недавно была она многоводной. За той рекой синют дальние леса... По краю небосклона высятся они отрешённо, облачённые в белоснежные одежды. Тихо и умиротворенно всё вокруг, и человек постепенно проникается мыслью, что жизнь всё же не умерла, она только на время заснула.

Иной раз зимний день приносит пустоту, тишину и скуку. Нет ничего в душе, и всё окружающее уходит куда-то далеко-далеко, о чём даже не хочется думать. И смысла уже не остаётся от этой зимней успокоенности, а мыслям не за что зацепиться. Будто спряталось всё, и только тихое ожидание неизвестно чего замерло в неведомом оупении.

Зима неслышно говорит с тобой холодным языком, и ты не в силах охватить её затаенной мощи. Она навеивает сон, раотивоборствовать которому не хватает сил.

Сон, данный всему живому, дотрагивается и до твоей души, умиротворяя её несказанным покоем и светом, чтобы родилась она по весне здоровой и молодой, и трудилась, и пела, и не знала усталости. И ещё не

скорбела, а сказки по-прежнему дарили радость и не умирали. Так часто они оказываются никому не нужными и пустыми.

Сон зимой всегда в руку, он не забывается и определяет собой будущие поступки. Зимний сон никогда не губителен, всякий любящий жизнь хорошо это знает. Именно зимой постигаешь, как наскучило старое, которое должно умереть, и как необходимо новое, способное ещё более приблизить к тому, что никогда не надоедает. Сон дарит тебе его ощущение.

Когда приходит темнота и умирает день, становится так хорошо. Огоньки в печке прыгают, перебегают с полена на полено, словно играют. Всё это необыкновенно завораживает и усыпляет.

Заснеженные поля лежат в ночной тиши, над ними, будто на невидимых ниточках, повисли звёзды, и вокруг черною стеною стоят леса. Звёзды сверкают в неясной вышине, и кажется, что, влезши на сосну, вмиг одну из них достанешь. В заснеженных верхушках сосен полыхают радужные искры, с высоты деревьев открываются бездонные дали, в которых слышится шорох неспешно ускользающего времени.

Ясной морозной ночью в тебе вдруг всплывает необычайная цельность от происходящего с тобой. Крупные звёзды в это время не перестают сиять над избушкой, горят всё ярче. Отчётливые тени елей кажутся выточенными на снегу. Тёмные фигуры зверей изредка перебегают в разных местах уснувшую дорогу и приятно тревожат своим неясным присутствием.

Всё это восторженно будоражит душу, и уносит в неведомую глубину сладких зимних снов. Вобрав в себя нераздельно всю жизнь леса, сны оживляют его в тебе, и отпускают к весне ничего не боящимся, помолодевшим.

Так и ты, проснувшись однажды под утро в затеряншемся среди лесов зимовище, почувствуешь себя отдохнувшим и чистым. С лёгким настроением, не спеша, растапливаешь не успевшую остыть печь и, впитывая её разгорающееся тепло, улыбаешься чему-то. Душа твоя до краёв наполнена великой тайной зимы.

Но один ли человек подвержен сладостной зимней печали? В заснеженном омшанике, среди дивных сновидений, наверное, переживают неудовлетворенность от вынужденного бездействия таинственные пчелы. А вместе с ними - дома, река, лес и покосившиеся задворки, заиндевелое притаившиеся, полусонные, глухие. Вся земля в снегу, в благодном сне, в холодной необъятности которого, кажется, не уместиться даже обыкновенным и радостным устремлениям.

Зимний воздух недвижим, и сердце замирает в задумчивой истоме. Объятый грузом всего, что пережито за год, забываешь про стремление к высокому душевному полёту. Твоя судьба зимой - лишь теплящийся свет далёкой звезды в заиндевевшем окошке, безмолвные снега, утопающие в туманной ночи, и ещё сны...

Уснули и сосны с пихтами, и ели. Затаились под снегом ручьи и тропы, старое зимовьё. Только волки неслышно бродят в белом мраке зимы, а в

выстуженных небесах застревает крик одинокого ворона. Повсюду лишь тьма зимы, и снег, и волчий вой.

Для каждого живого существа в эту пору наступает чуткое забвение, и все оказываются объатыми проникновенной зимней тишиной. В лесах, в застылом помрачении, беспристрастно копит будущую жизнь зверьё. А птицы, одеревенелыми силуэтами взлетая и так же бесчувственно ниспадая с небес, безмолвно усаживаются на заснеженные верхушки деревьев и, будто забываясь, замирают, наверное, слагая в хрупких снах свою весну.

Представив себя птицей, вмиг оборачиваешься ею в своих скованных холодом мечтах, и медленно взлетаешь над синими лесами, в нескончаемый зимний простор. Легко парить в безмятежном зимнем сне, призванном к умиротворению. А что видят во снах дикие звери, утопая в них, как в мягкой снежной перине?

По всей земле завывает безудержная метель. Наносит снежную толщу над берлогой, где позабыл себя медведь. Барсук тоже не внемлет этому подступившему для всех отрешённому отдохновению, и видится оно ему в норе. Растут над ней пуховые сугробы, день ото дня матереют.

Неслышен мир живых, всё, кажется, забылось. Лишь белый снег летит с ночных небес, косит над спящими телами, душами и замершей землёй. Всех повязал белёсый снегопад, и каждый предоставлен теперь зиме, её холодной тьме и собственным чутким снам...

Медведь

Издревле перебивает зиму в берлоге медведь, лесной владыка. Живёт, не ведая, что был когда-то, по людскому убеждению, человеком, а обращён в медведя за тяжкие провинности пред Богом. Родство зверя с человеком народ видел в том, что медведь, будто бы, иногда нападает на баб, неосторожно забравшихся в лес, но не с тем, чтобы их есть, а уводит их к себе, и живёт с ними. Во снах своих зверь всё это, должно быть, переживает.

Всё во снах свершается не так, как в жизни, и потому медведица, на деле отгоняющая медведя от медвежат, во сне к нему остаётся благосклонна. Видится, наверное, медведю, что он в услужении у Анастасьи Петровны находится, на лапах её любимых дитяток качает. Медведица за то его долго от себя не отпускает, пока он не вынянчит её медвежат, и ложатся они в берлогу, вопреки известной пословице, вместе.

А может, представляется медведю, как, продевши кольцо в ноздрю, люди его на цепи по деревням водят и потешаются над этим. Медведь в усладу им пляшет, а сам рычит и головой мотает. Хозяин за него деньги берёт, а медведю ничего не перепадает. Досадно от этого Михайло Потапычу, но ничего не попишешь: судьба, видать, такая выпала.

Или ещё приснится, как ему от пчёл достаётся. Жаркое лето обтекает зверя, дух желанного мёда щекочет ноздри, липкая слюна западает в уголки пасти. Падок медведь до желанной сладости так, что не боится шкурой

откупиться. Без оглядки разоряет пчелиные ульи, лишь бы полакомиться немножко.

Раззадорит пчёл не на шутку, а уж потом бежать; даже глубокой зимой не дают ему покою пчёлы: он во сне от них лапой отмахивается, вздрагивает всем телом, посапывает. Сладко витать медведю в своих летних воспоминаниях.

Слышится ему, наверное, и запах достигнутой августом роскоши, в которой он с аппетитом поедает лесные яблоки. Сидя, как человек, в усыпанной ими траве, наслаждается медведь этим летним довольством, а тёплый ветерок мягко ворошит его густую шкуру. Приятно медведю всё это посреди зимы заново переживать, и так захочется ему опять лета, что застонет он во сне, губами зачмокает.

Интересно его в этот момент было бы подглядеть, простодушием медвежьим позабавиться. В таком настроении он в лесу и дуги гнёт: гнёт - не парит, переломит - не тужит. Сочная рябина от него под осень немало намается, а медведю до того заботы никакой: он её аромат зимой вдыхает, снами рябиновыми утешается.

Спит медведь и видит свой любимый пригорок, ягодами желанными рдеющий, а ещё лакомство своё неизменное - муравейники. Как вырастают они под древними елями невообразимыми кучами: замерли в себе, будто ждут чьего-либо внимания неизвестного. Медведь его на свой интерес принаравливает.

Эдак запустит лапу неуклюжую, напустит страху на царство муравьиное и потешается. Любо ему, недотёпе, возбуждение махонькое наблюдать, кисленьким закусывая. Оттого, наверное, он всю зиму лапу в берлоге и сосёт, что на неё во снах муравьев с мёдом намазывает.

За зиму, бывает, целый воз сладостей поедает да ещё корову стрескает. Мало, что сало с осени запасает. Так до весны в сытости и живёт.

В народе говорят, что одну половину зимы медведь спит на одном боку, другую - на другом, а когда просыпается и с боку на бок переворачивается, то только палец пососёт и опять засыпает. Старики даже уверяют, что медведь потому так долго может спать, что ест особый «сонный корешок». Одна баба будто бы случайно нашла и съела такой корешок, после чего тоже на всю зиму заснула.

Всё это, конечно, замечательные сказки, без которых и медведь, и зима не были бы так интересны. Созданный Богом для дремучего звериного обаяния и неспешности внутренней лесной жизни, он им же в зиму от холода и голода оберегается: хоть и силен медведь, а воли в нём нет, она выкована в волке. Потому косолапый и спать ложится, что не одолеть ему, даже со своими запасами, суровую зиму. Легче медведю перележать её в берлоге, чем преодолевать со своим весом в гибельных сугробах.

В самых глухих уголках леса устраивает медведь себе на зиму логовище. Непроходимый валежник и бурелом спасают его от непрошеного гостя. Правда, иной раз залегает зверь, чтобы было не так скучно, поближе к

деревне и слушает, как петухи распевают. Лежит, дышит на свои стоптанные лапы да сквозь сон чему-то улыбается. Хорошо ему в берлоге, уютно, шуба и жир греют.

Лежит медведь зиму в берлоге, не умываясь, и дела ему никакого нет до чистоты. Талая вода весной всю грязь со шкуры вымоет, травы молодые её очистят, а ветерок просушит. Только бы не помешал никто сну сладкому прерваться.

Горазды бить забывшегося в берлоге зверя жадные до острых ощущений охотники. Никак им не унять разошедшегося в сердце желания, во что бы то ни стало, добыть его шкуру. С осени замечают они медвежьи тропы, что протаптывает медведь в поисках убежища на зиму.

Но без оглядки будить медведя опасно. С медведем, поговаривают бывалые люди, дружись, а за топор держись. Вставший из берлоги зверь космат и чёрен, и может разъяриться до неузнаваемости. Горе тогда нерадивому охотнику, вознамерившемуся нарушить покой лесного воеводы!

Трудно обнаружить берлогу зимой, но равнодушному к лесу человеку, хоть однажды, да выпадет такое счастье. Не ждёт и не ведает он этой встречи, неспешно бредёт по краешку какого-нибудь глухого лога. Лыжи глубоко проваливаются в рыхлом снегу, обильная испарина выступает на лбу и спине, а вязущий воздух обволакивает всё тело. Тихо вокруг, затаенно, непробудно.

Отчего-то выбираешь на своём пути густой островок ёлок. Притягивает то ли его неглубокий снежный покров, то ли таинственная темнота хвои, но ты жаждешь поскорее с ним соединиться. Когда рука касается шероховатого смолистого ствола, что-то входит в тебя вместе с укромной еловой темью, каким-то особым потаённым пространством.

Некоторое время ты ещё не в силах постигнуть того, что произошло: только отверстие в снегу, обильно затянутое куржавиной, неотрывно приковывает всё твоё внимание. С подступающей в груди дурнотой вдруг понимаешь: это - чело. Здесь, в каких-нибудь пяти-шести шагах от тебя, мирно лежит и дышит под снегом грозный лесной исполин.

Медведь - лешему родной брат, верили в народе, вместе они по лесам до зимы скитаются. С весны по осень часто можно со зверем встретиться, но не дай Бог разбудить его зимой! Ведь по медвежьему хотению и зима студёная длится: как повернётся он в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась. Чуток должен быть человек к Всевышнему волеизъявлению, что проявляется и в зимних снах.

Барсук

В сладком сне пребывает всю зиму и барсук. Основательно поработал он для этого летом и осенью: на случай бегства от врагов нарыл множество боковых проходов с оставленными в них земляными перемычками, аккуратно расчистил жилую камеру и натаскал в неё пахучей травы и мха.

Толстые стены укрывают зверька от лютых морозов и ветров, загодя накопленный слой жира уберегает от голода.

Прочен и неспешен распорядок барсучьей жизни в своём замечательном лесном истечении. Это хорошо понимаешь, когда стоишь где-нибудь в январе, над его засыпанной снегом норой... Стоишь, замерев, и ощущаешь под ногами непрехотливый звериный уют. На душе отчего-то становится хорошо и покойно.

В какой-то миг даже почудится, что не видит барсук никаких зимних снов: впал до самой весны в сладкое оцепенение, ничто его не беспокоит. Но вспомнится потом вдруг, каким зверь был неутомимым и работающим всё лето, и сразу представляешь его наполненную делами лесную жизнь, в которой он, наверное, ничего не забывает. Лёгкими ненавязчивыми облачками всплывает посреди зимы то, что он видел когда-то, и так оно незамысловатыми картинками и витает в замысловатых проходах норы, улаживая барсука своим присутствием.

Может быть, видится ему знойный день, когда маленькие барсучата мило переворачиваются у норы, играют и гоняются за мелкими насекомыми, а взрослые внимательно охраняют их покой. Слышится барсуку сквозь крепкий сон вольное щебетание птиц над головой, их бесконечное порхание, и как внезапно налетает неведомо откуда августовский ветерок, что приятно ворошит на спине мех. Чудится ему вкус родниковой воды, к которой он пробил за лето приметную тропку, и запах осенних грибов, и сочность лесных кореньев.

Воспоминаний, слагающих сновидения зверя, наверное, больше спокойных и мирных. Сама размеренность барсучьей жизни и её оседлость предполагают их.

Барсук - это сокровенная лесная озабоченность и, может быть, даже некоторая отрешённость от жизни остальных зверей. Он всегда сосредоточен на собственной жизни и, наверное, поэтому зимой отдыхает. Ему нет дела до других, до пустого времяпрепровождения: он - маленький упрямый хозяйчик, между тем обладающий удивительной сметливостью.

Взять хотя бы его бесчисленные отнорки, которые он тщательно и без усталости прокапывает всё свободное время. Однажды столкнувшись с ними, ты убедишься, что барсук сидит в своей норе не зря. За исключением тех, что зверь постоянно использует, он оставляет во всех остальных земляные перемычки, которые с внешней стороны не сможет осилить ни один его враг, но сам он преодолевает в считанные минуты. Оттого и спится ему сладко в своей норе зимой, что не пробраться никому под глубокую толщу земли и снега.

Внешний вид барсука хорошо всем известен. У него короткое приземистое туловище с широкой спиной и толстым круглым задом. Именно из-за него воспоминания о звере всегда вызывают улыбку и добродушное настроение. Голова же у барсука узкая, с белыми запоминающимися

полосками и слабо выдающимися ушами. Соединяется она с туловищем неожиданно тонкой и, весьма, подвижной шеей.

Из-за своего ночного образа жизни барсук редко встречается человеку в лесу, и потому о нём существует некое превратное представление: иногда его даже причисляют к медведям из-за неуклюжей приземистой фигуры, лап, напоминающих медвежьи, и густого шерстного покрова. Но только на первый взгляд барсук кажется грузным и неповоротливым. На самом деле он очень подвижен, особенно когда его подстерегает опасность. За зиму он хорошо отдохнул, выспался, и тяжелые видения не обременяют его движений.

Ещё несведущие люди иногда представляют себе барсука себялюбивым, недоверчивым и угрюмым существом, живущим как будто во вражде со всеми. Мнение это неверно. Барсук, скорее, добродушное существо, быть может, как никто в лесу занятое обустройством собственной жизни: более безупречного в этом отношении зверя трудно найти.

Затворник, избегающий людей и других животных, имеет на то свои основания. Не вызывающий ни у кого в лесу особой симпатии, зверь, между тем, никому не приносит зла. Он удивительно простодушен в своём замкнутом образе жизни, и хлопочет только о том, чтобы окружить себя и своих близких полнейшей безопасностью.

Увидишь, бывало, в конце зимы отпечатки голых ступней на снегу и удивишься: что за зверь отыскался в лесу? Забудешь за долгой зимой о существовании барсука. Внимание твое одолевали волки, зайцы и лисы. Только им ты отдавал предпочтение, и ещё - неуловимым рысям, и скрытным глухарям.

Ранней весной по грязным следам барсука видно, что у него за зиму отросли огромные и острые когти. Самый когтистый след у барсука, но мал, к тому же, отпечаток задней ступни отчасти напоминает след босой ножки ребенка, оттого при встрече с ним не пугаешься, а недоумеваешь. Вроде ходит какой-то зверь по снегу и ищет, что бы выкопать. А уж если найдёт, то и съест, потому как барсук - зверь всеядный.

Если зима к концу пошла, барсуку не ложится: то сходит к ключу водицы испить, размяться, то к чуть дымящейся проталине забредёт. Хочется ему поскорее зимние сны в реальность превратить, и барсук, наверное, боится пропустить лето. Убедившись, что лето ещё не настало, он опять обращается к нему во снах, досыпая остатки зимы. Скоро ему придётся много работать, и последний сон ублажает исстрадавшуюся по лету звериную душу.

Барсук на редкость чисто плотное и опрятное животное. Проснувшись, он сразу же начинает приводить себя в порядок, стараясь стряхнуть остатки зимних сновидений. Зверь за ними даже не ощущает сильного голода, и только осторожно внюхивается в живительный весенний воздух.

В самые первые дни, после зимнего сна, барсук не уходит далеко от норы, и откапывает где-нибудь поблизости пахучие корешки растений или

дождевых червей. Он весь пока находится в плену затянувшейся зимней отрешённости, и пройдёт еще немало времени, прежде чем мех зверя опять начнет приятно лосниться, а движения его приобретут плавную неторопливость.

Полная неповторимостей жизнь леса вновь захватит барсука в свой круговорот, и на целое лето он забудет про зиму. Собственно, она для него и так не показалась бесконечной - зверь проживал её незаметно во снах. В них тоже было лето, и барсука, наверное, иногда одолевало недоумение: что это за холодная пора, ежегодно приходящая на землю, и зачем она? Он достойно преодолевал её во снах, и был им за это очень признателен.

Ему, должно быть, нравилось почти целый год чувствовать себя полным сил, и он даже не догадывался о том, как нужна ему зима. Зима убаюкивала душу зверя, а барсук послушно отдавал себя на её волю, зная: рано или поздно сладкие оковы зимнего сна спадут, и долгожданная весна вновь выйдет к нему навстречу!

Белка

Удобно обернувшись пушистым хвостом, крепко спит почти всю зиму в своём гайно белка. Так и хочется запустить руку к ней в гнездо и ощутить это укромное тепло. Но не дано этого человеку: ему остаётся лишь недоумевать и восхищаться жизненным обустройством зверя, домысливая его зимний уют.

Видит белка свои дымчато-голубоватые, зеленые и рыжие сны, с дерева на дерево в них летает, и нет ей ни до кого дела. Такому красивому пушистому зверьку незачем кому-либо завидовать. Одним своим появлением она оживляет безмолвие угрюмых диких лесов.

Не зря белка упоминается в старинных русских сказках, где она распевает свои незамысловатые весёлые песенки, а сама, знай, грызёт орешки: скорлупа у них из чистого золота, ядрышки же - «чистый изумруд»! Стремительно скачет белка с ветки на ветку, ловко карабкается по стволам, а замрёт - не отыщешь! Хвост у неё вместо руля, передние зубы-резцы никогда не снашиваются. Сильные задние лапы подбрасывают белку с дерева на дерево - только держись!

Несправедливо, должно быть, связывали в народе появление белки на деревне с чем-то худым. Старики примечали, что если белки скачут по макушкам, жди великого морового поветрия, либо какой другой напасти. Про неё и загадки сложили: «Вертява, а не бес!», «Не мышь, не птица - в лесу резвится!», или ещё такая поговорка: «Белку ловить — ножки отбить».

Но не может белочка совладать сама с собою, да и не хочет. Угодно ей предаваться ловким забавам, быть неудержимою, лёгкою и вольною. Особенно оживлённо белка ведёт себя перед тем, как залечь основательно на зиму. Суется, не переставая, в мохнатом пологе леса, будущие сны свои слагая.

Поспевает белка заготовить больше грибов и орешков, чтобы слаще ей спалось в холодную зиму. мех у неё, как и у многих других животных, становится пушистым, густым для лучшего предохранения от зимней стужи. К тому же, он бусеет, постепенно меняя бурый цвет на тёмно-дымчатый, с синеватым отливом.

Ведаёт белка, что, значит, в морозную пору без корма остаться, трудится без устали всю прогорклую от ароматов осень. Запахи её потом тоже будут зверьку сниться, ублажая его лесной покой.

Когда белке не хватает пищи, сны её становятся сумбурны и коротки. С неохотой поднимается она со своего убежища и находит еду в ёлках, отъедая у них мягкие цветочные почки - «еловые шейки». Ещё белка выкапывает из-под снега шишки, сожалея, должно быть, о беспечном летнем существовании. Иногда голодные зверьки даже обглаживают сброшенные лосиные рога: где уж тут до безмятежных сновидений!

Забудется белка на денёк-другой, вспоминая сквозь тревожный сон, куда ещё припрятала осенью запасы. Много их у неё по лесу разбросано - под корой деревьев, в пнях и поваленных колодах. Разве всё в глубоких снегах отыщешь!

Гулко стучит в груди маленькое сердечко, с трудом перемогая случившееся в зиму отсутствие корма. Необыкновенно подвижное и весёлое животное как будто затихает в себе, и вот тогда ему начинает мерещиться что-то стремительное и большое.

Как случилась однажды у всех белок беда, и пошли они в дальние земли за лучшей жизнью. Нескончаемое пушистое полчище двигалось упорно и день, и два, не останавливаясь, стирая в кровь лапки. Преодолевая на своем пути бескрайние поля, деревни и реки, белки все вместе представляли собой какое-то огромное отчаяние. Горе, охватившее животных, казалось непомерным, и им никак нельзя было помочь.

Или всплывала из глубины осеннего леса великая непогода. Сорвавшийся с небес ветер ломал древние деревья, вырывал их с корнем и метался в диком исступлении. Бесконечные потоки холодной влаги низвергались сверху, и от всего этого белке становилось жутко.

Маленькое гнездышко, служившее ей укрытием, казалось ненадёжным, белке хотелось выскочить из него и бежать, но она не знала куда. Покачиваясь на дереве в такт ураганным порывам, белка в оцепенении замирала. Зимой, во сне, страх этот возникал каким-то омертвелым воспоминанием.

Иногда белке виделись вкусные маслянистые орешки кедра, когда-то в изобилии ею поедаемые. Их в тот год было много, и белка жила припеваючи. Орешки всегда были сочные и сытные, и никогда ей не надоедали.

Ещё белочка часто летала во снах с дерева на дерево, выбирая самые высокие и мохнатые верхушки. Заходящее летнее солнце большим красным кругом приближалось к ней, и было очень приятно переноситься в этом затихающем мягком воздухе, на секунды в нём повисая. Белка будто

купалась в солнечных лучах, и они оведали её шкурку ласковым теплом. Лето во снах появлялось чаще всего, его хотелось пить жадными маленькими глотками, оставаясь независимой и кроткой.

Нравилось белке видеть себя во сне чутким, умным и уживчивым зверьком. Лёгким и весёлым со своими собратями, непугливым и, в то же время, осторожным. Без особых претензий на свою лесную жизнь, белке хотелось уютнее и более надёжно её обставить. Сладкий зимний сон как-то радостно возвеличивал её, и белка, наверное, мечтала вовсе не просыпаться.

Хорошо было лежать всю бесконечную зиму, свернувшись клубочком в сухом и тёплом дупле, испытывая гордость за свой домашний уют. В нём она когда-то произвела на свет своих милых детёнышей, и они тоже виделись ей во сне. Снилось белке, как она славно играет с ними, учит чему-либо важному и нужному. И ещё - как предостерегает от грозящей опасности и изо всех сил заботится, чтобы они прожили своё детство безоблачно. Зима воскрешала в сердце белки забытую любовь, и ей опять хотелось ухаживать за своим выводком, оберегая его для будущей лесной жизни.

Не только наяву, но и во сне приходится остерегаться белке своего злейшего врага - куницы. Этот ловкий хищник лазает по деревьям почти так же хорошо, как и белка, он преследует её успешно на земле, и даже залезает в дупла деревьев. Только отчаянными прыжками с высоты на землю может спасти свою шкуру зверек, но горе ему, если куница застанет его спящим. Оглашая зимнюю тишину пугливым цоканьем, белка отдаётся в лапы неумолимого преследователя, и такие тревожные воспоминания будят её порой собственным сонным вскрикиванием.

А то вдруг приснится ей сама зима... Спит зверёк и видит вокруг такое же сонное царство, так что не разобрать, настоящая это зима или только её отражение. Занимаемая этой загадкой, решается белка покинуть свое гайно, чтобы отыскать припрятанную с осени шишку, а заодно удостовериться: в самом ли деле это ещё сон?

Пробежав же по сыпучему снегу и обжегшись морозом, она с удовольствием забирается опять в укрытие и, устроившись удобнее, замирает до первой оттепели. Смотрит белка свои спутанные сны, и зимняя жизнь уже нисколько её не пугает.

Ёж

В куче листвы и мха, свернувшись, как и белка, в клубочек, неподвижно коротает зиму ёж. Он ничего не чувствует, пока находится в спячке, и не просыпается, если его потревожить. Замерев под покровом зимы тугим колючим мячом, ёж излучает меньше тепла, и спит очень крепко.

Про ежа в русском народе существует много разных сказок, в которых он предстает, по большей части, добродушным зверьком. Ёж в них всегда очень смелый, никого не боится и всем помогает. При этом он сохраняет удивительное простодушие, несмотря на то, что обладает обострённым

чувством собственного достоинства. Но гордость не мешает ему жить: она только более поднимает его в глазах зверей и человека, и ежу оттого все доверяют.

Ежа не без основания считают умным зверем, полагая, что никто лучше его не может обустроить свою жизнь. А между тем происходит это у ежа довольно-таки бесхитростно и просто. Кто хоть раз натыкался в лесу на его зимнее убежище, несомненно, поймёт, о чём идет речь.

Выбрав место для норки где-нибудь под корнями старой ели, ёж заботливо утепляет её осеннею листвой и ложится тут же, если ему всё это понравилось. Затем он постепенно впадает в беспамятство зимней ночи, и уже ничего не желает. Ничто не мешает ежу сладко утихомириться в подступающем к нему покое. За этим безмятежным сном куда-то улетает и его душа, как будто несостоявшееся вдохновение отложило до следующего года своё неподражаемое появление.

Порой ёж залегает уж совсем открыто, так что его без труда можно обнаружить в лесу осенью или весной, когда он ещё окончательно не заснул или не проснулся. Из-под какой-либо древесной расщелины заметишь вдруг смешно выставившийся круглый зад ежа, и тотчас захочется потрогать его, несмотря на острые иголки. Ёжик от такого прикосновения очень мило хрюкнет и зароется головой ещё глубже. Больше уж после этого не станешь беспокоить зверька, а только представишь, как он рассердился.

Принято думать, что ёж очень ловко использует свои иголки, натыкая на них грибы и яблоки. Затем он будто бы несёт их в свою нору, и ест там всю зиму. Трудно представить такое просторное обиталище, которое могло бы вместить все его запасы, в сравнении с обычным закапыванием в листья. Но то, что ёжик спасается иглами от бесчисленных врагов, бесспорно.

Несмотря на видимую медлительность, зверёк этот очень шустрый. При подступившей опасности ёж быстро бежит, а значит, так же молниеносно принимает решения. Ни от кого не зависящий и смелый, ёжик делает всё так, как хочет, и его не обуревают сомнения. Сны его, если они вообще его посещают, должны быть самыми обыкновенными.

Про то, как он однажды боролся со змеей, и ничуть не дрогнул. Ёж, наверное, вовсе не боялся её и был просто непримирим. Змея могла быть его едой, и ёжик не желал отступать. Он сражался с присущей ему отвагой и нестигаемостью и, конечно, победил.

Воспоминания об этом зимой были никакими, как что-то само собой разумеющееся. Может быть, именно из-за такой его отрешённости многие всегда считали ежа забавным чудачком, вызывающим, между тем, полное сочувствие и широкое покровительство людей.

Все запоминающиеся потрясения ежа были связаны с его недругами, и потому зверёк мог видеть во снах рыжего лиса, повадившегося одно время к нему. Очень неприятным для ежа оставалось ощущение воды, в которую его сбросил хитрый зверь лапой. Ёжик, должно быть, фыркнул оттого во сне и

готов был проснуться, чтобы проучить обидчика. Ему тогда пришлось нелегко, и он чудом избежал расправы.

Ещё ежу снились ночные шорохи, когда он выходил на охоту. Спавшие листья и трава тогда будто оживали, и ёжик неустрашимо прокладывал себе в них дорогу, время от времени останавливаясь и принимаясь. Мелкие шажки его тоже отзывались в ночи, а цепляющиеся за ветки иголки замечательно позвякивали. Звуки ночного леса с чьими-то завываниями и вскрикиваниями часто посещали память ежа в глубокую зиму, когда всё вокруг было объято белой тишиной.

Несметное количество сверчащих кузнечиков, лениво ворочающихся навозных жуков и сочных дождевых червей обрушивалось на воображение ежа во сне. Слизни, лесные мыши и даже птенцы не укладывались у него в голове: так их было много. Со всеми ними ёж ловко расправлялся, даже не успевая восхищаться собственным искусством. А может быть, сны его были беззаботны, и все эти насекомые не вызывали у ежа какого-либо восторга. В своих видениях он поедал их ровно столько, чтобы удовлетворить посреди зимы чувство голода.

Так, в мирном забвении, перебивается ёжик в своих снах, и замкнутость эта, по-видимому, ему по душе. Оттого и одиночество зимних снов его не пугает, ёж забывается в них, к своей незатейливой радости, и ничего другого не желает.

Пчёлы

Интересно зимуют пчёлы... Одинокaя пчела погибла бы, а вместе они выносят очень большие холода. Сбившись плотно в клубок, пчёлы в течение зимы находятся в непрерывном движении - этим и спасаются.

Трудолюбие пчелы не знает границ. Вынужденная длительное время зимовать, она и тогда, наверное, представляет, как наполняет мёдом свои соты. Пчела и для себя мёд на зиму скапливает, и людям его отдаёт. Богу, говорят в народе, она тоже в угоду: из выделанного ею воска свечи церковные готовят. Так что без пчелы и поп обедни не служит.

Деток, что уродила, водит, людей питает, Богу дары приносит, а между тем она ни девка, ни вдова, ни мужняя жена. И хоть пчела, что даже Богу угождает, ни на кого не похожа, она особой святостью не отличается. Правда, как мотылёк, не щеголяет, да и белоручкой её не назовешь: трудится без устали, к зиме суровой себя обустривает.

Пчёлы, конечно, между собою дружны, но нелегко им зимой приходится. Зато имеют они своих покровителей, которыми на Руси считались святые Зосима и Савватий. Иконы этих святых на пасеках обычно ставили, служили им молебны, веря в заступничество их за пчёл: что у пчелы в сотах, то Зосима с Савватием дали.

Без занесённого снегом омшаника не так сказочно представлять себе русскую зиму. Длинный и таинственный сруб, замерший где-нибудь в

глухом сосновом или еловом лесу, на заснеженной пасеке, необыкновенно притягивает таящейся в себе таинственной жизнью. Сидя подле печки, ввечеру, захочется вдруг причаститься к этому невидимому пчелиному копошению.

Выйдя из избы, взглянешь сразу в морозное небо и обомлешь: всё оно усеяно посверкивающими звёздами, которые, словно золотистые пчёлки, весело роятся в вышине, к себе лететь зовут. Сладостно, как мёд, это их золотое кружение, забываем яркий блеск.

Гулко позвякивая старым холодным замком, с лёгким скрипом отворишь широкую дверь, и на мгновение замрёшь у порога. Фонарь в вытянутой руке осветит какую-то особенную тишину и благодать, а уж потом увидишь молчаливые ряды ульев. В узких проходах между ними будто залегло неясное движение...

Осторожно ступая, остановишься у какого-нибудь улья на выбор и, приставив резиновую трубочку к летку, с затаенным сердцем прислушаешься к тому, что происходит внутри. Поначалу даже ничего не поймёшь, но, успокоившись, приятно обнаружишь чуть ощутимый гул. Обрадуешься тут неизвестно чему, опять не на шутку разволнуешься и начнешь подходить к каждому улью. Везде пчёлы ведут себя по-разному.

По одному старинному поверью, так они празднуют в Рождественскую ночь рождение нашего Христа Спасителя. Или происходит это под Новый год, когда пчёлы отмечают его приход особенно громким жужжанием. Пчеловоды с суеверным старанием ходят подслушивать пчёл, моля Всевышнего о том, чтобы позаботился об их добром здравии.

Необычно и удивительно покажется тебе среди зимы это проявление жизни, и почувствуешь ты к ней огромную признательность, что, несмотря на силу свою и суровость, хранит зима такое тонкое тепло, от самой себя оберегает. Особой милостью своей препоручает зима пчёлам никогда не болеть и быть на мёд богатыми.

Пчёлы в своих неровных снах её еле слышно за это благодарят. Нелегко им, должно быть, сдерживать трудолюбивые порывы, жаждут они, чтобы поскорее лето наступило. Видится оно пчёлам жарким и разомлевшим, с буйством цветов и красок. Как полетят они над благоухающей землёй, и будут пить с неё волшебный нектар. Станут пчёлы опять озабоченными и неутомимыми, какими могут быть только они.

Впитывая с цветов краски неба, рек и облаков, пчёлы понесут в себе для человека дивный природный дар. Они не станут на человека злиться, даже если он порой окажется до мёда жадным. Пчёлы всё ему простят, тем более, во снах, на худой конец, лишь изжалив на благо руки...

Захватит пчёл во сне чудесный майский ветерок, овеет после долгой зимы своей чистотой их тонкие крылышки, нежно обласкает...

Дивные первоцветы наполнят до краёв истосковавшееся по ним пчелиное восприятие, и пчёлы воздадут тем дань Богу. Будет Господь их от

всякой напасти оберегать, так что даже Илья-пророк не сможет ударить громом-молнией в пчелиный улей.

Благочестивыми окажутся пчелиные сны, полные восторженной радости и света. Будут пчёлы в них пить весь аромат солнца, щедро взлелеявшего плоть земли. Утопая в волнах липового и малинового духа, они так одуреют от этого сладостного бремени, что вознесутся, даже для пчёл, высоко и беззаботно.

Слившись с бесподобным солнечным светом, пчёлы никогда не умрут, бесконечно сменяя друг друга. Их золотистое движение, по которому человек определяет незабываемую макушку лета, вовек не истает. Что за восторг переживают пчелы при жизни, знают лишь они, с таким же восхищением вспоминая о нём в зиму.

Но не теряют пчёлы головы, обеспечивая людям обильный медосбор. Густой пряностью пахнет от них лето, течёт несравненное медовое богатство. Пчёлы - его настоящие хозяева и покровители.

Забутые всеми зимой, пчёлы терпеливо ожидают своего часа. Чуть слышно дают о себе знать зимними ночами лишь досужему до них человеку. Изредка, по праздникам, усиливают гул, как бы радуясь исходу зимы, и опять засыпают. Всё в них соразмерно незатихающей жизни.

Много в жизни пчелы мудрости, коей не грешно поучиться и человеку. Ни змее подколодной, ни зверю какому лютому её не перещеголять. Ей эту науку Бог с роду открыл, и потому пчеле завидовать кому-либо не приходится. Трудится она на пользу Богу и людям, и всякий ей за это спасибо скажет.

Пчела оттого никогда не возгордится, ношу, что она на себя взвалила, нипочём не сбросит. Несёт её безропотно, в зимних снах даже не выпуская. Честно и преданно относится пчела к своему роду-племени, добродетели не теряя.

Сама достоинствами такими наделённая, она и людей, подобных себе, почитает. Не выносит же зла и порочности. Недаром в народе примечали, что у праведного рой за роем роится, у грешного последняя пчёлка переводится.

Окунаясь в зимнее забытие, пчела, наверное, только добрых людей вспоминает, и благодарит их летом, за кроткое да прилежное к себе обращение. Именно оно потом успех душистый слагает, и здоровье человеку целый год хранит. Доброе предзнаменование хозяину, если пчёлы у него благополучно перезимовали.

Крепко спят у такого человека зимой пчёлы, и ни о чем не тужат. В охватившем всю землю белом спокойствии ждут они лета, понапрасну не тревожатся. Чуть не каждый день наступает оно для них во снах, и пчёлы радуются его цвету и поклоняются теплу.

Муравьи

Незаметно спят всю зиму под снегом наши неизменные лесные труженики – муравьи. К середине зимы выюги да метели почти сравняли их дома с высокими сугробами, так что не отличишь, где снег, а где муравейник! Тихо вокруг, безропотно, сонно.

Заметив ещё не присыпанную до конца снегом верхушечку безмолвного холма, остановишься неподалеку, и вспомнится вдруг лето. Как собирал в тенисто-хвойном аромате крепкие боровики и в восхищении просил у неба долгожданной влаги, чтобы не прекращался рост пахучей грибной благодати до поздней осени. При этом сразу оживала в памяти старинная народная примета, связанная с появлением дождя. Верным средством для вызывания его было разорение муравьиной кучи.

Но, замерев рядом с жилищем оживлённых насекомых, призадумывался: стоят ли того эти необузданные желания? Не столько боясь накликасть на лесных жителей беду, скорее засовестишься чего-то в собственной душе. Взглянув же пристальней на муравьёв, поймёшь: не поднять тебе руку на такое хрупкое и грандиозное строение.

С виду дом у муравьёв - терем-теремок, на деле же - настоящая пирамида Хеопса. В ней существует множество ходов и переходов, коридоров и галерей, и даже есть подземные этажи. Все они ведут в комнаты-пещеры, что растут с каждым годом: в них муравьи сохраняют свои яйца.

От муравьиного терема бегут во все стороны их тропы, по которым муравьи тянут в крепких челюстях разный мусор, пригодный для строительства жилья. Часто груз бывает тяжелее самого муравья, но он упорно тащит его на себе. Порой целой гурьбой муравьи стараются дотащить до своего дома какую-нибудь приглянувшуюся добычу: гусеницу, бабочку или слизняка. Радуются при этом, суетятся, но не бестолково - с какой-то только им известной целью.

Все обязанности между муравьями разделены: кто-то неутомимо работает, а кто-то откладывает яйца. Муравьи очень заботливы по отношению к ним: утром перетаскивают вверх, к теплу, раскладывая на солнце, а к вечеру тащат обратно. Отправившись в июльский тёплый день в лес по малину, где-нибудь на вырубке заметишь толстенную полую колоду, по которой муравьи разложили свои продолговато-молочные яйца, и подивишься заботливости насекомых. Пуще человека они потомство своё обхаживают: честь им за это и хвала!

Огромные муравьиные кучи в любое время года придают лесу удивительную тайну и сказочность. Заметив их, сразу ощутишь чьё-то живое присутствие: неутомимое, тёплое, большое... Захочется подойти и долго смотреть на строго однообразные муравьиные перемещения, пытаюсь проникнуть взглядом в самую глубь этого непостижимого царства. С

благоговейным трепетом охраняют его муравьи: им там, должно быть, хорошо и покойно.

Когда на землю ложится снег, муравьи и вовсе засыпают, вспоминая во сне, как сладко пахнет летней хвоей и смолой. Домики свои они чаще всего устраивают именно в хвойном лесу.

Над спящими муравьями, наверное, всю зиму шумят зеленой листвой деревья и травы. Память их убажает сочная медвяная роса - самая желанная и сладкая. Сущий рай для муравьёв - летнее раздолье, его непревзойденные кладовые!

Какая сила живёт в этих неприметных насекомых, если они способны пробыть под снегом многие месяцы и затем вновь проснуться, неукоснительно продляя жизнь рода?! «Не велик муравей, а горы копает», - поговаривают о нём в народе. И ещё недаром распространяют слух о его мудрости: оттого он всё молчит, работает и слушает больше.

Но та же народная молва уличила муравья из-за его трудолюбия в корысти: на себя, мол, только насекомое неутомимо работает, и ни до кого ему дела нет! И зря, потому как пользу муравей огромную приносит.

Чудится ему, как собирает он по лесу растительные и животные останки, тут же в муравейник их тащит и тем самым почву облагораживает. Ни одна птица столько вредных насекомых не уничтожает, как вездесущий муравей! К тому же, лечит он своей кислотой зверей, птиц и человека. Правда, последнее ему порой с большими хлопотами обходится...

Во сне муравью видится, наверное, что к нему в конце зимы медведь в гости является. Разроет всё косолапый, разворошит и устроит себе лечебную ванну. Муравьев от этого недовольство большое одолевает, а сколько их ещё медведь подавит! Сердятся муравьи, норовят неуклюжего зверя больнее укусить, а ему того и надобно. Сильно медведь муравьев допекает, и они его во сне забыть не могут.

Кажется им, что медведь опять их муравейник разрыл, верхушек еловых туда насовал и, как ни в чем не бывало, улёгся. Шибко беспокоит это сон муравьев, и они оттого очень переживают. Ненавистен им лесной исполин, что так безжалостно с ними обращается.

Вспомнится вдруг муравью посреди зимы куча сухих листьев, которую ему непременно следует преодолеть. Для муравья этот путь полон пропастей, обрывов и запутанных ущелий. Но он всё же карабкается, падает и лезет вверх снова. Ничто не может остановить муравья в его стремлении достичь желаемого!

Хорошо ему требуется отдохнуть под снегом, чтобы, найдя потом пищу для себя, отдавать её собратьям. Эта достойная подражания щедрость свойственна только муравьям. Не позволяя муравьям вконец истощиться, зима спасает их во имя всеобщего семейного блага.

А может, муравей и вовсе не знает зимы, потому как не видит никогда снега. Инстинктивно залегает он, когда приходят холода, и спит себе без тревог до тех пор, пока солнце не растопит остатки зимы. Странно ему

видеть их, но работы невпроворот, и потому не задумывается серьезно муравей, когда натолкнётся на что-то поскрипывающее и холодное. Без страха преодолевает, может быть, чуть недоумевая, и вновь с головой окунается в нескончаемую заботу.

Не ведает, наверное, муравей и о том, что зима о нём, не покладая рук, хлопочет, создавая свой непревзойдённый уют. Укрывает пуховым одеялом, песенки колыбельные поёт, да сказки рассказывает. А муравей спит себе крепко в её тепле, думая, что это лето настало.

Но зима на него за это не в обиде, поскольку люб ей муравей и дорог. Экая малость, смекает она про себя, а и та терпение великое для жизни имеет. За терпение же даёт Бог спасение, воздам и я.

К весне солнце ласково обогреет землю и разбудит муравьёв, что залегли ближе других кверху. Выберутся они сонные, отогреются на оживающей земле и поспешат принести весть о тепле своим товарищам. Почуяв его, те тоже зашевелиятся, и начнётся для муравьиного царства новый день удивительных подвигов и свершений. Зима же только скромно улыбнётся им и пожелает успеха.

Змеи

С приближением холодов пропадают в лесах и змеи, впадая в зимнее оцепенение, а просыпаются только с пробуждением весны, когда и в их потаённом убежище повеет первым теплом. Меньше всего думают о них зимой люди, полагая происхождение всех гадов от Господнего плевка на землю.

По единодушному народному поверью, змеи на зиму сползаются со всего света в мрачное подземелье, где живёт змеиная мать-царица, осуждённая навечно пребывать под землею за то, что соблазнила в раю Адама и Еву. В подземелье этом змеи якобы остаются всю зиму, и вылезают из него весною, когда прогремит первый гром.

Выезжая однажды на охоту по октябрьской пороше, бредёшь в воцарившейся лесной тиши, где каждый корень или затянута льдом ямка отдаются в тебе каким-то неясным гулом, и отчего-то задумаешься о замолкшей земле. Сразу при этом подумаешь о тех, кто вынужден спасаться в ней, о самых непривлекательных и непонятных обитателях леса.

Как происходит это всеобщее змеиное сползание, и каким образом складывается между ними зимнее житьё-бытьё? Что чувствуют змеи во мраке зимней ночи, и сплетаются ли в их воображении, представляющемся липучим, какие-либо видения?

Как бы ни было неприятно это наваждение, ты не торопишься избавиться от него. Тугим змеиным шаром, виденным когда-то по весне в скалистом ущелье, подкатывается оно к тебе, распадаясь на глазах. Жуткие мысли-змеи настырно лезут из отвратительного кома в разные стороны, ещё с зимы вялые и одеревеневшие, но неукоснительно их приближение. Не в

силах бежать от этого случившегося лесного откровения, стоишь, как вкопанный, и смотришь на пробуждение гадов. И почему-то не можешь отвести взгляд: так притягивает тайна этого змеиного воскрешения...

Где-то там, в заснеженной земле, лежат и дышат змеи друг на друга улаждающим теплом, и нет меж ними разногласий. В глубоких рытвинах, под гнилыми пнями хранят они все вместе летнее тепло. Ни стыдно им, ни гадко - хорошо. Хорошо неведомо ни для кого, по змеиному, для всех чужому. В клубке сплетенных тонких тел таятся неясные змеиные согрешения.

Так, вместе, им сподручней миновать лихолетье мороза и разудалые метели. Зимний век медленно течёт для них большой змеёю и, убаюкивая, шипит: всем нужно спать, спать, и видеть в этом застылом омертвлении диковинные сны...

О чём они, эти сны, что, по-змеиному, украдкой подползая, клубятся и липнут друг к другу голым откровением? Может быть, о принадлежности к змеиному исчадию или обладанию чудодейственной черной силой? Среди всех звериных снов особенно худым кажется людям истечение снов змеи...

Всё мягкое, сырое проникает в мысли человека именно из-под земли, чего, наверное, не вообразить, пока ты сам не обернёшься змеем. Не поползёшь росистой травой, не схватишь лягушатины кусок. Околева с раннего мороза, не заберёшься под древнюю корягу и не утратишь ко всему живому интерес. Заснёшь или задремлешь отрешённо, но зашипишь, коль сунется к тебе чужой.

Змеёю жить в зиме непросто, если ты один. Вот оттого все гады и тянутся друг к другу, предупреждая собственную гибель. Безошибочно находят то, что нужно, чувствуют его очень чутко и всё предугадывают. В тесном сонном сплетении им зимой не страшно, и только копошатся жала тёмных змеиных мыслей.

Эти сонные мысли, должно быть, о том, как выползают змеи из состарившейся кожи, готовые опять жить в сырости лесов. Перебираясь же из мрака к свету, они постепенно обретают способность слышать голоса животных, понимать и постигать целебное значение растений. Копя сатанинскую мудрость, все змеи готовят себя к соблазнению неправедных. Не миновать их сладостного шипа тем, кто без оглядки горд и мелочно расчётлив.

Все змеи, вместе с их нетронутыми снами, почему-то вызывают в человеке боязнь. Но какое ему, впрочем, дело до гадюк, ужей и медянок?! До их слепых видений, что тащатся противно и пахуче в утробе убаюканной зимой земли. И всё же исстари каждому, кто встретит гада, было наказано убить его, тем отпустив пред божеством своё грехопадение. И люди не щадили змей...

Лихого человека, злого, которому не в радость был родимый брат, сравнивали с гадом. А на деревне его прозывали «шишком червивым», и не общались, обходили стороной. По мнению людей, змей раньше жалил

именно того, кто проявлял к нему внимание. Но разве русский мог не отогреть за пазухой худого?!

Так в сердце человека незаметно западал комок обнявшихся змеиных снов, распутывать которые, казалось, жутко, но страшно интересно. В змеиных скользких помутнениях перед ним открывалась суть природы, её невообразимая мощь и неистребимость. Змеи приносили в неё своё таинственное тепло, копившееся всю зиму, и ещё яд, что излечивает болезни.

Змеиное присутствие полезно жизни леса и неотвратимо для человека. Оно - как его незатихающая совесть, напоминающая шёпотом о главном. Свернувшись в глубине души, вдруг так больно ужалит, что навсегда лишит покоя. Вот отчего змеиное соседство важно: расслабившись, жди, тотчас, наказания.

Зима хранит пристрастие змей к правде, к великой истине, которой тоже требуются сновидения. Чтобы отмякли, отдохнули жала, и змеи не растратили бы свою силу, опустившись до презрения к человеку.

Надобно внимательно взглянуться в зимний сон природы, не погнушавшись, может быть, как раз змеиным, а увидев в нём необыкновенную лесную тайну, которая помогает между делом выжить, воздать благодарение Богу, породившему всех этих тварей.

И ещё следует отвесить особый поклон зиме, продолжая любить её со всею страстью, какой способен одарить только друг или гада. Змеиный сон тогда становится всем понятным, и каждому живущему во благо.

Птицы

Бывает такая тишина в зимнем лесу, что кажется, будто свистят рябчики. Но нет, птицы находятся под снегом, а тебе почему-то трудно обойтись без них. Неспешно идёшь на лыжах и знаешь: даже за короткий зимний день обязательно встретишь аккуратные лунки, углубленно голубеющие в снегу.

Птицы вдруг взвываются из-под ног упруго, напористо, испугают на миг и тотчас очаруют своим стремительным исчезновением. Некоторое время смотришь потом в просвет ветвей, где исчезли птицы, и думаешь о том, какие они по-настоящему красивые, придающие обаяние нашему лесу, и в то же время укромные, с чудесным дымчатым окрасом, подобно маленьким живым облачкам, затерявшимся в глухом зимнем лесу.

Спят в заснеженном лесу и рябчики, и глухари, и тетерева, и так это сказочно у них получается, что захочется разгадать тайну этих зимних снов. Правда, иногда зима как будто не желает, чтобы человек проникал в её загадки, и за ночь переметает их. Хорошо спать птицам под снегом, уютно.

Человеку же становится завидно, что он не глухарь или тетерев. А как было бы сладко забыться, подобно птицам, и уснуть в снежном тепле где-нибудь у молчаливо синеющей кромки елового леса. Чтобы не тревожили тебя ни филин, ни рысь, и спал бы ты крепко-крепко.

Нет, наверное, большей радости в зимнем лесу, чем ночевать так в глубоком снегу, под ярко мерцающими звездами. Деревья от мороза глухо потрескивают вокруг, и слышно, как изредка вскрикивает сова. Но ты знаешь, что ей тебя сейчас не достать: пухлый снег спасает.

Вот крадётся у края опушки хитрая лиса, то и дело принохивается, пристально всматривается, замирает. Дивное украшение леса её зимняя шуба, но коварны замыслы. Рыщет она в поисках желанного глухаря или тетерева, не погнушается и рябчиком. Твоё сердце, если ты птица, замирает от испуга, вот-вот готово вырваться на волю, да лесное чутьё не позволяет. Не шелохнувшись, сидишь ты и вслушиваешься в подбирающиеся звуки, а лиса поскрипывает когтями и подбирается все ближе, ближе.

Не прочь полакомиться боровой дичью и могучая лесная кошка - рысь. Ей не занимать смекалки, как добыть себе пропитание. Всю ночь, и даже днём бродит она по заснеженным полянам и просекам в надежде выхватить из-под снега сладостный кусок. И хоть вся зима для глухаря, тетерева и рябчика превращается в одну ночь, но страха они в себе не теряют. Спят и видят сквозь сон все звериные ухищрения, в себе непрестанно их переживая.

Все эти птицы крепко привязаны к зиме. Что-то исчезнет без них бесследно, если отнять у леса стремительный взлет птиц, тихое бдение на соснах в метель, бормотание в ясные морозные дни. А ещё - их красоту и силу, обаяние и неожиданность, с которой они вырываются из-под снега. В конце концов, ту тайну, что уносят птицы от тебя на своих крыльях, а ты смотришь им вслед и не можешь понять, отчего так безудержно бьётся в твоей груди сердце.

Что-то удивительно сокровенное и в то же время доступное каждому любознательному человеку таится в глухаринной, тетеревиной и рябчиковой лунке. Какой-то сонный и уютный комок лесных чувств, готовый всегда раскрыться и поразить. Птица просто перенесётся из одного своего сна в другой, поменяв лунку, и вновь затихнет. Так добра к ним великая зима и так справедлива. Тёплыми и мягкими снегами, задушевными выюгами и бодрящими морозами оберегает она глухарей, тетеревов и рябчиков, потому как любит их всех, примечает и лелеет, никуда от себя не отпуская.

Да птицам того и надо: лес всегда немалую заботу о них имеет. В просветах между снами сосны угощают глухарей душистой хвоей. Застывшие березы на всю зиму заготовили тетеревам ароматные почки. Лесная чаща сберегла для рябчиков подслащённую морозами рябину. Ешь вдоволь и опять окунайся с головой в снежный сон, что уносит к сладостным весенним, летним и осенним воспоминаниям!

Но вспугнутые кем-либо, сны птиц не перемешиваются, потому как просты и бесхитростны. В простоте этой - вся мудрость лесной жизни птицы, её дикий страх, тихая радость и восторженный полёт с проникновенной песней.

А как удивительно падение птиц с ветвей в сугробы! Снега синеют в сумерках, и только короткое хлопанье крыльев нарушает воцаряющуюся в

лесу тишину. Стремительными и лёгкими плодами срываются птицы с деревьев, и тотчас исчезают, унося за собой под снег невысказанную тайну. Попробуй, отгадай её, когда всё казалось ясным и доступным во время их кормежки на деревьях, и вдруг - птицы пропали!

В первую очередь очаровывает та отрешённость, в какую впадают скрывающиеся из виду птицы, и их слияние с зимой. Но главное же - способность продолжать свою жизнь под снегом, закаляя и без того отменное лесное здоровье. Вот это и пленяет всего сильнее!

Ты стоишь, замерев, смотришь на таинственно зияющие в голубеющем снегу лунки, и что-то вдруг переносит тебя вместе с птицами под полог древнего нетронутого леса, когда нетронутость всего живого составляла суть лесной жизни. Дикость её была, наверное, удивительно приятна, и древние леса сразу начинают представляться какими-то диковинными и сказочными, а жизнь в них - удивительно волшебной.

С тех незапамятных времён минула бесчисленная череда зим, в которых птицы незаметно мужали и становились красивыми. Всё требовалось пройти и увидеть им, переболев суровой жизнью леса, чтобы, в конце концов, обратиться в настоящую птицу.

Студёная зима повергала птиц в жуткое оцепенение и, наверное, им часто не хватало сил выбраться из её жестоких объятий. Зима сковывала свободолобивые крылья ледяной коркой, бушевала лютой стужей и первобытным ветром. А сколько птиц погибло в зубах зверя, прежде, чем они научились ускользать от него! Но вопреки всему глухари, тетерева и рябчики выжили, обретая в этих зимах своё имя.

Имя так же, как тело и душа птицы, выпестованное веками, подходило ей как нельзя лучше. Со временем осталась лишь прекрасная и простая суть: любовная страсть глухаря повергала его в слепую околдовывающую глухоту; рябщая в глазах и мерцающая меж ветвей дымчатая пестрота рябчика спасала его от врагов; забавное квохтанье тетерева, одиноко сидящего на березе и ничего не замечающего вокруг, необыкновенно оживляло унылый зимний пейзаж. Разве можно было обойтись тут без убаюкивающих зим и снов, в которых птицы забывались и копили свою будущую силу, обаятельную пегую окраску и заволаживающее бормотание?

Лежат птицы под снегом большую часть зимнего времени, вылетая только на утреннюю или вечернюю кормёжку. Иногда захочется им промяться, и они выбирают на свет, но никуда не улетают, а бродят поблизости от лунки. Радуются птицы, наверное, свежему зимнему воздуху и возможности опять залечь в свою тёплую снежную постель.

В предвкушении скорых снов птицы неторопливо обходят родную опушку, изредка склёвывают снег и при малейшем шорохе настораживаются, чуть приподнимая лапу. Успокоившись, вновь неспешно продолжают свою прогулку. Сны ещё не совсем покинули их разыгравшееся за ночь воображение, и птицы тихо переживают увиденное про себя.

А бывает, ты сам окажешься виновником их внезапного пробуждения. Натолкнувшись на взлетевших из-под снега птиц, вдруг ощутишь всю радугу чувств, так невидимо живущих в твоей душе, преданной природе. И будешь благодарен и птицам, и лесу, и зиме, что бережно сохранила их в своих сказочных чертогах.

Оглавление

ВРЕМЯ СКАЗОК	1
ПРЕДИСЛОВИЕ	1
НАША ЗИМА	1
ОБИТЕЛЬ СНЕГОВ.....	21
НАРОДНАЯ ЛЕТОПИСЬ ЗИМЫ	34
ЗИМНЯЯ СКАЗКА	58
ВОЕВОДА ЗИМЫ РУССКОЙ.....	67
СНЕГУРОЧКА	74
ПОД СЕНЬЮ НАШЕГО ДЕТСТВА	77
СЕРДЦЕ ЗИМЫ	95
ЗЕРКАЛО ДУШИ	105
РОЗОВАЯ, ГОЛУБАЯ, ЗЕЛЕНАЯ.....	114
СЛЕДЫ НА СНЕГУ	127
Переступы.....	130
Сакма.....	132
Оконца.....	136
Нарыск	139
Малик	142
Побежка	144
Наброды	146
ЗИМНИЕ СНЫ.....	149
Медведь.....	151
Барсук.....	153
Белка.....	156
Ёж	158
Пчёлы	160
Муравьи	163
Змеи	165
Птицы.....	167